

НИККИ ЛОГАН

Тридцать свиданий

Лондонская мечта Айседоры Дин сбылась — съемная квартира в Ноттинг-Хилл, пусть и вместе с подругами, стабильная работа, дорогая одежда, сумасшедшие вечеринки и... ощущение пустоты. С появлением нового босса жизнь Иззи меняется. Требовательный руководитель Гарри Митчелл хорош собой, остроумен и сексуален, но вполне возможно, что он выдает себя за другого. Влечение Иззи к Гарри перерастает во влюбленность, однако на ее пути тайны прошлого...

Никки Логан
Тридцать свиданий

Интересно, а дьявол носит вещи из тончайшей шерсти в одиннадцать микрон?

Даже стоя у противоположного конца дорожущего стола своего шефа, Иззи Дин точно знала, что темно-серый костюм Гарри Митчелла был мягким на ощупь, как котенок. Ее пальцам просто не терпелось погладить дорожную ткань.

Может, ей дотянуться и хлопнуть его по плечу, чтобы стереть эту самодовольную ухмылку с щетинистого лица?

— Осторожно, Дин, ты выглядишь так, словно хочешь уложить меня на лопатки.

— Разве? — притворно удивилась Иззи. Конечно, он ни на секунду не поверил ее наигранной наивности. Уж слишком он привык к стычкам и препирательствам с ней.

Господи, это было бы великолепно! Напрячь все свои мышцы, которые она развила еще в детстве, убирая кухни ресторанов фастфуда, и — раз! — усадить Митчелла на его аппетитную ханжескую задницу прямо здесь, в его стеклянном офисе. Да весь затюканный отдел аплодировал бы ей стоя!

— Эй!

Большое лицо замаячило перед затуманенным взглядом, и она снова сфокусировалась на голубых глазах — оттенок оазис, согласно таблице-классификатору «Какого цвета его глаза?» в ее любимом потрепанном женском журнале. С леопардовыми пятнышками синего цвета.

Не то чтобы она специально искала в таблице его оттенок...

Даже его ресницы напоминали раскидистые пальмы, окаймляющие оазис, что вполне соответствовало поэтическому названию. За исключением одной вещи — в пристальном взгляде Гарри Митчелла не было ничего, даже отдаленно напоминающего блаженную прохладу. В его глазах бушевал вулкан, обдающий Иззи жаром в самые неподходящие моменты.

Как сейчас.

— Ты сердишься.

— Вот поэтому ты и получаешь большие деньги, Митчелл, — медленно закипала она, — за это несравненное внимание к деталям.

— Забавно, что ты упомянула детали...

— С моим докладом все в порядке?

— Формально да...

Она тряхнула короткими волосами и уставилась на него:

— Цифры в порядке?

— Ты же спец, палочка-выручалочка в офисе, когда твои коллеги не могут что-то решить. — Он посмотрел на Иззи. — Конечно, они в порядке.

— Тогда все нормально. Я не вижу никаких причин, чтобы тратить время и переделывать его.

Гарри разочарованно запустил пальцы в волосы, и Иззи ощутила легкий пьянящий мужской аромат.

Неприятный запах, сказала она себе. Запах босса. Отвратительно.

— Ты на самом деле хочешь, чтобы о тебе наверху думали «нормально»? — спросил он.

— Я проработала здесь намного дольше тебя. Они знают мою работу.

— Вот эту работу? — Он поднял ее последний доклад. — Или эту?

Иzzi посмотрела на скромную папку, которую он держал в другой руке.

— Что это?

Хотя ее нижняя губа точно знала, что это было, — она оказалась между зубов, и Иззи начала ее слегка покусывать. На какое-то мгновение Митчелл отвлекся, но быстро взял себя в руки:

— Я поднял один из докладов, который ты подготовила в первые месяцы работы в «Бродмор НатАли». Это что-то выдающееся.

Наконец-то! Какое-то признание... Спустя всего двенадцать месяцев работы.

Но он не закончил.

— Его не сравнить с сегодняшними жалкими попытками. Сколько еще ты собираешься эксплуатировать свою репутацию, Дин?

— Я не помню, чтобы обладание Пулитцеровской премией было одним из основных критериев для этой работы.

Папка с глухим стуком упала на письменный стол, и акцент Митчелла стал более выраженным — как всегда, когда Гарри злился. Он обошел вокруг стола и посмотрел на Иззи сверху вниз:

— Твой доклад поверхностный и скучный, и я хочу знать почему.

Иzzi изо всех сил старалась не позволить сексуальному австралийцу отвлечь ее своим выговором.

— Может, ты хочешь, чтобы я написала тебе отчет на эту тему?

С этими словами она развернулась и выскочила из стеклянного кабинета Митчелла, — наверняка все сотрудники читали их разговор по губам, — направилась к своему столу и с размаху упала в удобное кресло, где ей особенно хорошо думалось.

В любом случае лучше, чем рядом с Гарри Митчеллом.

Деспот.

Ни у кого в этом офисе бесконечные обязательные доклады и отчеты не были похожи на произведения высокой прозы. Возможно, когда-то Иззи была важна внешняя сторона, но сейчас ее интересовали только итоговые цифры и значки фунтов стерлингов. Факты и только факты — потому что именно в этом состояла работа и именно за это платили зарплату, разве нет?

Ее плечи поникли.

С каких это пор понятие «приемлемо» устраивало Айседору Дин? Ей не нравилось, что чувство неудовлетворенности явно стало проявляться в ее работе, но еще больше она ненавидела то, что именно Гарри Митчелл указывал ей на это.

Как будто ему нужно было к чему-то придраться.

Она обвела взглядом офис, изучая коллег, которые изо всех сил делали вид, что им все равно. Митчелл был прав: все они приносили ей документы на проверку. Потому что она была профессионалом.

Но быть профессионалом не значит автоматически быть счастливым.

Она щелкнула по маленькому декоративному ежику, стоявшему на столе, и тот энергично закивал. Затем она отстегнула бейдж с жакета и устала на свою фотографию — радостное, оптимистичное, полное энтузиазма лицо девушки, получившей новую работу. И вспомнила, как раньше относилась к тому, чем занималась. Как благодарна была судьбе за то, что получила хорошую должность в такой престижной фирме. Как игнорировала

беспокойство родителей. Как бурно праздновала с подругами.

Куда делся этот энтузиазм?

Она прицепила бейдж обратно к жакету. Лежащий рядом с ежиком телефон прогудел, оповещая ее о новом сообщении. Иззи рассеянно взяла его и быстро прочитала.

«Когда перестанешь дуться, зайди, пожалуйста, ко мне, чтобы мы могли закончить разговор».

Здание словно накренилось, как будто Лондон находился в зоне геологического разлома, и Иззи вцепилась свободной рукой в край стола. Но вместе с этими высокомерными словами что-то сместилось и в ее голове. Все сдвинулось... влево... на полтора дюйма, и Иззи увидела свою жизнь намного отчетливее, чем прежде.

Это была не обида. А настоящие невыносимые мучения.

Митчелл был прав. Она потеряла харизму. И даже не заметила этого.

Никто не хотел иметь в подчинении скучного сотрудника. Может, она просто должна проглотить это, пойти и пообещать исправиться? Постараться вернуть свои прежние энтузиазм и заинтересованность?

Телефон снова загудел.

Иззи подняла глаза и взглянула поверх коллег прямо на кабинет Митчелла. Всеми своими шестью футами босс опирался на край стола — скрестив ноги, все еще с телефоном в руке, он, не отрываясь, смотрел на нее. От его пристального взгляда кровь непроизвольно закипала у нее в венах. И Иззи поняла, что именно из-за этого она вообще приходила на работу.

Ежедневный адреналин, который она получала от спарринга с *Принцем Гарри* через стекло его корпоративного орлиного гнезда, располагавшегося на большой высоте. Или по электронной почте. Или на совещаниях отдела.

Как доза кофеина для ее души, разрушавшая сонное оцепенение с восьми утра до шести вечера.

Напоминая, что она до сих пор жива.

Вообще, часть его работы состояла в том, чтобы говорить ей, как работать. Тут не было ничего личного. Так почему же она поворачивает все именно так? Да, он сидит у нее в печенках, и нет, он не самый лояльный руководитель, готовый оказать поддержку, но вряд ли Митчелл виноват в том, что она сделала его своим личным дефибриллятором.

Возможно, она могла бы работать с ним, а не против него. Может, союзник из него получится лучше, чем враг?

Пока Иззи изучала его, что-то в ее взгляде смутило Митчелла, и между бровями у него образовались три маленькие морщинки. Он слегка оттолкнулся от стола и протянул руку в ее сторону.

Почти умоляя.

Взгляд Иззи упал на телефон.

«Пока не поздно, Дин!»

Ее пальцы задрожали, и, боясь выронить телефон, она положила его на стол.

Вот вам и союзники...

Тут ей в голову пришла блестящая идея.

Настолько блестящая, что Иззи не могла понять, почему ее не осенило раньше. Столько времени и энергии пропало впустую.

Она поднялась, разгладила юбку-карандаш, проведя ладонями вниз по бедрам, и

подняла взгляд на Митчелла. Затем, пытаясь подражать движениям Скарлетт Йоханссон, она скользящей походкой направилась к его кабинету и вверх по ковровым ступенькам к стеклянной двери, за которой все еще стоял Митчелл, напряженный от раздражения. Иззи остановилась прямо перед ним, так что мыски ее туфель на высоких каблуках касались бы его итальянских кожаных ботинок, если бы не стекло.

Все без исключения в комнате устали на нее, в том числе и Гарри Митчелл, чье раздражение сменилось замешательством. И чем-то еще. Он с интересом наблюдал за ее походкой а-ля Скарлетт Йоханссон, доставлявшей ему невероятное удовольствие.

Иззи облизнула губы и, наклоняясь ближе,дохнула на стекло — оно сразу запотело.

У Митчелла перехватило дыхание.

Она подняла указательный палец к губам и эротично облизала его, а затем провела им по своей полной влажной нижней губе.

Его грудь поднималась и опускалась. Он не сводил с Иззи голубых глаз, в его взгляде было привычное возбуждение. И ожидание.

Она написала несколько букв на запотевшем стекле.

Всего два слова.

Одно плохое. Другое очень плохое.

Тлеющий взгляд Митчелла скользнул вниз по стеклу, а затем вспыхнул, когда он прочитал надпись.

— Надеюсь, это достаточно прозаично для вас, сэр, — язвительно сказала Иззи, не повышая голоса.

Его левая бровь поднялась. Дерзкое заявление на стекле было лаконичным и однозначным. Никаких сомнений — она навсегда порвала с «Бродмор». После такого можно было рассчитывать только на увольнение.

Она это вполне осознавала.

Иззи стерла подпись со стекла рукавом и, не обращая внимания на ошеломленных коллег, окрыленная, вернулась к своему столу.

Она вытряхнула корзину для бумаг — три скомканных листка выпали и покатались по полу, — и сложила в нее сотовый телефон, ключи, крем для рук, все еще кивающего ежика и школьную фотографию, на которой она была изображена с подругами Тори и Поппи.

А потом она просто... вышла.

Никаких оваций со стороны забитых коллег, если кто-то из них и попрощался с ней, то Иззи не слышала — кровь яростно стучала у нее в ушах.

Она вошла в лифт и повернулась лицом к Гарри Митчеллу, который все еще стоял разинув рот в своем стеклянном аквариуме и глядел на нее со сложными эмоциями на лице.

Разочарование — к которому она уже привыкла благодаря своим родителям.

Ошеломленное недоверие — какое испытываешь к тем, кто только что оступился и рухнул вниз по карьерной лестнице, что она только что сделала.

Потеря — чего-то неуловимого, непередаваемого, непонятного...

Иззи нахмурилась. Именно это чувство потери она испытала, когда двери лифта, шелестя, отрезали ее от всего, чего она, как казалось, хотела от жизни.

— Кто я? — пробормотала Иззи, нанося на ресницы тушь, для чего ей пришлось упереться локтем в зеркало, втиснутое в простенок рядом с крошечным окошком кладовки. — Фокусница?

Она совсем бы не возражала против пары магических навыков, если бы одним взмахом палочки могла сделать себя красивой. Или увеличить грудь. Или утроить свой банковский счет. Но единственный волшебный атрибут, который ей полагался, — это чулан под лестницей, где еще три дня назад она с соседями по квартире хранила всякое барахло.

Не важно, что это была довольно красивая лестница и вела она на великолепную мансарду, которую Иззи когда-то обожала. Не важно, что на самом деле это была настоящая комната, прежде чем превратилась в их кладовку. Она была крошечная.

Комната бедной девушки.

Мало того что ей пришлось отправить большую часть своих вещей обратно в родительский дом, так еще и ее импульсивность вывела всех из себя — потому что Поппи и Алекс должны были также вынести из кладовки свои пожитки и не могли сложить их в старую комнату Иззи: в настоящий момент ее нужно было сдавать, чтобы вернуть долг.

Эх. Ее комната... Ее прекрасная комната.

Скоро в ней будет жить кто-то другой.

Иззи переложила тушь в другую руку, чтобы лучше подкрасить левый глаз.

— Цена свободы, — вслух напомнила она себе.

И самоуважения. Все, чего она достигла в жизни, было ради этого.

— Иззи... — Поппи постучалась в дверь, потом просунула внутрь голову, умело увернувшись от вешалок для одежды, зацепленных за дверную раму и норовивших выколоть ей глаз. — Ты собираешься пропустить большую часть собственной вечеринки?

А можно всю?

Вообще, Иззи обожала вечеринки, любила находиться в центре внимания — ведь ей нужно было наверстать все несостоявшиеся праздники в ее жизни, — но тема *«Поздравляю, ты безработная»* ей не особо нравилась. Даже если Поппи предложила более оптимистический вариант — *«Поздравляю, ты избавилась от работы, которая угнетала твою душу»*. Конечно, что-то ведь нужно было сказать, чтобы преодолеть замешательство. Иззи оттолкнулась от вычурного комода, неловко втиснутого между стеной и односпальной кроватью.

Односпальной...

Вот кем она стала — наполовину накрашенная нищенка, спящая на детской кровати.

Цена свободы.

— Это Тори смеется? — спросила Иззи. И под смехом она подразумевала мелодичный перезвон кокетливых колокольчиков, который их лучшая подруга использовала в качестве оружия. — Сколько она уже здесь?

Поппи элегантно приподняла бровь:

— Я думаю, более уместный вопрос, сколько времени ты здесь провела? Уже девятый час.

— О-о...

Кладовка было слишком тесной для настенных часов, а Иззи никогда не носила

наручных.

— Тогда самое время выйти.

С какой стати положение безработной стоит праздновать?

Потому что она так решила два дня назад. А сегодня передумала. Через пару дней она, вероятно, снова будет относиться к этому по-другому. Неудивительно, учитывая резкую смену ее настроений и депрессивные мысли, которые посещали ее в последнее время.

Настолько депрессивные, что она даже собиралась позвонить маме, чтобы посоветоваться с ней. Пока не вспомнила, что больше так не делала.

— Ну же, Из, — торопила Поппи. Видя ее сомнения, подруга распахнула дверь: — Тебе понравится, как только ты окажешься там.

Но обязательно с шампанским в руке. Одного взгляда на толпу людей в ее квартире было достаточно, чтобы Иззи укрепилась в этой мысли. Пришли только друзья, но все равно Иззи чувствовала себя не в своей тарелке. Будет грубо и невежливо, если вместо вечеринки она пойдет в кино? И своим отсутствием вознаградит друзей, — собравшихся, между прочим, чтобы поддержать ее, — за их доброту?

Она остановилась в дверях. Они станут не первыми отзывчивыми людьми, которых она предаст.

Но сегодня был не самый подходящий момент, чтобы думать о родителях или неблагополучном детстве. Сегодняшний вечер был предназначен для мужественных улыбок и общения.

Она последовала за Поппи на кухню и не поднимала глаз, пока не ощутила в руке приятную тяжесть бокала.

— Пожалуйста, скажи мне, что у нас есть шампанское «Лансон».

— Не знаю. Дорогой братец заказывал выпивку.

Шампанское было — слава богу, — и Иззи осушила свой первый бокал, пока ополаскивала грязную посуду, уже скопившуюся на кухне. И выпила второй, нарезая овощи и укладывая их на блюдо.

Их многочисленные друзья набросились на овощную нарезку как стая брайтонских голодных чаек.

— Боже, я обожаю эту штуку, — проворковала высокая брюнетка и, зачерпнув кусочком паприки основательную порцию соуса и затолкнув все это в рот, спросила, хрустя: — Сама делала?

— Рецепт хозяина дома, — сказала Иззи. Не было ничего странного в том, что военному хорошо удавался соус. Или это было не более странно, чем ночной образ жизни Алекса.

— Привет, Ричард. — Она кивнула, протягивая блюдо.

— Обожаю еду бедняков, Иззи, — отозвался тот, обмакивая веточку брокколини в соус. — Очень в тему.

Да. Если быть бедным так весело, то почему она так редко улыбалась в детстве?

Иззи протискивалась между гостями, медленно пробираясь с овощами в дальний конец ярко освещенной и эклектично украшенной квартиры — реконструированного промышленного помещения. Гости приветствовали ее и сочувствовали и всю дорогу обмакивали овощи в соус.

— А дальше что? — Одна из соседок этажом ниже старалась перекрычать музыку и болтовню.

— Пока не знаю, — ответила Иззи. — Период покоя, чтобы собраться с силами.

Красивое лицо нахмурилось.

— О, я решила, у тебя уже все продумано.

Нет. Не продумано. Хотя естественно, что ее друзья ожидали этого, потому что прежняя Иззи поступила бы именно так. Та Иззи, которую они все знали.

Организованная умная Иззи.

Первая ученица в классе и лучшая в своем отделе.

Но новая Иззи неожиданно начала действовать как ее собственная мать. Предпочитая принципы, а не выгоду. Новой Иззи был важен настоящий момент и драматичные пышные заявления. Только не реальность.

Она остановилась напротив одного из больших окон и сделала вдох, приготовившись к очередному проходу с наполовину опустошенным подносом. Толпа гостей на мгновение разошлась, и Иззи увидела специфические трехцветные волосы Тори. С абсолютно счастливым выражением лица она сидела на коленях у мужчины, кокетливо опираясь на свои вызывающие каблуки — если бы не его сильные руки, то она давно бы опрокинулась назад и рухнула на пол на глазах у всех друзей. Но ее поддерживали не тонкие, бледные, немного жутковатые руки ее приятеля Марка, это были сильные, загорелые чужие руки.

О-о... Они расстались? Уже?

Толпа снова сомкнулась, закрывая от нее Тори, и Иззи направилась со своими овощами обратно к кухне, умиряя массы.

Хм... возможно, ее новая должность — это официантка. Она определенно обладала необходимой для этого ловкостью. Может, в кафе на первом этаже ее возьмут на работу, тогда ей не придется тратить на дорогу. Конечно, негативный момент в том, что умения обслуживающего персонала ни в грош не ставились.

Это была единственная работа, которой она умудрилась избежать в своем бесконечном тяжелом детстве.

Последний кусочек цукини исчез в тот самый момент, когда Иззи дошла до кухонной двери. Еще бы. Она нарезала именно то количество овощей, которое было необходимо, бессознательно пересчитав гостей.

Количества. Числа. Вот это ее тема. Прогнозы, оценка стоимости и принципы формирования доходности. Не важно, был ли это инвестиционный фонд «Бродмор НатАли» или горка хрустящих овощей, теория оставалась одной и той же. Использовать все имеющиеся ресурсы и минимизировать отходы.

Зевок.

Неудивительно, что она ушла. Ее работа приносила ей фантастический доход, который, в свою очередь, обеспечивал ей фантастический образ жизни в центре города, но больше она ничего положительного сказать не могла. Изматывающая дорога до офиса и обратно; вызывающий раздражение босс — настоящая кара Божья; однообразная рутина, напоминающая День сурка.

Иззи бросила пустой поднос в раковину и потянулась за ножом.

Когда сегодня вечером он пришел сюда с намерением найти общий язык с женщиной, он имел в виду не *эту* женщину. И не такой *общий язык*.

Однако Гарри подумал, прижимая ладонь к упругой попке, которая как раз сидела у него на коленях, что все могло быть хуже. Может, ему насладиться обществом Маты Хари еще десять минут? Провести немного времени с женщиной из плоти и крови?

С той, которая была рада его видеть.

Кроме того, он больше никого здесь не знал и был благодарен дымовой завесе, которая позволяла ему следить за Иззи Дин.

Айседора.

Гарри испытывал бы к ней жалость, если бы не злился так сильно из-за того, что должен торчать здесь.

Дива оставалась такой же дивой, несмотря на то что хорошо выполняла свою работу. Или несмотря на то что на нее было приятно смотреть — такую стройную, длинноногую, как Кира Найтли. Стеклянные стены его кабинета позволяли ему оценивать ее внешность и фигуру, когда Иззи была чем-то занята. Или когда делала перерыв. И он по полной использовал все возможности.

Гарри планировал, что Дин сменил его, когда он получит повышение, но после скандальной разборки в среду...

Пусть уходит.

Фирма вполне обойдется без сотрудников, требующих к себе слишком много внимания.

Тем не менее его послали сюда в роли просителя, чтобы уговорить ее передумать, потому что она уволилась из-под его начала. Поэтому и вернуть ее было его обязанностью.

Вчера вечером он испытал на себе гнев Рифкина, директора отдела персонала «Бродмор». Тот намекал, но ни разу не сказал прямо, что именно Гарри каким-то образом был виноват в поспешном увольнении Дин. Как будто проблема заключалась не в ее неспособности воспринимать конструктивную критику и уступать руководству. Он спорил, но Рифкин перечислил ему всех сотрудников, которых они потеряли с тех пор, как Гарри присоединился к их команде, и спросил, как у них всех могли обнаружиться такие глубокие недостатки после многолетней успешной работы.

Вывод: по его вине.

Интерпретация Гарри: балласт, ничего не потеряем, если избавимся от них.

Если люди проработали в компании какое-то время, это еще не означает, что они по-прежнему приносят пользу.

Даже если это была самая талантливая сотрудница в его команде.

И потом, Рифкин ведь не видел слова на стекле его кабинета...

— Глаза подними, красавчик, — промурлыкала лисица на коленях, словно он разглядывал декольте, а не ее подругу, разносящую палочки сельдерея. Гарри неохотно перевел взгляд и посмотрел ей в глаза, которые уже казались стеклянными от выпитого ликера.

Он определенно плохо играл.

— Ты уверена, что тебе так удобно? — снова попытался он.

— Да, все отлично. — Она поерзала и сместилась ниже.

Крошечная брюнетка плюхнулась в узкое пространство рядом с ними. Места для нее было явно недостаточно, потому что она плотно прижалась к нему, и на долю секунды Гарри испугался, что его неприятности только удвоились.

Но затем ее глаза засверкали, она перегнулась через него и спросила:

— Все в порядке, Тори?

Тори. Точно, она пробормотала именно это имя, пока он пялился на Иззи Дин. И маленькая брюнетка оказалась не атакой с фланга, а крайне желательной подмогой.

— Отлично, Поппи. — Тори развеяла сомнения своей подруги драматичной

жестиком. — Я отлично веселюсь. Ты знакома с Гарри?

Брюнетка протянула руку:

— Привет, Поппи Спенсер. Это моя квартира.

Вежливый способ спросить «Кто ты и как сюда попал?». То, что Гарри выбыл из социальной жизни на пару лет, не означало, что он забыл правила. Необходимость ответить на рукопожатие Поппи стала прекрасным поводом для того, чтобы чуть приподнять Тори и усадить ее в соответствующее положение, не оскорбляя.

— Приятно с тобой познакомиться, — ответил Гарри. — Значит, это твоя вечеринка?

— На самом деле моей соседки. Она избавилась от ужасной работы.

— Вы всегда празднуете увольнение?

— В этот раз да. Иззи была несчастна много месяцев. Паршивая работа, паршивый босс. Она счастливо отделалась от всего этого.

Паршивый?

— Может быть, работа зависит от самого человека и его стараний? — попробовал защищаться Гарри.

— Над этой она старалась достаточно долго. — Тори мило надула губки. — Но из дерьма конфетку не сделаешь.

Такая формулировка уязвила его. Вот стерва.

— Хочешь чего-нибудь выпить, Гарри? — предложила Поппи. Интересно, как он должен был держать бокал, если обе его руки были заняты грудастой извивающейся женщиной.

— С удовольствием, — ответил он. — И я не прочь познакомиться с твоей соседкой. Поздравить ее с... новообретенной свободой.

И затащить ее, сопротивляющуюся и кричащую обратно в компанию, если это будет необходимо.

— Как удобно, что все это в одном месте. Иззи прячется на кухне.

Прячется? Не похоже на женщину, которую он знал. Айседора Дин всегда и везде была в центре внимания. Смеясь и встряхивая своими темно-русыми волосами и вообще восхищая обожающую ее публику.

И невероятно отвлекая его.

Она должна быть в своей стихии на вечеринке в ее честь.

Он поставил Тори на ноги, и она радостно схватила его за наполовину развязанный галстук и повела через толпу к кухне.

— Иззи, — драматично заговорила она, входя на кухню с ним и Поппи на буксире, — мужчина без напитка — это настоящая трагедия.

Из-за двери холодильника показалась женщина с вопросительным выражением и теплой улыбкой на лице и автоматически повернулась к раковине со льдом и пивом. Но улыбка исчезла с ее губ в тот же момент, когда она увидела, кто стоит на кухне.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Иззи! — В шоке Поппи оборвала ее.

— Дин. — Он осторожно кивнул.

— Что он здесь делает? — снова прошипела Иззи, как будто его здесь не было. Как-то отчаянно.

— Он гость... — Тори прищурилась, затем обернулась, чтобы взглянуть на него. — Разве нет?

— Он мой босс! — с жаром произнесла Дин.

Тори отпустила его галстук, и тот вяло повис на шее. Две другие женщины повернулись к Гарри, и на всех трех сердитых женских лицах была написана удивительная солидарность.

— Экс-босс, — напомнил он ей. Правда, хотелось надеяться, что не надолго. Он протянул руку: — Гарри Митчелл.

— Ты действительно он? — пискнула Поппи.

— Но ты великолепен, — восхищенно добавила Тори. — Я представляла тебя отвратительным и старым.

Лицо Дин пылало.

— Тори! Достаточно того, что ты сидела у него на коленях.

Та закатила глаза:

— Я ведь не знала, Из. Это же очевидно.

Дин потянулась к своему бокалу и крепко схватила его, как оружие, — у нее даже побелели костяшки.

— Зачем ты пришел?

— Чтобы увидеть тебя.

— Я надеюсь, ты не собираешься умолять ее вернуться? — рассмеялась Поппи. — А ты зря оплатил поездку на метро.

Умолять. Уговаривать. Подкупать. Маленькая мисс сквернословка внезапно стала самой желанной в Великобритании женщиной. Как бы возмутительно это ни было.

— По почте пришло приглашение для всех сотрудников. — Он пожал плечами. — Я сотрудник.

— Ты не сотрудник, ты мой босс, — подчеркнула Дин. Хотя она говорила в настоящем времени, многообещающе это не звучало.

— Руководство не было исключено, — возразил он.

— Тебя исключают обыкновенные правила приличия, — парировала она.

Да, вот *это* уже больше походило на Айседору Дин, которую он знал. Вздвинченную и обороняющуюся. И всю такую возбужденную и задыхающуюся от бешенства. А бесил он ее часто.

— Что же поделать, я уже пришел.

— Тебя здесь не ждут, — произнесла она, как будто в этом кто-то сомневался. Не самое грубое, что он слышал от нее. У Гарри в памяти всплыла картина ее ухода, которую сменило воспоминание о ее губах, облизывающих палец.

Он откашлялся:

— Могло быть и хуже. По крайней мере, я не переезжаю сюда.

Дин моргнула:

— Что?

— Там снаружи парень с двумя набитыми дорожными сумками. По крайней мере, ты знаешь, что я здесь только на несколько часов.

Поппи нахмурилась:

— Снаружи?

Он бросил на нее косой взгляд. Достаточно нежный, потому что она ему понравилась, кроме того, она действительно пыталась спасти его от Маты Хари.

— Сходи и сама посмотри.

Поппи бросила на Дин виноватый взгляд, а затем, извинившись, выскользнула из кухни.

— через приоткрытую дверь к ним донесся шум из гостиной, где вечеринка была в самом разгаре.

От одной уже избавился, осталась еще одна. Митчелл хотел поговорить с Дин наедине. Если он собирался унижаться, то не при свидетелях.

— Он достаточно привлекательный, — небрежно добавил он.

Тори, к ее чести будет сказано, держалась. Примерно четыре секунды. Потом...

— Извини, Из, — прошептала она и поспешила за Поппи.

Глаза Дин потемнели еще больше, когда он встретился с ней взглядом.

— Это мой дом, мистер Митчелл. Тебя не приглашали.

— Я сюда точно не вламывался. Входная дверь внизу была открыта и специально зафиксирована. Думаю, что в этом случае закон будет на моей стороне.

— Только не закон о защите сотрудников от домогательства.

— Ты уже не моя сотрудница. — Единственная причина, почему он дал волю своим гормонам.

Она схватила бутылку шампанского и наполнила свой бокал, в спешке перелив немного. Жидкое золото текло вниз по ее длинным выразительным пальцам, вцепившимся в стеклянную ножку.

— Думаешь, я поверю, что тебе было настолько нечего делать в пятницу вечером в Лондоне, что ты пришел на прощальную вечеринку сотрудницы, которая пару часов назад тебя посла...

— Осторожно, Дин. Ты действительно хочешь повторить это?

Ее гнев утих, как шипение пузырьков в шампанском.

— Почему ты здесь?

— Айседора, как нам стать лучше, если у нас проблема с обратной связью? — резонно спросил он.

— Иззи! — выдохнула она. — Никто не называет меня Айседорой.

— Это имя написано в твоем личном деле.

— Но это не значит, что я хочу, чтобы меня так называли.

И так без малейшего труда он получил разрешение называть ее привычным именем, и враждебность между ними значительно снизилась. Но не настолько, чтобы он не отметил про себя ее уязвимое место, — при необходимости этим можно будет воспользоваться в будущем.

— Хорошо, Иззи. Если ты будешь называть меня Гарри.

— Я вообще не собираюсь тебя никак называть. Ты уже уходишь.

— Я еще ничего не выпил.

Она посмотрела на него:

— Если я принесу тебе какой-нибудь напиток, ты уйдешь?

— Может быть. Все равно я только что упустил свой самый большой шанс на интрижку. Его попытка возымела совершенно правильный эффект. Иззи снова вспыхнула:

— Она не для интрижки. Вообще-то у Тори есть парень.

— Значит, она меня обманула, — парировал он.

Иззи передала ему открытое пиво, словно это была граната.

— Интересное место, — наконец сказал он, глотая обиду вместе с янтарным нектаром. Он должен сделать свою работу, а пока она сердится, ему ничего не добиться.

— Нам нравится.

Ладно, не сдаваться.

— Бывший старый завод?

Она сделала длинный глубокий вдох и, казалось, наконец осознала свою грубость. Даже если он был не совсем гостем.

— Пожарная часть. Мы занимаем верхний этаж и башню. Под нами несколько небольших квартир и кафе на улице.

О, так скупое и неохотно. Будь он проклят, если позволит ей так с собой обращаться. Поэтому Гарри начал расспрашивать:

— Ты живешь в башне?

— Это моя спальня. — Тут на ее бледной переносице обозначилась морщинка. — В смысле, была раньше.

Он открыл было рот, но Иззи прервала его:

— Это не приглашение.

— На самом деле я очень доволен своей комнатой с видом на Темзу.

Ее шелковистые волосы качнулись, подчеркивая острый подбородок.

— Шикарный вид на реку — почему это меня не удивляет? — съязвила Иззи.

— Что шикарного в том, чтобы смотреть на реку?

— Это просто такое клише.

Он проигнорировал ее последнюю реплику. Все лучше, чем признать, что ему необходимы запах и звуки воды, бьющейся о стенки набережной, чтобы оставаться в сознании. Снова наступило неловкое молчание.

— Как тебе живется с соседями по квартире? — наконец решился он.

— Великолепно. Я привыкла.

Он оперся бедром на кухонный остров и попытался заговорить самым небрежным тоном, на какой только был способен, чтобы Иззи и не вспомнила, что он практически пообещал уйти, когда получит пиво.

— Когда ты начинаешь новую работу?

Ее зрачки расширились.

— Не... сразу. Я с удовольствием немного отдохну.

— Везет.

— Я умоляю... — выдохнула Иззи, отчего край бокала запотел. Все его тело напряглось при воспоминании о ее эффектном представлении в офисе. — Только не говори мне, что ты с зарплатой руководителя не можешь позволить себе отдыхать, когда захочешь.

— Нет, если я хочу зарабатывать столько же, — пробормотал он. — У меня уже пять лет не было человеческого отпуска.

И это была правда. Он проводил почти столько же времени дома, исследуя конъюнктуру рынка, сколько в кабинете, занимаясь выполнением бизнес-плана. На его взгляд, время, потраченное на отдых, было потерянным временем.

— Ну, это многое объясняет.

— Например?

— Возможно, если бы у тебя время от времени были выходные, с тобой было бы легче работать.

Видимо, шампанское придало ей мужества.

— Ты считаешь, это *со мной* тяжело работать?

Она заметила его ударение.

— Да, я так действительно думаю. Я придерживаюсь мудрости: на каплю меда поймаешь больше мух.

Да уж. Тут он готов биться об заклад. Все, что касалось меда, очень подходило Айседоре Дин. Ее тон кожи, ее голос. Он перевел взгляд на ее губы.

Мед. Определенно.

— Ты полагаешь, что менеджер должен быть добр со своими сотрудниками все время? — спросил он, чтобы отвлечься от своих мыслей.

— Я думаю, деловые отношения — это партнерство, а не тирания.

— Партнерство, где я плачу *тебе* за работу.

— Только подумай, насколько продуктивнее я работаю, если хочу добиться твоего уважения.

Ой.

Но его, по крайней мере, немного утешило то, что она употребила настоящее время. Может быть, все это простая уловка амбициозного сотрудника, чтобы получить больше денег. То что надо — он был уполномочен повысить ее зарплату на десять тысяч.

— У меня тридцать три прямых подчиненных. Не слишком рационально быть на короткой ноге с каждым из них.

Особенно если он старался под любым предлогом затащить одну сексуальную и непокорную сотрудницу к себе в кабинет.

— Ха-ха-ха. — Громко рассмеявшись, она допила остатки шампанского. — В любом случае это уже официально не моя проблема, так как я больше не являюсь твоим сотрудником и никогда им не буду.

Он подвинулся ближе к ней. И ему это понравилось. Раньше он никогда не позволял себе приближаться к ней на такое расстояние. Слишком опасно.

— Никогда?

Она стояла на своем:

— Нет.

— Может, тебе нужно пару дней, чтобы все взвесить и назвать цену?

Иzzi вспыхнула от оскорбления:

— Нет.

Она прижала руку к груди — его взгляд упал на ее длинные, липкие от шампанского пальцы, которые прижимались к блузке и небольшой выпуклости под ней. Но он сумел перебороть себя.

— Все имеет свою цену.

— Так ты за этим пришел? — Иззи уставилась на него. — Чтобы узнать, сколько тебе будет стоить вернуть меня?

Он не мог позволить ей думать, что она особенная.

— Мы много вкладываем в наших сотрудников. Я не хочу, чтобы кто-то уходил с такими инвестициями. Или нашей внутренней информацией.

— Я подписала соглашение о конфиденциальности. Секретам «Бродмор НатАли» ничего не угрожает.

На самом деле Гарри верил ей. Может, она и принцесса, но принцесса сдержанная и профессиональная. Та среда была исключением. Иззи смотрела на него своими огромными глазами и выглядела очень искренней.

Он не будет больше умолять.

Будь проклят Рифкин.

— Я говорил им, что ты пошлешь меня к черту.

В ее глазах сверкнуло понимание. А на губах заиграла озорная улыбка.

— О, понятно... Тебя послали сюда.

— Я попытался, — выдохнул он. — Тогда ты должна вернуть пропуск.

— Служба безопасности не может его просто заблокировать? — холодно спросила Иззи.

— Эта карточка стоит десять фунтов.

Она покраснела от обиды — получается, она не достойна даже этого.

— Понятно. Следуй за мной.

Гарри сделал последний глоток пива, затем поставил полную на три четверти бутылку на кухонную скамью и потащился за Иззи, наслаждаясь видом ее округлой подтянутой попки.

Раз уж у него появилась такая возможность.

— Осторожнее, — пробормотала Иззи в тот самый момент, когда ее бывший босс нырнул в сторону и вниз, чтобы избежать удара головой о стальную раму антресольной лестницы, ведущей в спальню над ними. Хотя шрам, вероятно, только украсил бы его.

Она толкнула плечом дверь.

— Ты дурачишь меня. — Он пытался перекричать танцевальную музыку. — Ведь это в твоём стиле?

Иззи обернулась и обнаружила, что Гарри был гораздо ближе, чем она ожидала. И это лишь напомнило ей, какой крошечной была ее новая комната. И какой хаотичной.

— Как бы я ни хотела запереть тебя в кладовке и слушать, как ты будешь стучать в двери, хотя тебя никто не услышит, мне действительно нужно спать здесь сегодня ночью. Так что я просто найду свой служебный пропуск, и ты можешь уходить.

— Что случилось с башней?

Почему он так переживает?

— Поппи сдала ее кому-то другому.

— Твоя лучшая подруга выселила тебя?

— Боже, нет. Она никогда на этом не настаивала. Я просто переехала в другую комнату. Экономия на масштабе.

— Экономия — это правильно, — пробормотал он. — У меня гардеробная больше, чем это помещение.

Иззи натянуто улыбнулась:

— Ты всегда так любезен?

На его щеке проступили красные пятна — от волнения, — и такое проявление застенчивости смутило ее.

— Просто... эта комната не подходит для жилья.

— Ничего не подходит, как ты видишь.

Гарри окинул взглядом очень небольшое расстояние от левой стены кладовки до правой, включая жалкую постель и кучу вещей.

— Поэтому ты уволилась из компании?

От его огромной фигуры, диссонирующей с крошечной комнатой, мужского аромата, заполнившего каждый уголок, сексуального акцента и, возможно, нескольких быстро выпитых бокалов шампанского у Иззи перехватило дыхание. Но не настолько, чтобы она не смогла возразить его монументальному самолюбию.

— Мир не вращается вокруг тебя, Гарри Митчелл, как бы удивительно это ни было.

— И ты решила жить так, потому что...

— Потому что я аккуратно обращаюсь с деньгами. — О, какая ложь. — И потому что Поппи легче сдать в аренду самую лучшую комнату, чем эту.

А ни в коем случае не из-за того, что, несмотря на высокие заработки за последние несколько лет, ей очень мало удалось отложить на черный день, который сейчас наступил. Что она немного слетела с катушек и растратила первые реальные деньги, которые появились в ее распоряжении, а затем глупо привыкла к этому образу жизни. Стала зависимой от него. Поэтому кучи барахла, лежащие вокруг них и захламлявшие пространство, состояли из очень качественных и дорогих вещей... Но все равно это были

кучи барахла...

У Иззи всегда был диссонанс между тем, чего она хотела, и тем, что жизнь ей дала. Единственная девочка на детской площадке со столичными амбициями.

Многие люди назовут это неприятием действительности.

Встав позади нее, Гарри прислонился к стене, пока Иззи искала служебный пропуск. Его не было в куче вещей, которые она бросила наспех на стол. В тот день она была в жакете.

Ее жакет... Где жакет, который она надевала в среду?

Иззи повернулась к двери и практически врезалась в Гарри:

— Извини.

Гарри выпрямился, и она протиснулась мимо него, прижимаясь икрами к кровати, а грудью к его дорогому расстегнутому пальто. Его губы скривились немного, когда он вытянулся, чтобы пропустить ее, и вежливо сосредоточил взгляд на какой-то точке в противоположном конце небольшой комнаты. Иззи порылась в одежде, висящей за дверью, через которую они только что вошли, наконец нашла укороченный джерсовый жакет, который был на ней в среду, и отстегнула бейдж, все еще приколотый к лацкану.

— Вот, держи. — Она прижала пропуск к груди Гарри, когда снова протискивалась мимо.

Его пальцы автоматически попытались схватить карточку, прежде чем Иззи отпустила ее, но вместо пластика он поймал ее руку и прижал к своей мощной груди.

Иззи замерла. Тепло просочилось сквозь его хлопчатобумажную рубашку и обожгло ее кожу.

— Серьезно, — настаивал Гарри, когда Иззи подняла на него глаза, — измени решение.

Его голос прозвучал низко и хрипло, и акцент показался ей особенно восхитительным.

— «Серьезно», — передразнила она. — Я не меняю своих решений.

— Никогда?

— Никогда.

— Даже плохих?

— Особенно плохих. К ним нельзя возвращаться, только идти вперед. — И она знала это по собственному опыту.

Иззи взглянула в его бездонные глаза, и с ее губ сорвались слова, удивившие своей откровенностью:

— Эта работа убивала меня. Давно пора было уйти. Независимо от всего остального.

— Но ты занималась этим всего несколько лет.

— Дело не в скуке. Дело — *во мне!* — в работе.

— Так перейди на другую позицию внутри фирмы.

Иззи вдруг осознала, что ее пальцы все еще упираются в его грудь, и она осторожно высвободила их и прижала к себе.

— Что это с тобой? Почему тебе не все равно?

— Потому что ты была хорошей сотрудницей, — пробормотал он сверху, весь такой сексуальный и привлекательный. — Моей лучшей сотрудницей.

Пфф.

— Мы же ругались каждый день.

Он засунул руки в карманы брюк и оттолкнулся от стены. Иззи не сделала ни шагу назад. Из принципа. Это были ее владения, пусть и крошечные. Душистая волна тепла.

исходящего от Гарри, накрыла ее, но Иззи лишь крепче сжала кулаки.

— Ты каждый день бросала мне вызов, — поправил он.

Было странно испытывать его сейчас, стоя так близко и глядя на него снизу вверх. Не очень похоже на позу властителя. Тем не менее она чувствовала, что все тузы у нее.

— Ты принял несколько ужасных решений.

Только когда его губы скривились, она вспомнила, какой у него великолепный рот. Когда из него не вырывались смешные требования.

— Разумеется, ты так думала. Но я должен был это сделать.

— Если ты хочешь, чтобы тебя окружали подхалимы и подпевалы в отделе, тогда зачем ты пришел и пытаешься вернуть меня?

— Потому что считается, что разнообразие оздоравливает трудовой коллектив...

— Нет, если это формальность.

— ...и, как бы удивительно это ни звучало, я ценю темперамент в женщинах.

— Как в лошадях? — фыркнула Иззи.

Он мудро проигнорировал ее комментарий.

— Темперамент и мозги.

— Угу. То есть каждый раз, когда мы с тобой сцеплялись в споре, это... восхищение заставляло тебя краснеть?

На его щеках снова вспыхнул румянец, а в глазах появился опасный блеск.

— Разумеется.

Она сердито скрестила руки на груди, что лишь подчеркнуло ее соблазнительное декольте, особенно если смотреть сверху. И Гарри, само собой, сразу воспользовался своей выгодной позицией. Но Иззи опустила руки вниз, отняв у него игрушку. Гарри не оставалось ничего другого, как посмотреть ей в глаза — кипящие от возмущения, умные и такие близкие.

— Ну же, Дин, — промурлыкал он, — ты не можешь отрицать, что наши... дискуссии давали ежедневной рутине продуктивный толчок.

Бывали моменты, когда ей хотелось *дать пинок* Гарри Митчеллу под зад, чтобы он вылетел прямо из окна своего офиса на двенадцатом этаже.

— Ты, возможно, удивишься, но моя продуктивность повышается, когда меня уважают как профессионала.

Его брови взлетели.

— Ты думаешь, я тебя не уважаю?

— Ты не уважаешь мое мнение. Вообще ничье.

— Расходиться во мнениях и не уважать не одно и то же. Во всяком случае, иногда я с тобой соглашался.

Она знала это. И такие дни сбивали ее с толку сильнее всего. Потому что он делал это без всяких условий. И от всего сердца. Иззи закусил губу, и он заметил это ее детское движение.

— Ты знаешь, о чем я подумал? — пробормотал Гарри, все еще не отводя взгляда от ее губ.

— Просвети меня.

— Может быть, вся наша борьба — просто замаскированное сексуальное влечение.

Комната была слишком мала для ее взрыва хохота.

— Ты, наверное, шутишь.

— Вовсе нет. — Он улыбнулся, и это было самое хищное выражение, которое она когда-либо видела. И самодовольное.

— Потому что ты настолько неотразим?

— Потому что между нами существует химия. Мне казалось, что только я это чувствую, но среда поставила здесь большой вопросительный знак.

Нет, все это ерунда. И химия, и Гарри Митчелл. Пусть даже и сексуальный и притягательный.

— Может быть, ты просто даешь волю гормонам?

— А ты не чувствуешь?

Это был вызов, не вопрос. Как будто он уже знал ответ. И она тоже. Но Иззи выросла упрямой. Она тряхнула короткими волосами:

— Не особенно.

Лгунья, лгунья...

— Двадцать первое февраля этого года, — дразнил он. — Вечерняя суета после трудового дня столкнула нас в тесном пространстве лифта. Мы ни слова не сказали друг другу, единственные непокрытые части тела, которые соприкасались, были наши руки без перчаток. — Он шагнул чуть-чуть ближе. — Но мы оба вышли из здания, ощущая покалывание во всем теле.

— Нет, мы...

— Третье апреля. — Он поднял подбородок. — Я раскритиковал одну из твоих идей, и ты весь день таращилась на меня через стеклянные стены — красная от ярости, в глазах презрение, — а я в результате провел большую часть дня с эрекцией.

Вздых застыл где-то глубоко в груди Иззи. Она должна была возмутиться, а не задыхнуться.

Не обрадоваться.

Взгляды, которые она бросала через весь офис с открытой планировкой на его величественный стеклянный кабинет, были в основном негодующими и гневными, но не всегда. Она чувствовала это, но понятия не имела, что он был в состоянии разглядеть эмоции.

Боже...

— Ты приукрашаешь.

— Проверь свой ежедневник, — бросил он, засовывая руки еще глубже в карманы. — Одиннадцатое июня, как раз перед ланчем. Ты стояла у меня в кабинете, ругаясь на чем свет стоит из-за новых индексов, а я просто позволил тебе выпустить пар, потому что мне было любопытно.

Иззи сглотнула комок ужаса. Она помнила одиннадцатое июня. Офис был пропитан чувственной энергией, и Иззи вышла оттуда после ссоры, практически ощущая пульсирование внутри. А потом весь день изводила себя из-за нелепости всего произошедшего. Он был ее боссом. Он был плохим парнем.

Слова сами сложились в предложение, вопреки всем ее лучшим побуждениям.

— Что именно было любопытно? — спросила она.

Его губы скривились.

— Ты никогда не слышала выражение: каков человек в драке, таков он и в постеле...

— Стоп! — Иззи глубоко вдохнула, и воздух замер в легких. — Я думала, в танце.

— В этом отношении одиннадцатое июня показалось мне чрезвычайно

знаменательным. Но эта среда стала настоящим откровением.

Сейчас единственная надежда Иззи на спасение заключалась в том, сумеет ли она пробудить в себе немного сексуальной уверенности Тори. Она откинула волосы назад и взглянула Гарри прямо в глаза:

— Ты никогда и виду не подавал.

— Конечно нет. Это было недопустимо.

Иззи боялась, что с ней случится истерика.

— А сейчас?

— Ты не очень-то отодвигаешься от меня.

Она посмотрела на бардак вокруг них:

— Это скорее результат захламленности моей комнаты, чем твоей сексуальности.

Черт. Она не это имела в виду. Совсем не это.

Его левая бровь поползла вверх.

— Я сексуальный?

— Ты невыносим. — Этот самодовольный оскал уж точно.

— Ты думаешь, что я привлекательный.

— Я думаю, что ты в шаге от судебного иска.

Его смех эхом прокатился по комнате.

— За что?

— Сексуальное домогательство по отношению к подчиненной.

Он помахал ее пропуском:

— Ты уволилась, помнишь?

— Тогда просто сексуальное домогательство в общем.

Он подвинулся ближе:

— Ты все еще не попросила меня уйти. Одно лишь слово.

Нет. Что за...

— Возможно, я надеюсь, рыцарство все еще живо. — Может, в глубине души она хотела дать ему еще один шанс остаться порядочным человеком.

— Впечатляющие рыцарские жесты были единственной возможностью компенсировать сексуальную неудовлетворенность в двенадцатом веке. — Гарри ухмыльнулся во весь рот. — Как наши схватки.

— Ну тогда, возможно, твой шикарный жест мог бы заключаться в следующем: ты героически выходишь из дверей и уезжаешь.

Гарри широко улыбнулся, отчего стал еще более привлекательным. Иззи это раздражало.

— Или мы могли бы избавиться от этой напряженности более традиционным способом.

— Нет. — Предложение показалось бы ей смешным, если бы у нее не перехватило дыхание от самой мысли, что это возможно.

— У тебя есть кто-то? — предположил он. — У меня нет.

Иззи отчаянно пыталась уловить нить разговора. Глаза Гарри говорили, что он не шутил, но как это было возможно? Такого с ней еще никогда не случалось. Несмотря на все ее усилия.

Она глубоко вдохнула:

— За исключением твоей карьеры.

На долю секунды его глаза потускнели.

— Мы с ней договорились.

— На тот случай, если тебе захочется переспать с кем-то?

— Ты считаешь, что речь об этом? — Предположение Иззи задело его. — О сексе?

Сомнение закралось ей в душу.

— Ну разве что ты предлагаешь мне веселую партию в шахматы?

— Что-то подсказывает мне, что ты совсем неплохо играешь в шахматы, — пробормотал он. — Я предлагаю нам изучить друг друга, познакомиться поближе. Старый проверенный способ — старомодные ласки, переплетающиеся языки и тяжелое дыхание. Когда в последний раз у тебя было такое?

Ах... нет. На этот вопрос она не собирается отвечать.

— Тебе не кажется, что ты слишком много себе позволяешь?

— Ты все еще не попросила меня уйти.

Эта простая истина вмиг разоблачила Иззи. Он флиртовал, и она тоже — в своем неуклюжем стиле. Они стояли в темной крошечной спальне практически вплотную и могли приступить к этим самым ласкам, даже не пытаясь дотянуться друг до друга. Их больше не связывали профессиональные отношения, им не нужно было сохранять репутацию. Иззи знала его достаточно хорошо и понимала, что он не был каким-то чудачком или монстром. И она действительно ощущала странный туман в голове, какую-то игру гормонов, спровоцированную прикосновением к его интригующему упругому телу под дорогушей деловой рубашкой из коллекции Александра Маккуина.

Он предлагал ей несколько часов отличного и полезного для нее развлечения и давал понять, что все это не обязательно закончится сексом. И, самое главное, он был идеальным парнем для того, чтобы повеселиться один вечер.

И она не прогоняла его.

— Хорошо провести время, но не долго? Ты это предлагаешь? — пробормотала она.

— Отлично провести время, Иззи, — пояснил он, — но не долго.

«Да, да, да», — яростно зашептали ей на ухо все ее три бокала шампанского. Но всем известно, что шампанское распутный напиток.

— Потому что у тебя карьера?

— Потому что я не ищу серьезных отношений.

— Но ты не против повеселиться.

— Это зависит от тебя, Из.

Из...

Это уменьшительно-ласкательное обращение решило ее судьбу, соблазнило ее таким простым мужским подходом и придало ей храбрости своей интимностью. Это одно слово помогло ей представить — заткнув пальцами уши и забывшись на несколько часов, — что они знают друг друга достаточно хорошо для того, что он предлагал. Для того, на что — Иззи вдруг поняла это — она рассчитывала.

И чего она жадно и неприлично хотела. И, вероятно, уже давно.

Чего ей было бояться? Он был великолепен, от него божественно пахло. Что, если он и целовался как бог? А если она так и не узнает этого на личном опыте? Конечно, не узнает, потому что больше никогда не появится в его офисе в восемь утра. Значит, сегодняшний вечер — самая последняя возможность лицезреть приводящего ее в ярость Гарри Митчелла.

Интригующе сексуального Гарри Митчелла.

Может быть, он прав насчет их офисных стычек, возможно это единственный

допустимый на работе способ дать выход их сексуальному влечению.

Потому что сейчас она абсолютно точно чувствовала, как оно росло, поднималось между ними подобно морскому приливу, заставляя ее подходить к ближе, призывая сказать да.

— Можно потрогать твой костюм? — спросила она, избегая его взгляда. Еще не до конца веря, что она произнесла это.

— Мой... костюм?

Не обращая внимания на его смех, она потянулась пальцами к тому самому пиджаку, который был на нем в среду. Она выдохнула со стоном:

— Он великолепен.

Голубые глаза сузились в подозрении.

— Ты что, только что испытала оргазм?

— Я хотел сделать это еще в среду, — призналась она, улыбаясь.

— Ну, тебе повезло. Сегодня вечером ты можешь делать со мной все что хочешь.

Все что хочешь...

Ее пальцы самопроизвольно сложились в кулак, и Иззи неохотно опустила руку.

— Это так странно, — искренне прошептала она. Потому что у нее никогда, ни разу не было интрижки на одну ночь. — Я не знаю, что делать.

— Скажи мне, чтобы я ушел. Или сделай шаг вперед. Или опять прикоснись к моему костюму. — Он слегка пожал плечом. — Все в твоих руках.

Э-э-э...

Да, она хотела рыцарского благородства, но теперь, столкнувшись с ним, Иззи мечтала, чтобы Гарри сгреб ее в охапку в своей привычной хамской манере и сделал выбор за нее. Но его нерешительность разбудила все ее старые сомнения и комплексы, прежнюю неуверенность в себе — воспоминания обо всех парнях в школе, которые предпочитали более ярких и красивых девушек.

Более опрятных девушек.

С хорошей фигурой.

«Нищенка Айседора...» — зазвучало эхо старых голосов.

Только сегодня вечером Иззи не чувствовала себя бедной. Наоборот, она ощущала себя неприлично богатой из-за представившейся возможности. И сердце Гарри не билось бы так под ее пальцами, если бы она не была достаточно хороша.

Иззи посмотрела ему в глаза и шагнула вперед, упершись в его тело, потом сцепила руки у него на затылке.

— Раньше, когда я хотела обхватить руками твою шею, — прошептала она, — я совсем не так это себе представляла.

Гарри чуть наклонился вперед и прижался губами к ее рту, языком коснулся зубов. Большие руки заскользили по ее телу — одна к груди, а другая, обогнув талию, легла Иззи на ягодицу, — пока его губы поглощали ее.

Жадно.

Основательно.

Непристойно.

И она поняла, что, несмотря на все взгляды, которые тайком бросала на его сексуальный рот, к своему стыду, она была исключительно плохо проинформирована о его талантах. Забыв о самоконтроле, она полностью отдавалась новым ощущениям.

Почему бы и нет? Разве теперь не самое время для новых начинаний? Может быть, новая Иззи будет рисковать не только в профессиональном плане?

Кроме того, ее уже давно так никто не целовал. Не просто хорошо, а... так фантастически. О-о-о...

Только упав навзничь на свою крошечную кровать, Иззи осознала, что двигались далеко не только их губы.

— Как ты на этом спишь? — проговорил Гарри между поцелуями, неловко склоняясь над ней.

Она задышалась.

— Плохо.

Затем снова последовали поцелуи. И обещанные ласки. В самом деле чертовски хорошие ласки. Желая оказать ответную любезность, она начала тереться о его бедро, и в какой-то момент ей показалось, что их одежда воспламенится от исходящего от них жара.

Гарри уладил это. Через минуту он был уже без рубашки, она без блузки, и единственное, что им угрожало, — это ожоги, вызванные трением, настолько неистово они прижимались друг к другу.

А потом как гром среди ясного неба он объявил:

— Так не получится.

Любой, пусть даже самый незначительный отказ в ее жизни вызывал у Иззи ощущение болезненного обжигающего шара, который застыл где-то в груди.

«Конечно, ты его не настолько интересуешь», — издевалась она над собой.

Она потянулась к блузке, чтобы натянуть ее на прикрытую лишь кружевным бюстгалтером грудь. Но не успела Иззи съежиться и поникнуть от его тона, как Гарри поднял ее на ноги, поменялся с ней местами, а затем увлек обратно на кровать.

На себя. Сверху.

У Иззи не было выбора, кроме как оседлать его бедра.

О... *отлично!*

Она почувствовала внутреннюю силу и мощь, когда, сидя верхом, гладила его сильное обнаженное тело, а Гарри ласкал руками ее грудь. Затем Иззи снова наклонилась за поцелуями, которые им пришлось прервать.

— Ты очень хорош, — выдохнула она, когда он посасывал мочку ее уха.

— Спасибо, — пробормотал он ей в шею.

Не «Ты тоже», но гораздо лучше, чем «Тебе не хватает практики», поэтому Иззи не возражала.

Они целовались целую вечность. Наверняка прошло несколько часов, а возможно, даже дней.

— Из, может, нам немного притормозить?

В его голосе слышалась боль, и Иззи пришло в голову, что это могло быть связано с физическим дискомфортом. И у Гарри были на это все основания. Из сочувствия она прижалась к нему тазом — Гарри, вероятно, собирался сказать что-то еще, но она услышала только неразборчивое рычание.

Она сделала это, чтобы помучить его, но добилась только обжигающего желания и болезненного томления у себя между ног. Немного сдвинувшись и устроившись поудобнее на Гарри, она подумала о нескольких жалких любовниках, которые были у нее уже после окончания школы и которые варьировались от пылких, но неумелых до опытных, но

корыстных. Но этот в принципе малознакомый мужчина приблизил ее к кульминации быстрее и увереннее, чем любой из бывших сексуальных партнеров, даже близко не способных на такое.

И в следующую секунду Иззи поняла, как сильно хочет узнать, действительно ли Гарри Митчелл такой, каким хочет казаться.

И это решение стало освобождающим для нее.

— Мы не остановимся, — объявила она, тяжело дыша.

В глазах Гарри вспыхнули огоньки, и он взглянул на нее:

— Хорошо.

Иззи завела руки за спину, но замешкалась, пытаясь справиться с коварной застежкой роскошного бюстгальтера от «Агента провокатора».

— И ты останешься на ночь... «И покажешь, чего ты стоишь».

Дьявол усмехнулся ей в ответ — Господи, благослови Гарри за то, что он, не отводя взгляда, смотрел ей в глаза, хотя теперь его вниманию предлагалась еще и пара грудей. За это он заработал дополнительные секретные очки.

— Обязательно.

Иззи встала на колени, наклонилась и начала возиться с его ремнем.

— Посмотри-ка, — промурлыкала она. — Наконец-то мы хоть на чем-то сошлись.

Иzzi уставилась на широкую загорелую спину в дюйме от ее носа и ясно поняла, почему люди стыдливо ретируются после ночной интрижки. В минуту страсти и гормонального всплеска идея провести ночь с этим практически незнакомцем казалась великолепной, но в холодном безжалостном утреннем свете все выглядело так банально...

В какой-то момент ночью она, истощенная, соскользнула с груди Гарри и скатилась между ним и стеной. И теперь не представлялось возможным выбраться из ее маленькой кровати — для этого Иззи было необходимо вскарабкаться на Гарри и, показав чудеса акробатики, перелезть через него. И все это в обнаженном унижительном виде. А изысканно украшенное изножье не позволяло соскользнуть с кровати вперед ногами.

Она была замурована между оштукатуренной стеной и сексуальным мужским телом.

Излучающим тепло мужским телом. Чем дольше она лежала, тем больше ее кровать напоминала сауну. Зачем центральное отопление, если рядом Гарри?

Иzzi могла бы разбудить его, но ей не очень хотелось, чтобы он видел ее тело при утреннем свете. Тогда... как быть? Лежать здесь и терпеть, пытаясь контролировать мочевого пузыря, пока Принц Гарри не соизволит проснуться?

Черта с два!

Иzzi выгнула спину и оперлась рукой о кровать, захватив край своего великолепного двуспального одеяла — по размеру своей старой кровати, — затем напрягла мышцы живота и вытолкнула себя в положение сидя.

Осторожно карабкаясь через ноги Гарри и стараясь их не задеть, Иззи изогнулась влево — каждую секунду она напряженно следила за тем, чтобы их тела не соприкасались, — и, крепко зажмурившись, наполовину сползла, наполовину перекатилась через его икры, потянув за собой одеяло.

Иzzi решила открыть глаза, только когда почувствовала под ногами деревянный пол и увидела перед собой спасительную дверь.

— Элегантно, — пророкотал сзади сонный голос.

Попалась.

— Ты спишь как убитый, — пробормотала она через плечо, натягивая пижамные штаны, упавшие на пол из-под подушки в результате всех упражнений, которые они проделывали на кровати.

— Я не спал. А ты даже не пыталась разбудить меня.

— Я целую вечность лежала там, скрестив ноги. Ты мог хотя бы пошевелиться, подать знак, что не спишь.

Ей кое-как, неуклюже удалось натянуть и пижамную куртку — все это она проделала, накрывшись пуховым одеялом.

— И пропустить представление, достойное Цирка дю Солей?

Да, приземлилась она эффектно. Иззи откинула одеяло назад и повернулась лишь тогда, когда была уверена, что оно упало и прикрыло обнаженное тело Гарри.

Он обернул его вокруг себя, чтобы согреться. Но движение выглядело слишком спокойным и неторопливым, словно он устраивался в постели надолго. Все тело Иззи напряглось так же сильно, как ее мочевого пузыря.

— Хочешь первым пойти в ванную?

Боже, какой вежливой она была.

— Я уже был там, — ответил он, растягивая слова, утром его акцент всегда был более выражен.

Это объясняло, когда и как она соскользнула с него в прохладные объятия стены.

— Натолкнулся на пижона в дорогом пальто, спешившего уйти до рассвета. Друг брата Поппи. Я полагаю, она не была в восторге от того, что он здесь ночевал.

Итак... это утро и без того было вполне сюрреалистичным. Теперь еще босс посвящал ее в сплетни собственной квартиры. Пульс начал паниковать.

— Я сейчас вернусь, — сказала она, подняв руку.

Затем открыла дверь — висящие на ней вещи сопровождали это движение легким шуршанием — и поспешила в ванную.

Спустя несколько мгновений Иззи испытала облегчение, но задержалась в ванной — она стояла на коврик, чтобы не замерзнуть на кафельном полу, и, прикусив щеку, отчаянно пыталась разобраться, где заканчивается реальность и начинается эта странная фантазия, в которой она вдруг оказалась.

Что говорит протокол в такой ситуации?

Она должна попросить его уйти? Или предложить ему остаться? Нужно пригласить его на совместный завтрак с соседями по квартире? Любой из этих сценариев был просто ужасен.

Ну почему бы ему не выскользнуть на цыпочках из квартиры, как трусу, каким он, вероятно, и был?

Расчесав пальцами волосы и проверив, не размазана ли под глазами вчерашняя тушь, Иззи решительно направилась обратно и вошла в спальню со словами:

— Значит, так...

Но ей не нужно было беспокоиться. Пока она колебалась и трусливо пряталась в ванной, Гарри успел надеть костюм и уже заталкивал галстук в карман пиджака. Закончив с галстуком, он вытащил из того же кармана ее служебный пропуск и протянул Иззи:

— Тогда увидимся в понедельник?

От неожиданности она моргнула:

— В офисе?

Тут до нее дошло. Да что он возомнил о себе и их единственной ночи! Какое сильное заблуждение. И какая самонадеянность.

Она не отреагировала на его протянутую руку.

— Я не вернусь, Гарри.

— Конечно, вернешься. Сейчас мы уже поладим.

Он что, шутит?

— Теперь, когда лед сломлен и мы обменялись биологическими жидкостями?

Образно. Если бы не презервативы, которые он откуда-то достал.

Гарри пожал плечами:

— Мы познакомились чуть ближе. Мы знаем размеры друг друга.

Очень интимные размеры.

— Ты полагаешь, что наше занятие горизонтальной йогой как-то усилило твое профессиональное уважение ко мне?

Выдающийся секс прошлой ночью действительно не заслуживал ее пренебрежительных слов. Чего нельзя сказать о Гарри Митчелле.

Он нахмурился:

— Иззи...

— Вообще-то для тебя мисс Дин.

Его брови взлетели.

— У нас было четыре оргазма. Я думаю, мы давно уже миновали стадию мисс и мистера, разве нет?

— Мои друзья называют меня Иззи.

— А любовники?

Нет, она ни за что не признается, как мало времени уделяет отношениям с кем бы то ни было. Пусть думает, что такие ночи для нее само собой разумеющееся. Лучше, чем позволить ему предположить, что он особенный.

— Никак.

— Неудивительно, если ты так ведешь себя на следующее утро.

Да. У нее получалось не очень убедительно. Но этот мужчина хамил, когда его рот не был занят поцелуями и прочими ласками.

— Знаешь что? Я думаю, нам следует назвать это просто ночью.

Или утром.

Гарри нахмурился:

— Я не понимаю, что произошло. Я думал, ты спокойно относишься к подобным связям на ночь.

— Я и не жду ничего! — крикнула она чуть громче, чем следовало бы в такой ранний час. — Тот факт, что ты думаешь — впервые за миллион лет, — что со мной достаточно переспать, чтобы уладить весь этот адский кошмар, в который превратилась наша работа...

Потому что все было именно так. Он считал, что проблема в ней. Он не имел ни малейшего понятия о собственных недостатках.

— Мы поговорили, — сказал он. — Мы поладили.

— В аду нечасто холодает. Шансов, что мы снова поладим, по статистике, меньше, чем раньше.

Ах, эти числа. Надежный храм математики.

Гарри засунул ее удостоверение обратно в карман:

— Ты странная, Айседора Дин.

Она выпрямилась, потянулась, так что ее позвонки слегка хрустнули, и сложила руки на груди:

— По крайней мере, сейчас я свободна и могу быть настолько нормальной или странной, насколько захочу. И тебе не нужно переживать о том, что я думаю. Спасибо за прошлую ночь, и всего наилучшего в твоей карьере.

Но он не мог так легко сдаться. Гарри направился было к двери, но остановился в сантиметре от Иззи и произнес прощальные слова:

— Только одна поправочка, Иззи. Меня всегда будет волновать — в глубине души, — что ты думаешь.

— Не может быть! — Вилка с яичницей, которую Поппи держала в руке, застыла, не достигнув ее раскрытого рта.

— Я не шучу, — сказал Иззи. — Его точные слова.

— Боже мой. Какая фантастическая история.

— Тори!

— Прости, прости, — успокоила Тори. — Я имею в виду, вот сволочь!

— Спасибо.

В кафе бурлила утренняя субботняя жизнь: одни посетители забежали за кофе, чтобы выпить его на бегу перед работой, другие неторопливо располагались на завтрак, как Иззи с подругами.

Иззи поспешно рассказала подругам о событиях минувшей ночи.

— Должна признаться, Из, когда я оставила вас на кухне, никак не ожидала, что вечер закончится именно так. Выражение твоего лица не сулило ничего хорошего...

— Я тоже, Поппи.

— А я тебя очень понимаю, — объявила Тори. — Он такой симпатичный. А этот акцент... ах.

— Если бы я тебя не знала, Тори, то решила бы сейчас, что ты полная дура.

— Ну и что? — Она пожала плечами. — Я просто люблю красивые вещи. Так как, он просто для красоты или на что-то сгодился?

Иззи почувствовала обжигающее тепло под футболкой.

— Будем считать, что это было «да», — усмехнулась Поппи.

— Мне неудобно говорить об этом.

— Ты сама начала эту тему, — резонно напомнила Поппи.

— Я имею в виду, мне не очень удобно обсуждать... подробности.

— Уверена, что Принц Гарри был не настолько смущен сегодня утром.

Нет, уж это точно. Что-то подсказывало ей, что для него секс на одну ночь был чем-то гораздо более естественным.

— Посмотри на это с другой стороны, Из, — начала Тори. — У тебя есть к нему какие-то чувства?

— Не самые хорошие, — пробормотала она.

— Разве он хорошо к тебе относился, когда ты была его сотрудницей?

Он относился к ней с той же необоснованной предвзятостью, с которой она боролась всю свою юность.

— Не очень.

— А ты собираешься когда-нибудь встретиться с ним опять?

— Абсолютно нет.

— Тогда ты ничего ему не должна, особенно это касается твоей уверенности.

Вот почему Иззи была подругой Тори с шестого класса, когда она впервые приехала в Трентон, получив стипендию на учебу. Неопровержимая логика, замаскированная под непослушными волосами.

— Думаю, нет.

— Тогда наплюй!

Иззи посмотрела куда-то в пространство между двумя своими лучшими подругами, открыла рот, чтобы сделать глубокий вдох и успокоить сердцебиение, а затем просто заговорила взахлеб. О том, как хорош был Гарри в постели. О том, что в его руках она чувствовала себя настоящей женщиной и насколько все случившееся было недопустимо.

О том, какой он козел.

Девушки внимательно слушали, восклицали или пожимали ее руку в нужные моменты повествования и в целом выполнили свои обязательства, предусматриваемые универсальным

негласным соглашением лучших подруг.

— Значит, Митчелл невыносим в офисе, но умопомрачителен в постели, — резюмировала Тори.

— Еще как.

— Ну, все зависит от ситуации и обстановки. — Поппи попыталась дать рациональное объяснение. — И теперь ясно, что Митчелл великолепен в режиме тет-а-тет.

О боже, да.

Пока он не открывает рот.

— Слушай... Я видела несколько обведенных фломастером объявлений о работе во вчерашней газете. — Поппи слегка толкнула Иззи локтем. — Попалось что-нибудь интересное?

— Предложений полно. Если я хочу заниматься тем же, что делала на протяжении многих лет.

— А ты не хочешь?

Нет уж. Нисколько.

— Время для чего-то нового.

— Вне финансовой сферы?

— Я все еще люблю цифры, но... не в финансовой деятельности, если вы понимаете что я имею в виду.

— Абсолютно, — вздохнула Тори. — А чем ты хотела заниматься в детстве?

Иззи не любила вспоминать свое детство. Если она и думала о том времени, то как результат посттравматической реакции в памяти всплывали домашние правила экономии воды — «Желтое в туалете не смываем, только коричневое» — и другие восхитительные хитрости бедняков. Она была абсолютно уверена, что одежду, которую она носила, доставали из контейнеров для пожертвований. Долгая дорога в школу, всегда пешком, и бесконечные подработки после уроков — чтобы просто оплатить экскурсии и учебники и позволить себе минимум, который был у всех ее одноклассников.

Нищенка Айседора.

Она до сих пор не забыла, как ее дразнили на детской площадке. Ее одноклассники были уверены, что она залетит еще до окончания школы. Яблоко от яблони недалеко падает, тем более весь город, казалось, знал о небольшой разнице в возрасте между ней и ее мамой, которая родила ее в пятнадцать и к тридцати не имела ни образования, ни работы. Вероятно, когда Иззи ушла из школы незадолго до окончания предпоследнего класса, все так и подумали: принесла в подоле.

Намного реалистичнее, чем академическая стипендия для обучения в элитной школе для девочек.

Правда, чтобы забеременеть, необходимо присутствие какого-нибудь парня, хотя бы немного заинтересованного в ней. А для *этого* нужно было закрыть глаза на изношенную одежду и социальные пособия и к тому же постараться вписаться в ее беспощадный график работы после школьных занятий.

А парни-подростки в своем большинстве не были готовы идти на такие жертвы.

— Я помню, что хотела работать с животными, — наконец решилась она. Когда в детстве у нее изредка выдавалось свободное время, Иззи проводила его на лужайке с каким-нибудь мохнатым существом, которое ей удавалось найти.

У Тори от удивления отвисла челюсть.

— Только, пожалуйста, не говори, что речь о коровах и свиньях.

— Скорее дикая природа, — пояснила Иззи и, заметив глупое выражение на лицах подруг, продолжила: — Ну там барсуки, олени, воробьи...

Тори начала припоминать:

— Ты всегда гонялась за ежами в Трентоне.

— И за выдрами, — добавила Поппи.

Да, славные были времена. Она часами пропадала у ручья, пытаясь обнаружить каких-нибудь живых существ в воде или поблизости. Хотя...

— Не уверена, есть ли такая работа, где мне будут платить за то, что я целыми днями буду ползать под кустами и деревьями в поисках диких животных.

— Ты могла бы стать волонтером.

— Я вообще-то не собираюсь отказываться от еды, Попс.

— Ну... может, ты могла бы помочь какой-нибудь группе защитников природы управлять их небольшим капиталом, — импровизировала Поппи. — Бьюсь об заклад, они все отлично разбираются в животных, но не в финансах.

Хм...

Вот это точно что-то необычное. Но все равно недостаточно ошеломительное и пугающее своей новизной.

— Каковы шансы, что у «зеленых» есть открытая вакансия прямо сейчас?

Поппи взглянула на нее:

— С каких это пор ты ждешь приглашения? Предложи им сотрудничество за комиссию. Пятнадцать процентов от того, что ты для них заработаешь. Пока они не поймут, насколько ты бесценна, и не попросят тебя остаться.

— Думаю, я одобрила и подписала достаточное количество финансовых поручительств в «Бродмор НатАли», чтобы знать, как это работает.

Тори щелкнула пальцами:

— Ты профессионал, и в этом твое преимущество, разве нет?

— И они ничем не рискуют, — уговаривала Поппи. — Нет субсидирования — нет процентов.

— И кто бы ни пришел на мое место, у меня будет свой человек в комиссии по предоставлению грантов и субсидий в «Бродмор»...

Тори отхлебнула кофе:

— Вот видишь.

Было что-то жутко привлекательное в возможности стать хозяйкой своего собственного будущего. Она на сто процентов переросла то время, когда ей говорят, что и с кем ей делать.

Иззи подняла свой чай латте, Поппи и Тори сделали то же самое.

— За будущее, — произнесла она короткий тост.

Подруги чокнулись дизайнерскими кружками, которые зазвенели, как средневековые кубки, подтверждая правильность этого момента. И этого решения.

— За будущее, — в унисон ответили подруги.

Гарри был уверен, что Рифкин облился бы холодным потом, если бы знал, что накричал по телефону на сына директора и владельца «Бродмор НатАли» Уэстона Бродмора. Чтс велел наследнику империи «Бродмор» поработать над своими навыками общения с людьми.

Нужно признать, это была не самая изящная обратная связь, которую Гарри доводилось

получать в своей жизни, но именно та честная критика, ради которой он колесил по планете.

Будь осторожнее со своими желаниями.

Дома, в Австралии, его знали как Гаррисона Бродмора. Только здесь, в Великобритании, он был известен под фамилией Митчелл. Разумеется, он не мог рассчитывать на абсолютную конфиденциальность, на самом верху знали — должны были знать, — но кроме главы службы безопасности лондонского филиала, с которого взяли клятву хранить молчание, в офисе никто ни о чем не догадывался.

Именно то, чего он хотел.

Его отец с удовольствием подтрунивал над ним, решив, что Гарри шпионит и тайно контролирует международные финансовые операции — по мнению Уэстона Бродмора, очень достойное занятие. А Гарри даже не потрудился упомянуть, что его больше интересовало, сможет ли он добиться успеха, полагаясь только на себя. Без поддержки прославленной фамилии Бродмор.

Без необходимости покупать продвижения по карьерной лестнице.

Или успехи в учебе.

Или друзей.

Найти себя. Его добрый старик хохотал бы над этим, пока в его просмоленных насквозь легких хватало бы воздуха. Как будто желание Гарри имело какое-то значение. Компания станет его, как только Уэстон Бродмор так решит. Все, что Гарри нужно было делать, — это появляться в офисе, чтобы его видели сотрудники, подписывать всякие бумажки в течение дня, а затем возвращаться домой. Самое главное — произвести внешнее впечатление.

Но лондонский директор по персоналу Рифкин, видимо, был той же закалки, что и Уэстон Бродмор, потому что проявлял не меньше жесткости и требовательности, чем президент компании. Казалось, он ничуть не удивился, что Дин не удалось вернуть, — хотя его лоб собрался бы в гармошку, признайся Гарри, как окончился его разговор с их только что уволившимся финансовым экспертом. За провал миссии пришлось дорого заплатить: ключевые функции Дин были распределены между оставшимися лучшими сотрудниками Гарри.

В итоге... Гарри приехал в воскресенье в офис, чтобы заняться кое-какими делами и тем самым облегчить участь своих самых ценных сотрудников.

Хотя со стороны эта усердная работа в выходные подозрительно смахивала на рассеянное глядение в окно.

Он подошел к своему столу и вытащил из-под кучи документов пропуск Дин и погладил большим пальцем ее фотографию.

Девять дней прошло с того вечера. С момента, когда он пересек черту. Конечно, Дин формально уже не являлась его сотрудницей. Но у него еще никогда — ни разу — не было ничего подобного с коллегами. Ни отношений, ни мимолетной интрижки, вообще ничего.

Из принципа.

Все, что касается «перьев» и «корпоративных чернильниц», отец вбил ему в голову еще до того, как Гарри поступил в университет. Учítывая, что отец с удовольствием макал свое «перо» повсюду, Гарри воспринимал подобные разговоры скорее как поучительную историю на тему «Как не попасться».

Опять же у его отца хватало личного опыта, на который он мог ссылаться. Матери Гарри, стажерке в компании «Бродмор», было девятнадцать, когда седеющий отец познакомился с ней, и, если верить пьяным историям Уэстона, она завела его настолько, что

он был готов на все, чтобы затащить ее в постель. «Слияние» стало возможно после многочисленных заверений — вероятно, в письменной форме, — прежде чем девушка подпустила его к себе.

В шее Гарри что-то слегка щелкнуло, когда он повернул голову влево и потянулся.

Так... нет. Иззи уже не сотрудница, и он будет хвататься за эту формальность как за спасательный круг. И что бы там ни говорили СМИ, он не похож на своего отца. Гарри никогда ни с кем не спал из корыстных интересов и не собирался начинать сейчас.

Хотя Дин почти наверняка так считала.

Он даже не мог думать о ней как об Иззи, потому что как только он представлял себе ее имя, то практически слышал, как произносил его в ту ночь — с придыханием, постанывая, прижимаясь к ее уху, приближаясь к оргазму со скоростью паровоза. А воспоминания и переживания по этому поводу абсолютно точно не помогут ему выполнить намеченную работу.

Он бросил ее пропуск обратно на свой стол.

Айседора Дин была в прошлом. Он стоически понесет наказание за то, что не смог вернуть ее, и защитит свою команду от сомнительной игры директора по персоналу, взяв на себя часть дополнительных задач. Потирая лицо обеими руками, он повернулся спиной к окну, из которого открывался вид на деловой квартал Кэнэри-Уорф, и вернулся к куче документов у себя на столе.

Чем-то занимался он, чем-то Дин.

Сейчас все это было его.

Но ничего страшного. Он будет работать на износ, но не позволит Рифкину — или отцу — думать, что он сдался.

Он, черт возьми, докажет им, чего стоит.

Иzzi поправила волосы и юбку и сделала три глубоких вдоха, прежде чем выйти из туалета на девятнадцатом этаже башни из стекла и хрома «Бродмор НатАли» в лондонском финансовом районе Теймсайд. Ее старые родные пенаты.

Сотрудник службы безопасности внизу в фойе слишком широко улыбался, регистрируя ее в базе посетителей, и даже двери лифта, казалось, закрывались с неестественно восторженным свистом. Она и близко не подойдет к своему бывшему офису на двенадцатом этаже — так, на всякий случай. Так у нее не будет ни малейшего шанса столкнуться с ним.

— Таня, — пробормотала она женщине, которая вежливо открыла стеклянные двери конференц-зала «Бродмор НатАли», когда Иззи приблизилась, — очень рада тебя видеть.

— Я тоже, Иззи. — Таня улыбнулась вежливо, но ошеломленно. — Удачи тебе.

За последнюю пару недель она уже успела привыкнуть к удивлению, которое люди не могли скрыть, когда она появлялась на встречах с крупными компаниями, представляя «Лутра Фонд» — малоизвестное объединение по сохранению выдр и водно-болотных угодий, которое взяло Иззи к себе в штат.

Выдры? Смущенные морщинки между бровей, казалось, так и шептали: «Серьезно, выдры?»

Иzzi несколько не приблизилась к своей цели «выбраться из чулана», но, по крайней мере, ночью она опускала голову на мягкую подушку, зная, что днем сделала по-настоящему значимую и полезную работу.

— Всем спасибо, что пришли, — начала Таня театральным голосом, напоминая о школьных любительских спектаклях. — Наша повестка на сегодня выглядит следующим образом...

Начались выступления, и первым пригласили представителя крупнейшей правозащитной организации в мире. Иззи прикинула в уме и поняла, что пойдет или девятой, на букву «Т», или пятой, на «Л». То есть она могла расслабиться следующие полтора часа.

Расслабиться.

Во вражеском лагере?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она устроилась поудобнее в кресле за внушительным столбом и пробормотала:

— Вряд ли.

Прошло почти четыре часа, прежде чем Иззи снова оправила юбку и направилась к конференц-залу, стуча каблуками по дороговому полу. Она догадывалась, что столкнется с Дарси Макленнан из отдела коммуникаций и Кевином Басби из отдела маркетинга. Возможно, она даже встретит свою преемницу из финансового отдела. Одним словом, в комиссии будут одни дружелюбные лица.

Это немного успокоило ее нервы, когда она открыла дверь и вошла в конференц-зал, высоко подняв голову и улыбаясь. Дарси и Кевин очень удивились, увидев ее, поэтому она послала им свою самую теплую улыбку, оглядывая комиссию. И только одна пара глаз в самом дальнем левом углу не выглядела изумленной. Абсолютно.

Эти пронзительные кобальтовые глаза.

Самодовольные глаза.

Черт.

Иzzi немного смутилась, но тут же взяла себя в руки и подошла к свободному стулу, предназначенному для нее по эту сторону стола. Она обменялась теплыми рукопожатиями с Кевином и Дарси, затем собралась с духом, повернулась левее и протянула руку, не отводя взгляда:

— Мистер Митчелл, как поживаете?

Свой черт ближе... Разве не так она думала все те мучительные часы, проведенные в ожидании?

Но это было еще до того, как Иззи осознала, что с одним из членов комиссии она переспала. Тем не менее она не сдалась и представила презентацию, которую репетировала перед соседями по квартире до полного — и обоюдного — изнеможения.

Дарси и Кевин выглядели слегка удивленными.

Гарри, казалось, скучал.

— Выдры. — Он изучал глянцевую распечатку, лежащую перед ним. — Это же вид грызунов? Которые кормятся мелкой рыбешкой и тайком пробираются в бассейны на задних дворах?

— Вы только что описали половину вашего круга общения. И до сих пор с удовольствием сотрудничаете с ними.

Дарси охнул, но Гарри расхохотался, и его смех рикошетом отлетал от стен, обшитых деревянными панелями.

— Почему бы вам не выложить все как есть, мисс Дин?

Ах, сарказм. Она знала, как с этим справиться.

— Если коротко, то любой ваш сотрудник тратит на канцелярские товары больше, чем сумма, которая необходима «Лутра Фонду», чтобы совершать великие дела. У нас «Бродмор НатАли» будет главным спонсором, а не просто одним из многих, как у остальных. Ваш логотип не будет соседствовать ни с одним другим.

Бла-бла-бла. Она явно наскучила ему.

— Я хочу быть честным с вами, мисс Дин.

— Что-то новенькое.

Он проигнорировал ее колкость.

— Вы не в нашей пятерке фаворитов.

Удивление на лицах Кевина и Дарси означало, что Гарри даже не спрашивал их мнения, то есть «Лутра Фонд» не входил в его личную пятерку. И это также означало, что Иззи пролетела.

Она скорее умрет, чем будет унижаться и просить.

— Очень жаль. Но это была только разминка.

— В самом деле? — Легкое движение бровей выдало, что он не ожидал такого поворота.

— Вы не представляете, на что я способна, если у меня есть мотивация.

Тсс! Горячо.

Но он и глазом не моргнул, черт бы его побрал.

— Я не хочу ничего представлять. Я посмотрю на это.

— Когда?

— Когда мы выдадим вам чек на пятьдесят тысяч фунтов.

На мгновение у Иззи перехватило дыхание, но она смогла выдавить:

— Я думала, мы не в пятерке?

— Нет. Но вы шестые, и вполне справедливо. И, как ты правильно отметила, сумма не такая уж впечатляющая. Я просто срежу по десять тысяч с каждого из пяти первых. Они вряд ли заметят.

— Я... эээ... спасибо.

— Не благодарите меня. Это станет нашим специальным британским проектом. Вы будете сотрудничать с Дарси по вопросам возможного размещения информации и рекламы в средствах массовой информации и с Кевином по вопросам оформления всех ваших наглядных материалов. Мы ждем от вас активной деятельности в сфере налаживания и поддержания контактов с общественностью и ежегодных приглашений на какие-либо значительные мероприятия, посвященные теме защиты выдр.

Ее губы растянулись в улыбке.

— Разумеется.

И тут же поняла, что снова работает на Гарри Митчелла.

Черт.

— Мисс Дин, можно вас на минуточку?

Эх... почти сбежала. Она даже вызвала лифт.

Вздохнув, Иззи обернулась:

— Мистер Митчелл.

Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что они одни.

— Красивая игра.

— Что ты имеешь в виду?

— Именно это. Хорошая игра.

— Это не игра. «Лутра Фонд» имеет такое же право обратиться к «Бродмор НатАли» за поддержкой, как и любая другая организация.

— Именно поэтому ты не указала свое имя на заявлении?

Иззи ощутила предательское тепло на затылке — но это было не только смущение из-за того, что ее уличили. Иззи думала, что если на заявлении будет стоять ее имя, то это уменьшит шансы фонда на получение денег.

— Генеральный директор фонда подписывает все наши заявки на участие в тендерах. Я не пыталась ничего скрыть.

Боже, всего двадцать секунд наедине с ним, и он уже ставит под сомнение ее порядочность, честность и неподкупность.

— Если это так оскорбляет тебя, почему ты включил нас в список кандидатов?

Лифт пришел пустым, и Гарри почти втолкнул ее внутрь.

— Я чувствовал определенное давление.

— Потому что я бывшая сотрудница?

Он улыбнулся и пробормотал сквозь зубы:

— Потому что мы переспали.

Только сейчас она осознала, что Гарри встал так, чтобы его высокая фигура закрывала ее от камеры наблюдения в кабине лифта. И что его ладонь, опирающаяся на маленький динамик и микрофон над кнопкой экстренного вызова, вовсе не случайно там оказалась. Он не хотел, чтобы этот разговор был записан.

Если бы она не знала его так хорошо, то решила бы, что он оберегает ее.

Но Гарри Митчелла интересовал только один человек на свете.

Иззи вспыхнула от обиды и оскорбления:

— Ты думаешь, я бы использовала это в своих интересах?

— Я бы так и поступил.

«Не сомневаюсь».

— Я — не ты.

— Ты же воспользовалась знаниями нашего бизнеса изнутри, подготовила идеальную заявку. И попала в шорт-лист.

— Я легко могла бы найти всю эту информацию в вашем годовом отчете.

— Я тебя умоляю. Ты наверняка надеялась, что профессиональные отношения с коллегами по комиссии увеличат твои шансы на успех. Даже не пытайся убедить меня в обратном.

— Ключевое слово здесь «профессиональные». — То, что произошло между ними, было личным. Очень личным. — В любом случае откуда я могла знать, что ты будешь в комиссии? Это не было указано в письме, которое пришло из вашего офиса.

Он прищурился, услышав эту неудобную правду.

— Почему ты сам сидел в комиссии, Гарри?

— Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай сам...

То ли из-за нахлынувшей на нее ярости, то ли из-за внезапного торможения лифта, остановившегося на первом этаже, ноги у Иззи подкосились, и ей пришлось ухватиться за богато украшенные перила за собой.

Двери лифта начали медленно открываться, но Иззи поспешно нажала на кнопку закрытия дверей и удерживала ее какое-то время.

— К твоему сведению, я обратилась с заявкой в «Бродмор», потому что была знакома с вашей системой и приоритетными задачами, и да, потому что я надеялась, что люди, с которыми я работала в комиссии, помогут мне попасть в финальный список кандидатов. Но не потому, что я ждала от них одолжения, а просто потому, что знала: Дарси и Кевин открыты для новых идей и смогут оценить убедительную профессиональную презентацию. Я понятия не имела, что ты будешь в этой комиссии, и, разумеется, я не собиралась использовать ни свой предыдущий опыт работы, ни наше короткое... приключение... чтобы повысить свои шансы. Если честно, я изо всех сил стараюсь забыть и то, и другое.

— Может быть, за пятьдесят тысяч мне стоит сделать то же самое.

Она выпрямилась. Все, с нее хватит.

— Твои критерии отбора кандидатов и причины утверждения нашей заявки, какими бы параноидальными они ни были, — это твое дело, — сказала она. — Я знаю, почему я пришла в «Бродмор», — хотя задним числом эта идея уже не казалась ей такой блестящей, — и я знаю, что моя заявка была убедительной, потому что за несколько недель меня уже включали в пару других шорт-листов. Так что я могу спать спокойно.

— В той маленькой одинокой постели.

Все ясно. Он хотел возбудить, взбудоражить ее. Чтобы она вспомнила, как они вместе ворочались, извивались и потели на той кровати. Но она не доставит ему такого удовольствия.

— Восемь часов полноценного глубокого сна. Когда в последний раз у тебя такое было, Гарри?

С этими словами она нажала на кнопку открытия дверей и первой вылетела из лифта, стараясь не смотреть в зеркальные панели в фойе, в которых отражался Гарри.

— С нетерпением жду начала нашего сотрудничества, Иззи! — крикнул он, когда автоматические входные двери бесшумно разошлись перед ней.

Ага. Конечно.

— Любители выдр, действительно, очень идейны и преданы своему делу, — пробормотал Гарри, с сомнением поглядывая в направлении группы людей в резиновых сапогах.

Обида подступила Иззи к горлу. Конечно, их волонтеры выглядели пестро, чужаковато и немного неорганизованно, — а, возможно, и были не очень эффективны, — но они были готовы безвозмездно жертвовать своим временем.

— Из всех людей здесь только твои сотрудники получают зарплату за восстановление этого водного канала, — напомнила она Гарри с поразительным самообладанием, учитывая, каким придурком он был в ее присутствии.

За последние две недели в их взаимоотношениях мало что изменилось.

— Ты не веришь, что мои люди пришли бы сюда бесплатно? — спросил Гарри.

— А ты?

Какое-то время он молча рассматривал ее, прежде чем сменить тактику:

— Представляешь, если бы ты по-прежнему была одной из нас, как пару недель назад. И вместе со всеми хлюпалась бы сейчас в этой грязи, не имея ни малейшего представления, зачем все это, мечтая лишь об окончании рабочего дня.

— От этой затеи выигрывают все участники. С одной стороны, это помощь для «Лутра Фонда» на заболоченном участке, с другой — отличный тимбилдинг для «Бродмор НатАли».

— Выпить пару пинт в пабе тоже неплохой тимбилдинг, — заметил Гарри.

— Но это же на открытом воздухе. На природе. В такой прекрасный день. И они делают что-то стоящее.

— На своих рабочих местах они тоже делают стоящие вещи.

Возможно, для акционеров.

— Правда, то, что они делают на своих рабочих местах, не интересует газеты. А сейчас «Бродмор НатАли» попадет на передовицу.

На другом берегу болотца, которое они очищали от сорняков, молодой журналист из местной газеты брал интервью у одного из членов «Лутра Фонда» и сотрудника команды Гарри, в то время как фотограф делал снимки участников акции. Конечно, это еще не воскресная широкоформатная газета, но какое-никакое, а начало. К тому же он хотел быть ближе к народу.

— Я думала, ты захочешь ответить на вопросы журналистов, — заметила Иззи.

Он посмотрел в сторону:

— Я не особо жалую средства массовой информации.

— Ай-ай-ай, Гарри, — промурлыкала она. — Так в высшую лигу не попасть.

— Я уверен, что вершины успеха можно достичь и без излишней публичности.

— Ты меня удивляешь, Гарри. Я считала тебя мужчиной, который любит появляться перед камерами.

На самом деле она всегда думала, что он должен играть более активную роль в общественной жизни.

Гарри приподнял бровь:

— Ты когда-нибудь видела, чтобы я это делал?

— Нет, не видела. В чем же причина? — Может, у него было что скрывать?

— Средства массовой информации — это настоящий цирк.

— Личный опыт? — Потому ни один прочитанный ею учебник на тему «Как преуспеть в бизнесе» не рекомендовал избегать СМИ.

— Непосредственное наблюдение, — уклонился он от прямого ответа.

— Значит, любой медийной поддержкой спонсорской кампании «Бродмор НатАли» будет заниматься кто-то другой?

— В идеале.

— Хорошо. Ясно. — Иззи убрала влажную прядь волос со щеки и поковыряла лопатой в грязи. — Еще какие-нибудь неписанные правила, о которых я должна знать?

— Я сообщу тебе, как только вспомню.

Прежде чем она успела открыть рот, чтобы выпытать из него что-нибудь еще, за спиной послышалось хлюпанье резиновых сапог и раздался напряженный голос:

— Иззи. — Она обернулась и увидела Алекса. Опершись одной рукой на мотыгу, другую положив ей на плечо, он уставился на Гарри. — Что у нас там следующее в списке?

Что на мужском языке означало «Может, врезать ему?».

Иззи поспешила разрядить растущую напряженность:

— Гарри Митчелл, финансовый менеджер в «Бродмор НатАли», наш спонсор. — Она сделала особый акцент на последнем слове. — Алекс Спенсер, мой... сосед.

Он лишь недавно въехал к ним, поэтому слово «сосед» казалось таким непривычным. Для нее Алекс по-прежнему оставался братом Поппи. И красавчиком.

— Еще один? — буркнул Гарри. — У вас что, резиновая квартира?

— Достаточно маленькая, чтобы отчетливо слышать, что происходит за стеной, — спокойно ответил Алекс.

О боже...

Она обожала Алекса, даже если он был далек от представления об идеальном соседе. Но с тех пор как бывший солдат въехал в их квартиру и подарил двум женщинам, живущим на краю Ноттинг-Хилла, чувство безопасности, она взяла за правило ни на что не жаловаться.

Но иногда появление такого друга с военными замашками, готового прийти на помощь двадцать четыре часа в сутки, могло все испортить. Вот как сейчас.

— Просто у Алекса сегодня было свободное время, — поспешно объяснила она Гарри, а потом повернулась к нему спиной. — Еще раз спасибо, что согласился помочь.

— Я здесь по приказу штаба, — ответил Алекс.

Гарри окинул их проницательным взглядом, задержавшись на руке Алекса, нежно покоившейся на плече Иззи.

— Штаба?

— Это моя сестра Поппи.

— Ах да. Сестра.

— У тебя тоже сестра?

— Даже несколько.

Иззи подняла голову. Это была первая подробность частной жизни Гарри, которую она узнала. Если не считать размера его...

— Несколько? — сказал Алекс. — Господи, мне и одной по горло хватает.

— Расскажи.

И Иззи почувствовала солидарность Алекса с единственным носителем еще одной Y-хромосомы в их компании.

Гарри протянул руку Алексу, которому пришлось убрать ладонь с ее плеча, чтобы ответить на рукопожатие.

Гарри это очень обрадовало.

— Твой участок действительно чист, Алекс, — вмешалась Иззи, пока оба не заключили какой-нибудь братский союз.

— Дай мне еще какую-нибудь работу, — попросил Алекс. — Пока я не заснул.

Она проверила список.

— Еще нам нужен потайной наблюдательный пункт. Такой маленький домик на уровне земли. Для наблюдения за дикой природой. Думаешь, ты справишься?

— Похоже, это работа для двоих. — Он посмотрел прямо на Гарри.

Нет! Нет, нет, нет...

Никакого совместного времяпрепровождения. Никаких «Расскажи мне о ее детстве». Не то чтобы Алекс много знал о прошлом Иззи. Но он вполне мог разболтать секреты ее настоящего, что было не менее проблематично.

Как редко она встречалась с мужчинами. В каких стесненных обстоятельствах пребывала. Как несколько дней была на седьмом небе после той ночи, проведенной с Гарри.

— Я уверена, что Гарри должен остаться со своей командой. Это день их личностного роста.

Его голубые глаза сверкнули.

— Они отлично справляются и без меня. А я буду только рад немного поработать инструментами.

Единственное, что успокаивало Иззи, — это мысль о взбучке, которую Поппи задаст Алексу, когда узнает, как ужасно он справился со своей задачей. Если, конечно, его настоящая миссия не состояла в том, чтобы побольше выяснить об их ночном госте. Если так, то он великолепно сыграл свою роль.

Гарри шел за Алексом по берегу небольшого болотца — в своих потертых джинсах и грязных от влажного дерна ботинках он был похож на ковбоя из какого-то австралийского захолустья. Словно почувствовав на себе взгляд Иззи, он обернулся и хитро улыбнулся ей.

Один Бог знал, что Гарри будет делать с этим новообретенным доступом к ее частной жизни в лице Алекса.

Полчаса в компании Алекса Спенсера, и Гарри уже имел сносное представление о детстве Иззи и о том, как оно повлияло на ее характер. Алекс не болтал лишнего, но в определенные моменты начинал откровенничать. Но какими бы случайными ни выглядели рассказанные им подробности — между замерами, распилами и заколачиванием гвоздей молотком, — что-то подсказывало Гарри, что все это было умышленно.

— Тебе действительно нравится Иззи, — усмехнулся Гарри.

— Да. — Алекс фыркнул. — Потому что одной сестры явно недостаточно.

Сестра. Месседж был понятен, но все равно стоило перепроверить. Его рука на ее плече выглядела слишком непринужденно, но как знать. Они ведь соседи.

— Так мне не нужно ни за что извиняться?

— Из-за Иззи? Нет.

Ладно, проверим в третий раз. Он вытащил еще одну рейку и вбил в нее несколько гвоздей.

— Я тоже всегда кадрился к подругам своих старших сестер, — в конце концов решился

Гарри.

— Нет, Иззи не такая подруга, — торжественно произнес Алекс, словно приносил присягу. — Она... другая.

— Она уже взрослый человек, — осторожно сказал Гарри.

— Эти девушки знают друг друга с самого детства. — Алекс взглянул на Гарри. — Но да. Она уже взрослая.

— Значит, ты знал ее, когда она была моложе?

— Иногда она приезжала с сестрой к нам на праздники. Я не часто бывал дома, но видел ее несколько раз. Она маленькой тенью ходила за Поппи.

Трудно поверить. Когда он думал об Иззи, всегда представлял ее в центре всего. Окруженной людьми.

— Она сильно выросла.

— Очень сильно.

— Почему она не уезжала на праздники к себе домой?

— Об этом тебе лучше спросить у нее.

И вот она — черная линия на песке, обозначающая границы лояльности Алекса. Он с радостью будет говорить от ее имени, но не о ней. Это лучше любых слов определяло их отношения.

Сестра — брат.

Гарри почувствовал, как сердце екнуло у него в груди.

— Неплохо, — спустя некоторое время прокомментировал Алекс, глядя на работу Гарри. — Ты уверен, что работаешь с цифрами?

— Результат многолетнего запрета на спортивные секции после школы. Я направлял всю свою энергию на работу в мастерской...

Гарри прикусил губу.

Правда только что вырвалась наружу против его воли.

Такого никогда не случалось.

Алекс поднял на него покрасневшие глаза:

— Школа не одобряла контактные виды спорта? Или твои родители так сильно тебя оберегали?

Верно, его родители пытались что-то оберегать, но только не его. Гарри был самым младшим ребенком в семье, единственным мальчиком после трех сестер. С того момента, когда их мать произвела на свет сына, родители практически перестали заниматься сексом друг с другом. Конечно, на появление «дублеров» в постели повлияли их многолетние противоречия и давняя неприязнь друг к другу. Будучи женоненавистником, Уэстон Бродмор считал, что дочери сгодятся разве что для небольших «корпоративных слияний».

Поэтому теперь все зависело от Гарри. Их будущее. Его будущее. И всех, кто работал на них.

А если с ним что-то случится, то им придется начинать все заново.

Нет, этого нельзя было допустить.

Поэтому никто не хотел, чтобы наследник состояния Бродмор сломал себе шею, играя в регби. Или свалился с вышки для прыжков в воду. Или ездил на чем-то более опасном, чем «хаммер», который ему подарили на семнадцатилетие. Средства массовой информации посчитали это стереотипным символом статуса и вынесли Гарри соответствующий

приговор. На самом деле это был компромисс, на который ему пришлось пойти, если он хотел водить машину сам, как нормальный человек. Либо так, либо грузовик Мак. И только благодаря тому, что отец не представлял себе, как оборудованы мастерские в дорогих современных школах-интернатах, Гарри было разрешено столярничать в свободное время.

Или Уэстон Бродмор просто решил, что номинальному главе компании не нужны все пальцы, чтобы подписывать документы.

— Да, чрезмерно оберегали. — Он хмыкнул.

Алекс вторил ему.

А такое хмыканье в мужской среде стоит многих слов.

Он посмотрел туда, где Иззи и один из волонтеров упорно очищали участок водоема от сорняков.

— Она всегда такая перфекционистка? — спросил Гарри, не отрывая от нее глаз.

Алекс обернулся к нему с наигранной рассеянностью:

— Ага.

Он не смог сдержать улыбку, Алекс был свой человек.

— Я думаю, мы закончили, — сказал Гарри, разминая затекшую спину и оглядывая готовый пол в будущем укрытии. Кому-то другому придется соорудить стены, но благодаря их с Алексом работе этот кто-то точно не провалится в болото.

— Я пойду проверю, как там моя команда, — пробормотал Алекс. — Спасибо за компанию.

— Увидимся, Алекс.

Или нет, что вероятнее. А жаль. Настоящие друзья здесь были редкостью.

Гарри посмотрел на часы, а затем направился напрямик к своей команде. Некоторые уже слонялась без дела, а другие по-прежнему вкалывали как лошади. Прямо как в офисе. И конечно, он не преминул пройти мимо Иззи, которая покраснела от полуденного солнца и здорового физического труда.

Это привлекло его, но чем именно, он и сам еще не понимал.

— Я собираюсь отпустить своих людей! — крикнул он Иззи, когда та подняла голову и поймала его взгляд. — Спасибо за эту возможность сегодня.

Иззи с трудом пробиралась к нему сквозь густой камыш. Задыхаясь, она наконец добралась до него.

— Как ты думаешь, теперь тебе ничто не мешает выплатить мне выходное пособие?

— Ты должна была получить все несколько недель назад. — Он сдержал вздох. — Я распорядился об этом спустя несколько дней после твоего ухода.

— Ну, кто-то с этим явно не согласен. Я ничего не получила.

— Это немыслимо.

— Уверяю тебя, что это правда.

— Я имею в виду, немыслимо, что тебе пришлось ждать. Это твои деньги. — Он провел пальцами по волосам, покрытым мелкими опилками. — И это лишь показывает, что мы в отчаянии.

— В отчаянии?

— Пытаемся удержать тебя таким глупым способом. Как будто ты изменишь решение и вернешься.

Его взгляд упал на ее губы, прежде чем он понял, что происходит. Гарри тут же отвел глаза, но Иззи все заметила.

— Я не вернусь, — ошетибилась она.

— Я понял. А вот директор по персоналу явно против. Я разберусь с этим.

— Спасибо.

Он прочистил горло:

— Нет проблем. Жаль, что тебе еще ничего не выплатили. — Если только... Он повернулся к ней. — Может?.. Тебе нужно?.. — Гарри потянулся за бумажником, даже не задумываясь.

— Я в порядке, — сказала она, выпрямившись и поджав губы. — Я не нуждаюсь в твоей благотворительности. Ты просто должен разобраться.

Что он только что и пообещал сделать. Но ей удалось превратить его жест, вызванный лучшими побуждениями, в оскорбление.

Как обычно.

— Тогда увидимся в пятницу.

Эта фраза заставила Иззи остановиться и развернуться к нему вполоборота:

— Да? Где же?

— Разве ты не собираешься на большую вечеринку «Титана»? Чтобы завести новые знакомства?

Она уставилась на Гарри:

— Верно. Да, увидимся там.

И разве в ее голосе не было радостного предвкушения?

Раньше Иззи за неделю начинала готовиться к таким вечеринкам.

Новое платье. Новая прическа. Маска для лица, маникюр, педикюр. Стратегические часы или два в солярии за три дня до мероприятия, чтобы к выходным покрыться идеальным золотистым загаром.

Она любила сам ритуал. Ожидание. Предвкушение. Подготовка к вечеринке продлевала удовольствие. Но не в этот раз.

Во-первых, у нее не было денег, чтобы побаловать себя привычным образом, во-вторых, она пришла на вечеринку не для того, чтобы блистать. Действительно, слишком идеальный внешний вид на такого рода мероприятии мог только навредить ее цели. На вечеринках подобных этой, устроенной финансовой группой «Титан», было принято производить впечатление, но не выставляться напоказ. Главное — завести деловые знакомства, а не наделать шуму. Поэтому было важно выглядеть хорошо... но не чересчур.

У Иззи перехватило дыхание при виде Гарри, пробирающегося к ней через толпу гостей. Господи, да что такого необычного было в мужчине в дорогом костюме?..

Это был *очень* дорогой костюм. Из ультратонкой шерсти в одиннадцать микрон.

— Иззи. Ты хорошо выглядишь.

Будь это любая другая вечеринка — и любой другой мужчина, — она бы обиделась. Но Гарри умел быть одновременно искренним и провокационным. Он просто не мог ничего с собой поделать.

— Привет, Гарри. — Ее голос взлетел вверх, словно в удивлении.

Его губы скривились.

— Это вопрос или утверждение?

— Никаких вопросов. Я просто... Очень милый костюм.

Он посмотрел вниз:

— Хочешь прикоснуться ко мне снова?

Щеки Иззи вспыхнули.

— Нет.

— Жаль.

— Это... «Бриони»?

— В гардеробе каждого мужчины должен быть по крайней мере один по-настоящему хороший костюм, — сказал он. — Разве не так говорят?

— Откуда ты знаешь?

— Сестры. — Он небрежно пожал широкими плечами, и у Иззи перед глазами тут же замелькали образы той ночи, когда она ласкала пальцами это впечатляющее тело.

Она тряхнула головой, откинула назад короткие волосы и поняла, что он сменил тему разговора, пока она пыталась справиться с гормонами.

— Прости... что ты сказал?

— Раньше начнем — раньше закончим, — повторил Гарри, оглядываясь по сторонам и оценивая помещение. Судя по выражению его лица, он не был особо впечатлен.

— Только не я, — ответила Иззи. — Я заплатила целое состояние за билет. И собираюсь выжать из него все до последней капли.

— Хочешь совет? Не гонись за деньгами.

— В смысле?

— Ты хочешь максимальной отдачи от инвестиций во входной билет? У половины гостей в этом зале есть деньги, а другая половина хочет эти деньги заполучить. Как бы ты ни старалась сегодня вечером, большее, на что ты можешь рассчитывать, — это рукопожатие. Может, лучше потратить время на поиск будущих клиентов?

Она обернулась и оглядела толпу.

— Какая у тебя комиссия — пятнадцать процентов?

— Двадцать. — Выше, чем у большинства в ее сфере, но ни она, ни «Лутра Фонд» не знали об этом, когда договаривались.

— Двадцать процентов от пятидесяти тысяч... Тебе даже на туфли не хватит. Нужны новые клиенты.

— Вообще-то я предпочитаю шляпки, — пошутила она. — А что, если я найду дополнительные источники финансирования для клиента? Об этом ты не думал?

— Есть идея получше. Держись меня сегодня вечером.

От одной этой мысли по телу у нее побежали мурашки — вполне убедительное предостережение. Точно плохая затея.

— Какая мне от этого польза?

— Так гораздо быстрее завязать разговор с представителями разных организаций, которые настолько заняты тем, что присматриваются ко мне, что не замечают, что в свою очередь становятся чьей-то мишенью. А тебя будут воспринимать как посредника, а не конкурента.

— Ты предлагаешь мне быть приманкой?

Господи, это была до неприличия гениальная идея. Иззи собиралась всего лишь раздобыть несколько визиток и завести пару новых знакомств. В погоне за деньгами.

— Хорошая идея, — признала она. — Но меня раздражает, что это ты придумал.

— Гарантирую, что чуть позже то же самое придет и тебе в голову, когда ты согласишься на ожесточенное соперничество. Я просто «купил» тебе несколько лишних часов. Так что, Из? Вытерпишь несколько часов в моей компании?

Из...

Она моментально вернулась в ту ночь, когда он страстно шептал ей на ухо это имя, проникая в нее все глубже и глубже.

Провести весь вечер в компании мужчины, с которым они выделяли в постели разные восхитительные вещи, и все время притворяться, что между ними ничего не было. Эта небольшая тайна придавала их временному союзу забавную интимность. Очень личную связь. И Иззи хотелось насладиться этим чувством хотя бы короткое время.

— Я предполагаю, что большую часть времени мы будем разговаривать с другими, так что... да. Думаю, я справлюсь.

От его смеха внутри у нее разлилось приятное тепло. Гарри взял ее ладонь и провел ею по сексуальной ткани своего тонкого костюма. Мурашки побежали у нее по спине.

«Бриони»... Ах.

— Идем. Используй и злоупотребляй мною. — Они направились к жаждущей и улыбающейся толпе, но Гарри наклонился и с непроницаемым лицом пробормотал: — Особенно злоупотребляй.

— Почему это меня не удивляет? — улыбнулась Иззи.

Потому что он был самым сексуальным мужчиной, с которым она когда-либо спала?

Или потому что в те короткие часы, проведенные ими вместе, он заставил ее почувствовать себя принцессой? Потому что в эти часы он почти *разглядел* ее. Настоящую Иззи — со всеми сомнениями, и страхами, и неуверенностью, и маленькой грудью.

И он все равно хотел ее.

Иззи потянула его за рукав и заставила остановиться, прежде чем они попали в самую гущу толпы, посмотрела ему в лицо. Ей так хотелось дотронуться до этого волевого подбородка с легкой щетиной. Но она не могла этого сделать.

— Спасибо, Гарри. Это действительно мило с твоей стороны.

Он нахмурил темные брови:

— Нет. Это хороший бизнес. Я просто делаю все, чтобы «Бродмор» оставался эксклюзивным спонсором вашего фонда.

Верно.

Никакой тайной связи. Никаких мифических флюидов между ними. Он думал исключительно о бизнесе.

Неужели она действительно полагала, что Гарри интересуется что-то кроме доходов и прибыли «Бродмор»? Или она специально позволила ввести себя в заблуждение?

Иззи последовала за ним, пытаясь сосредоточиться на своей задаче.

Но это оказалось непросто, когда в голове вертелось только имя Гарри.

Было как-то подозрительно легко кружить с Иззи под руку по переполненному залу. Он делал это уже сотни раз и с сотнями таких же женщин — и даже намного лучше, чем она, — но все эти сотни женщин обязательно чего-то от него хотели. У них был план, и Гарри знал, что занимает в нем центральное место.

Потому что он был одним из Бродморов, и даже самые лучшие женщины в конце концов понимали, что могут дать им деньги.

В планах Иззи на этот вечер стояла только возможность, которую он сам ей предложил. Она охотно воспользовалась этим шансом и была благодарна Гарри. Иззи отлично выполняла свою часть сделки — вовлекала людей в непринужденную беседу.

Но она делала нечто большее. Весь вечер она спокойно и терпеливо помогала так называемым «рукопожимателям» произвести наилучшее впечатление, задавая вопросы, которые могли бы выявить и подчеркнуть их сильные стороны. Особенно тем, кто никогда не вращался в подобных кругах, но был вынужден это делать, чтобы спасти пингвинов или объекты культурного наследия, помочь жертвам торговли людьми или угнетенным нациям. Она опекала этих нелепо одетых людей с выступившей от волнения на лбу испариной. Заводила разговоры на подходящие темы, задавала правильные вопросы, ловко спасая от неуместных, и просто поддерживала беседу.

Она помогала им раскрыться.

Бесплатно.

И они не являлись клиентами. Нет, Иззи, помогала им, потому что была чуткой и сострадательной. Ей просто не хотелось видеть, как кто-то мучается. Даже конкуренты.

— Необходимо какое-то время, чтобы привыкнуть к изоляции. Только фрукты и рыба.

Женщина, с которой они начали беседу, все еще что-то рассказывала. Какой-то проект по очистке воды на одном из островов в Тихом океане или что-то в этом роде. Гарри заставил себя прислушаться.

— Но несколько недель, проведенных в домашних делах и суматохе, — и меня уже

тянет назад.

Они еще несколько минут обсуждали проект, пока Иззи едва заметно не повела плечами — женщина поняла намек, извинилась и исчезла в толпе. А впечатление осталось. Гарри знал, островитянка надеялась, что оно было хорошим.

Жаль, что он едва слушал их беседу. Он был слишком сосредоточен на запахе женщины, стоящей рядом с ним.

Как будто он превратился в похотливого подростка.

— Я не думала, что сегодня у меня разовьется комплекс неполноценности, — поделилась Иззи, когда они наконец пробрались к оживленному бару. Она нахмурилась, подбирая правильные слова. — Они такие увлеченные, милые люди. Чувствуешь себя неадекватным.

Неужели это все, чем запомнится ей сегодняшний вечер? Ощущением неадекватности? Он, как обычно, чувствовал себя невидимкой. Всех здесь интересовала только чековая книжка, но не человек, держащий ее в руках. Он был уверен: если в конце вечеринки устроить опрос, то большинство гостей не вспомнят, какого цвета его волосы, не говоря уже об имени. Не потому что это плохие люди — конечно нет, — а потому что в деньгах было что-то отвратительно... притягательное, затмевающее все остальное. Когда они присутствуют в помещении, люди, как правило, видят только их.

— Ты любишь людей, — сказал он. — Не думай, что я не заметил, что ты делала сегодня вечером. Помогала им, подсказывала.

— Не у всех есть опыт, необходимый для того, чтобы преуспеть в этой среде. Им просто нужно немного облегчить задачу.

— Ну, у тебя очень хорошо получилось.

Она изо всех сил старалась не покраснеть.

— У меня бывают такие порывы. — Она посмотрела на него карими глазами. — Но они много для меня значат. Самое важное, что я сделала на этой неделе, — это задержала автобус для старой леди с ходунками.

— Из тебя бы вышел хороший руководитель для девочек-скаутов.

Иззи рассмеялась:

— Если бы мои родители верили в подобные организации и общества.

Вот этот момент. Когда он может спросить ее о семье. Или о школе, о хобби, о друзьях. Ведь так строятся все разговоры. Но проблема в том, что они, как правило, предполагают взаимность. И не рассказать о себе будет так же грубо, как и не спросить.

Но если после его «Расскажи о своей семье» последует естественное «А ты о своей» — а он этого сделать не мог, — то лучше остаться грубым.

— Ты впервые упомянула родителей. — Слова сорвались с его губ прежде, чем он успел осознать это.

Иззи посмотрела на него широко раскрытыми глазами:

— А когда, по-твоему, был подходящий момент? Когда я представляла заявку на финансирование фонда или когда мы занимались сексом?

— Что, болезненная тема?

— Нет, — слишком быстро ответила она.

— Я полагаю, твое чувство благодарности ослабло?

— Я... Нет... Я просто... — На этот раз она покраснела, и на бледной английской коже проступили веснушки, которых он никогда раньше не замечал. — Ладно, извини. Это был,

пожалуй, перебор.

Он пристально посмотрел на нее и пожал плечами:

— Родители вообще невыносимы.

Разве он этого не знал?

— Да нет, — возразила она. — Нет.

— Но?..

— Это трудно объяснить. Том и Кристина — уникальные люди.

На ее хмуром лице было написано неподдельное страдание. И по непонятным причинам это причиняло ему боль. Гарри поднял руку, прежде чем она продолжила.

— Мне кажется, будет честно предупредить, что у тебя нет никаких шансов победить в игре «Самые неадекватные родители».

Стоп. Опасный маневр...

— Вообще ни одного?

— Ноль.

— Спасибо за предупреждение.

В ее глазах блеснула какая-то догадка, но Иззи просто повернулась и заказала себе вино, а ему пиво — холодное, как он любит, — не пытаясь продолжить разговор.

Он смотрел на ее хорошенький затылок, пока она забирала заказ, а затем, положив руку ей на спину, повел в более-менее тихий угол.

Они потягивали напитки и рассматривали толпу, и Гарри все время ждал неизбежного.

«Почему твои родители неадекватные?»

Он ждал.

И ждал.

Иззи уже наполовину осушила свой бокал, прежде чем он наконец нарушил молчание:

— Почему ты называешь их по именам?

Иззи целую вечность смотрела на него, и Гарри засомневался, что она вообще ответит.

— Это был их выбор. Им казалось, что так мы будем на равных. Друзьями. Без всяких социальных ярлыков.

— Но ты не хотела друзей в их лице, — догадался он.

Казалось, это ранило ее. Она отвернулась.

— Так как же ты обращалась к ним, когда была маленькой?

Почувствовав себя немного увереннее, Иззи снова взглянула на него:

— Честно? Я вообще старалась к ним никак не обращаться. И у меня неплохо получалось.

Да. Он отлично знал, что она имела в виду. И у него бывали дни, когда он сделал бы все, чтобы избежать слов «мама» или «папа». Только так он мог на несколько минут забыть, что их вообще связывают какие-то отношения.

Чем старше он становился, тем легче это ему удавалось.

— Я удивлен, что они отправили тебя школу-интернат, если не позволяли тебе быть даже скаутом.

Она пристально посмотрела ему в глаза, и Гарри честно ответил на ее немой вопрос:

— Там ты познакомилась с соседями по квартире. — Он не хотел подставлять Алекса.

— Они не отправляли меня. Я сама пошла.

— А есть разница?

— Большая. Но они не остановили меня, когда я выиграла стипендию. И за это я всегда

буду им благодарна.

Его взгляд медленно скользил по ее телу в платье из полупрозрачной, но достаточно плотной ткани. Внизу, у левого колена, подол украшал декоративный цветок.

— Зеленый и рыжий? Очень земные цвета.

Иzzi оглядела свой наряд, а потом сказала, прищурившись:

— Сначала «У каждого мужчины должен быть костюм», сейчас анализ цветовой гаммы? Я бы решила, что ты гей, если бы не...

Если бы их тела не слились в одно целое в ту ночь?

Он пожал плечом:

— Моя сестра Мэг — дизайнер. — Он протянул руку и провел пальцем по шву, соединявшему два цвета от верхнего ребра до противоположного бедра. — Я даже могу сказать, что твое платье скроено по косой.

Ее карие глаза удивленно округлились — то ли от его забавного признания, то ли от дерзкого прикосновения.

— Ничего себе, — выдохнула она. — Какая она, твоя семья?

Удар.

У него внутри сработала система мгновенного отключения. Словно упало лезвие гильотины. Иззи увидела смятение и ужас в его глазах, но вместо того чтобы обидеться, или начать извиняться, или, наоборот, допытываться, она обернула все в шутку.

Нашла изящный выход из неловкой ситуации. Как будто она всю жизнь это делала.

— Сдаюсь. Я просто хотела слышать твой голос и наслаждаться акцентом.

Всю жизнь на первом месте было его имя и лишь потом личность. Только в Лондоне он почувствовал себя нормальным. Просто парнем.

На долю секунды его даже посетила сумасшедшая мысль, что он может говорить с Иззи о журналах, Мэг, Карле и Кэти, не выдавая себя. Его сердце колотилось от сознания, насколько близко он был от того, чтобы рассказать ей правду. Насколько безрассудным он стал с Иззи. Это не должно повториться.

Спать с ней — да. Открыться ей — нет.

Он охотно схватился за ее спасательный круг:

— Некоторым наш акцент кажется резким.

— Я считаю его очень сексуальным, честно.

Их взгляды встретились. Гарри сделал большой глоток пива, пытаясь охладиться.

— Наверное, это влечение на физическом уровне, Иззи. Или ты падаешь в постель с любым Томом, Диком и Гарри?

Она подняла подбородок:

— Вообще-то ты был моим первым Гарри.

Незнакомое беспокойство охватило его при мысли, что когда-то в ее будущем может появиться другой Гарри. Или Том. Или какой-нибудь Дик.

Он посмотрел на толпу людей и поймал на себе пару взглядов, как бы вскользь брошенных в его сторону. Если они останутся стоять здесь, то лишь усугубят все. Достаточно того, что он почти начал обсуждать с ней своих сестер.

Сегодня вечером он нарушил кучу собственных правил. Пора вернуться в игру.

Он поставил полупустой стакан на ближайший стол и кивнул в сторону толпы:

— Пойдем, перерыв окончен.

Иззи переложила бутылку шампанского в левую руку и постучала правой в большую, ничем не примечательную дверь. Резкий контраст по сравнению с пафосным фойе жилого комплекса «Воксхолл», через которое она вошла.

Повезло, а то она уже подумывала, не сообщить ли на Гарри куда следует за сокрытие налогов. Никто, работающий ниже четырнадцатого этажа в «Бродмор НатАли», не мог позволить себе такую квартиру в районе Теймсайд. А Гарри и вся его команда сидели на двенадцатом.

Дверь открылась с почти удивленным свистом.

— Иззи? Привет.

В первый раз она могла наблюдать его в естественной среде обитания. Небрежная одежда, слегка вьющиеся, растрепанные волосы, щетина чуть длиннее, чем обычно.

Если она не ошибалась, на нем были те же джинсы, что и в день проведения тимбилдинга, только без рабочих ботинок. Черная тонкая футболка обтягивала его бицепсы и грудные мышцы и свободно драпировалась на плоском животе.

Как мужчина может выглядеть более сексуально в одежде, чем без нее? Это был откровенный вызов логике, но доказательство стояло прямо перед ней.

— Привет!

Господи, сколько она уже тут стоит, любясь его бицепсами?

— Гарри! Привет. — Выдающееся начало. — Спасибо, что разрешил мне подняться. Твоя охрана наводит ужас.

— Они очень серьезно относятся к своей работе. — Его взгляд упал на бутылку у нее в руке. — Что мы празднуем?

— Вообще-то это подарок. Для тебя. — Просто чтобы констатировать очевидное. Иззи глубоко вздохнула и выдохнула с тихим стоном.

— Заходи. — Гарри отошел в сторону, и Иззи могла разглядеть его квартиру.

Это было что-то впечатляющее. Насыщенные тона и минималистская мужская мебель эффектно подчеркивала огромное, во всю стену, окно.

— Вот это да. Какой сумасшедший вид на город.

— Одна из двух вещей, которые мне нравятся в этом здании. Но это был не мой выбор, — загадочно ответил он.

Тогда чей? Может, женщины? Иззи запнулась и еще раз посмотрела вокруг. Никаких признаков женского присутствия. Мысль о том, что у Гарри может быть подруга, только подчеркнули опрометчивость ее решения переспать с ним несколько недель назад.

Просто потому, что мужчина сказал, что он не женат...

— Дорого, — намекнула она. А если серьезно, как он мог себе это позволить? Даже на зарплату в «Бродмор НатАли».

— Я ненавижу общественный транспорт. В частности, автобусы.

— Пешком отсюда до Кэнэри-Уорф тоже не дойдешь. Не нашел ничего подходящего на другом конце города?

— Эта квартира... эта недвижимость принадлежит моей семье. Удачная сделка.

— Наверное, очень удобно, учитывая, что метро в двух шагах. — На нем-то она сюда и приехала.

— Я редко им пользуюсь.

— Еще скажи, что ты не ездишь на машине.

— Не здесь.

Она проследила за его взглядом и увидела пристань.

— Серьезно? Ты садишься на паром? Каждый день?

— Одна пристать буквально у порога моего дома, другая рядом с работой. Я был бы идиотом, если бы не воспользовался этим.

— Ты шутишь. Персональное водное такси? В оба конца?

Его темные брови нахмурились.

— Это какая-то британская культурная традиция? Приходить в дом к мужчине с алкоголем и оскорблять его жилище и выбор транспортного средства?

— Просто мне кажется, что ты столько упускаешь, игнорируя лондонское метро, — выкручивалась Иззи. — Или автобусы. Или легендарные кэбы. Впрочем, как и многие.

В замешательстве Гарри еще сильнее сдвинул брови:

— Я не говорю, что никогда не ездил на метро. Просто я не добираюсь на нем до работы.

Его взгляд упал на бутылку шампанского, которой Иззи всю размахивала.

— Так ты сказала, это подарок?

Господи... Она только и делала, что издевалась над ним все это время.

— В качестве благодарности, — сказала она, передавая наконец бутылку. Вполне осознавая, как нелепо это прозвучало после последних ста двадцати секунд.

Почему она так нервничает?

Он посмотрел на этикетку:

— Ого. «Тайтингер». Это довольно серьезная благодарность. А за что?

— За прошлый пятничный вечер. Теперь у меня четыре клиента и работа на год вперед.

— Ты и сама бы всего этого добилась, я только немного облегчил тебе задачу и ускорил события.

— Ну... я все равно благодарна. Это было очень великодушно с твоей стороны.

Гарри развернулся и прошел на кухню, достал два бокала для шампанского с полки своего огромного холодильника и за двадцать секунд охладил бутылку в специальном экспресс-морозильнике.

— На самом деле это было абсолютно эгоистично. Благодаря тебе вечер оказался не таким утомительным для меня. Это я должен дарить тебе шампанское.

— Я уверена, что ты справился бы и в одиночку.

— Разумеется, но эти умения появились у меня не сами собой. Мне пришлось учиться вести светскую беседу, которая является неотъемлемой частью больших мероприятий.

Иззи не могла упустить такую великолепную возможность — узнать чуть больше о самой закрытой книге под названием Гарри Митчелл. Она присела на стул у барной стойки:

— Значит, ты часто ходишь на шикарные вечеринки?

При этих словах рука Гарри едва заметно дрогнула, когда он наливал шампанское во второй бокал.

— Плюсы широкого круга общения. Знакомых мне женщин постоянно приглашают то на одну, то на другую вечеринку. Меня привлекает бесплатное питание.

В самом деле? Может, потому, что он просадил все деньги на шикарную квартиру и запредельный транспорт?

— Тогда меня удивляет, что ты пришел без сопровождения в прошлую пятницу, — как бы небрежно сказала она. — Если ты нарасхват.

— Почему ты думаешь, что сегодняшний вечер я проведу один?

Иззи собиралась откинуть волосы назад, но руки замерли на полпути.

— Э-э... ты налил второй бокал.

Его губы скривились.

— Ты полагаешь, он для тебя.

Сгорая от стыда и унижения, Иззи тут же соскользнула с табурета на плюшевый пол и бросила взгляд в холл, откуда, вероятно, вот-вот появится богиня. Полуобнаженная.

— Прости меня ради бога...

Иззи успела сделать всего несколько шагов к двери, как Гарри остановил ее, положив руку ей на запястье:

— Расслабься, Иззи. Я шучу. Второй бокал только для тебя. — И протянул ей его другой рукой. — Ты сидела там, такая наивная, с широко раскрытыми глазами, как Красная Шапочка, я просто не удержался от роли злого Волка.

Она молча взяла у него бокал и подошла к окну, чтобы еще раз насладиться прекрасным видом.

— Значит, четыре новых клиента? — Гарри стоял чуть позади нее. — То есть «Бродмор» придется делить тебя с другими?

Иззи сделала два глубоких вдоха, прежде чем повернуться к нему лицом.

— Не думаю, что ты заметишь разницу. Кроме того, это откроет возможности для сотрудничества.

— «Бродмор» не сотрудничает с другими компаниями, — пробормотал он.

Это правда. Им нравилось быть единственными и лучшими. Оставаться на самом верху.

— Возможно, это неплохой шанс научиться играть с другими?

— Удачи, — хмыкнул Гарри и прижал запотевший от холода бокал к полной нижней губе. Иззи отлично помнила, какими мягкими были его губы, какими удивительно талантливыми и, судя по всему, опытными.

— Как шампанское, Из? — пробормотал Гарри, и она моргнула и вернулась в реальность. — Твои зрачки расширились.

— Хм... отличное.

— Ты думала о той ночи на твоей вечеринке.

— Нет. — *Черт, получилось неубедительно.* — Я просто... любовалась видом.

— Лондон с высоты птичьего полета возбуждает тебя в принципе? Тогда «Лондонский глаз»^[1] не для тебя.

— Я не возбуждена.

— Ты стоишь в моей гостиной и вся просто горишь. От одного глотка шампанского.

— Да, — фыркнула она, — потому что я так примитивно устроена.

Гарри усмехнулся, обнажив свои белые зубы:

— Я же говорил, что это физическое влечение.

— Не хочу разочаровывать, но я не сильна в биологии.

— Тогда почему ты тяжело дышишь? Твои груди вздымаются, как у героинь немого кино.

— Хорошо. Пусть будет по-твоему. Это влечение.

В его глазах сверкнул огонек.

— Одного раза было недостаточно, верно?

— Вполне возможно. Сейчас нас связывают профессиональные отношения. К сожалению.

— Не думаешь, что два человека могут заниматься сексом и оставаться профессионалами?

Ах... нет!

— Одно исключает другое.

— Может, тебе просто не везло.

— Гарри Митчелл, ты хочешь сказать, что постоянно спишь со своими сотрудницами?

— Признайся, тебе бы этого хотелось — тогда то, что бурлит между нами, станет не таким особенным. Обыденным.

«Нет. Я на это не куплюсь».

— Единственное, что бурлит и шипит в этой комнате, — это шампанское в бокале.

— Ты так думаешь? — Гарри подошел ближе, сократив расстояние между ними до нескольких дюймов, и Иззи запрокинула голову, чтобы видеть его хищную улыбку. Он взял бокал из ее онемевших пальцев и поставил его рядом со своим на журнальный столик. — Разве твоя кровь сейчас не закипает от феромонов?

— Вообще-то, мне кажется, феромоны выделяет кожа... — прошептала она. Но сейчас она кивнула бы и улыбнулась, даже если бы ей сказали, что феромоны попадают в организм из космоса.

— Спасибо за лекцию по биологии. — Он улыбнулся. — Может, выясним?

— Э-э-э...

Не дожидаясь разрешения, он поднял ее руку и поднес губы к запястью, но не коснулся его. Глубоко вдыхая ее запах, он поднимался вверх по ее руке, уделяя особое внимание внутренней стороне локтя, плечу, — и все это время его голубые глаза не отрываясь смотрели на нее. Его торс, такой теплый и упругий, коснулся ее вытянутой руки и, ловко миновав первый уровень защиты, прижался к ее телу. Теперь Гарри сконцентрировался на ее шее, завораживая и парализуя Иззи своим горячим дыханием.

— Я не уверен, — пробормотал он ей в ухо. — Возможно, это просто твои духи.

Он продолжил изучать другие участки ее кожи, уткнувшись носом в шею. Иззи пыталась справиться с огнем, обжигавшим ее изнутри, и устоять на дрожащих от волнения ногах. Гарри зарылся пальцами ей в волосы, обхватив ладонями голову и слегка наклонив ее.

Но так и не поцеловал.

Дразнит.

— Должно быть, феромоны, — прошептал он. — Я не могу думать ни о чем другом сейчас, только о тебе и этом диване.

Она говорила словно сквозь чувственную дымку:

— Тут есть диван?

Гарри рассмеялся:

— И очень удобный. Больше, чем твоя односпальная кровать.

— Я не собираюсь заниматься с тобой сексом, — запротестовала она, но это были самые неубедительные слова, которые она когда-либо произнесла.

— Нет? — Его голубые глаза в упор смотрели на нее. — Не возражаешь, если я...

С этими словами он подхватил ее на руки, и, прежде чем она успела перевести дыхание, они неуклюже опустились — практически рухнули — на диван.

— Извини. — Гарри прижался губами к ее рту. — Просто сгораю от желания.

Он целовал ее как тогда, на вечеринке, только лучше. Страстно. Жадно. Потому что это был уже не первый поцелуй. Потому что сейчас они знали друг друга. Потому что между ними больше не было прежней напряженности.

Его губы и язык поглощали ее. Руки уверенно ласкали. Тяжесть его тела пьянила.

Иzzi извивалась под ним, но это лишь придавало их движениям больше страсти, — и ее перекрученное платье ползло по ногам все выше и выше, чему немало способствовали его талантливые пальцы.

Но когда Гарри оторвался от ее губ, чтобы переключиться на ее шею, грудь, покрытый тканью живот, Иззи сделала усилие и отстранила от себя его голову.

Он поднял на нее горящие глаза.

— Ты сказала «никакого секса», — промурлыкал он. — Я просто импровизирую.

И он нырнул вниз, приподнял ее платье до бедер и, добравшись до нижнего белья, легко спустил ее трусики до самых лодыжек. В голове у Иззи мелькали смутные мысли, что она должна протестовать, вырываться, пытаться высвободиться из его рук, но она была просто не в состоянии мыслить более ясно.

А когда она вновь почувствовала его губы на своем теле, уже не могла думать ни о чем другом, только об этом сладостном блаженстве. И о том, что все ее мужчины останавливались именно на этом моменте. Решив, что прелюдия окончена.

И как это было обидно.

Но Гарри не остановился. Его движения стали лишь более решительными. Напористыми. И ее тело благодарно отзывалось на все его прикосновения, извиваясь под его губами и руками, которые ласкали ее. Проникали внутрь.

— О господи... — прохрипела Иззи.

Она задыхалась от удовольствия, чувствуя, как его колючий подбородок касается ее самой чувствительной точки. То, что они занимались этим прямо напротив большого окна — пусть даже высоко над Лондоном, — еще сильнее будоражило Иззи. Какой-нибудь астроном-любитель может прямо сейчас наблюдать за ними в телескоп. Это казалось еще более рискованным и запретным, чем секс на ее вечеринке.

Упоительно запретным.

Гарри раздвинул ее бедра и приник губами к нежной складке, и хрип Иззи постепенно превратился в постанывание, а затем в протяжный стон, когда она была уже не в силах терпеть эту сладостную муку. Придерживая Иззи за ягодичцы, он несколькими точными движениями языка довел ее до вершины наслаждения и упал рядом с ее содрогающимся телом, приникнув к ее шее в глубоком удовлетворении.

Никакой прелюдии. Никаких предварительных ласк. Никаких намеков на половой акт. Пряжка его ремня осталась нетронутой.

Просто... удовольствие.

Она изучала его из-под полузакрытых век.

— Мне не хватало этого в прошлый раз, — пробормотал он, рассеянно поглаживая пальцем небольшой изгиб ее груди. — Я извиняюсь за то, что торопился тогда. Я умею и лучше.

Иззи не смогла сдержать смешок:

— Ах, так ты беспокоишься за свою репутацию?

— Нет. Я хотел доставить тебе удовольствие. В прошлый раз у меня это не получилось.

«Доставить тебе удовольствие».

Хм, такое она слышала... впервые.

— Да нет, тебе удалось. Даже дважды.

— Скорее случайно. Я был... не в лучшей форме.

Тут Иззи осенило, и она приподнялась ему навстречу:

— Я тебе не верю.

— Я говорю серьезно. Я обычно не такой...

Она молча подняла бровь.

— ...нетерпеливый.

— Тебе действительно неловко за ту ночь, которую мы провели вместе?

— Да.

— И ты принимаешь наркотики?

Он откинул влажные пряди волос с лица и улыбнулся:

— Только эндорфины.

— Ты был... более чем хорош в тот раз.

Он опустил голову:

— В тот раз все крутилось вокруг меня. Моих желаний.

Иззи внимательно посмотрела на него:

— Ты пытаешься задурить мне голову?

— Я просто выполняю соглашение, которое заключил с собой.

— И что же это?

— Если у меня появится возможность исправить что-то, то я это сделаю.

И как он все исправил!

— Простой откритки с извинениями недостаточно?

— Абсолютно.

— Может, ты еще в чем-то хочешь признаться?

Гарри перевел потухший взгляд на лондонское серое небо в окне:

— Нет.

Она перекинула ноги через спинку дивана и села.

— Ну раз ты теперь улучшил свой внутренний счет...

Его теплая рука легла ей на плечо, мешая подняться.

— Не пойми меня неправильно, Иззи. Это не конец чего-либо. А только начало.

К своему удивлению, Иззи почувствовала, как ее сердце пронзила надежда, но она постаралась ничем себя не выдать.

— А ты очень много на себя берешь.

— Тебе не понравилось?

«Да ладно, Гарри! А учащенное дыхание, а мои стоны? Разве тебе мало подсказок?»

— Мы три раза занимались сексом — ну или что-то вроде того, — но у нас не было ни одного свидания. Мы даже толком не говорили. Может, ты мне даже не нравишься.

Пфф... Но эта ложь вернула ей часть достоинства, которую она могла потерять на диване.

Он остановил ее, нежно взяв за руку:

— Я понимаю, Из. Все произошло в обратном порядке. У нас не было привычного свидания, но это не значит, что я этого не хочу.

Он звучал вполне убедительно. Иззи поджала губы:

— Так ты хочешь поужинать со мной?

— Я хочу лучше узнать тебя. Вернуться на несколько шагов назад. Чтобы все было как у нормальных людей.

— Не забудешь своего обещания?

Иззи хорошо помнила, что он сказал в ту первую ночь.

«Я не ищу серьезных отношений». Волнительная радость распирала ее грудь. Гарри изменил свои правила ради нее.

Для нее.

— Конечно нет, Из. — Он провел пальцами по своим уже и без того растрепанным волосам. — Ты не хочешь провести сегодняшний вечер со мной?

Гарри Митчелл не был похож ни на кого, с кем она встречалась раньше. Высокомерный и провоцирующий, красивый и обаятельный, сбивающий с толку своими приступами загадочной доброты.

Такое роковое соблазнительное сочетание.

— Да. Сегодня вечером я как раз свободна.

— Отлично. Я только захвачу пиджак. — Он улыбнулся. — Ты любишь тайскую кухню?

Гарри замер, не донеся вилку с рисом до рта.

— Я хочу пошутить, но боюсь, ты воспринимаешь все слишком серьезно.

— Так и есть, — ответила Иззи, доедая последний спринг-ролл. — Моя единственная детская мечта была поскорее начать взрослую жизнь.

Он уставился на нее:

— Что, черт возьми, с тобой произошло?

— Сразу видно, ты не рос в бедных пригородных кварталах, — заметила она. — Они довольно жестокие. По крайней мере, наш был таким. Но я не это имела в виду. Когда я была ребенком, я не хотела стать врачом, ученым или ветеринаром. Я просто хотела быть совершеннолетней. Найти постоянную работу, ходить в большой офис, покупать одежду в обычном магазине. Чтобы в холодильнике была еда с неистекшим сроком годности.

Она начала идти к своей цели, как только смогла законно устроиться на работу — убираться на кухне в ресторане быстрого питания. Родители искренне не понимали ее желания и считали, что в нее вселились бесы. Сами они привыкли быть безработными.

Однако Иззи каждый день видела, что не все семьи обходятся без работы. И она хотела расти в тех семьях. Которые покупали гамбургеры, приготовленные на вычищенных ею плитах.

Красивое лицо Гарри омрачилось.

Да. Бедность не самая деликатная тема для ужина.

— А были, вообще, хорошие моменты?

— Конечно. Полно. Мне кажется, я выросла вполне нормальным человеком.

Он нахмурился еще сильнее.

— Ну что теперь?

— Я пытаюсь понять, откуда гневные нотки в твоем голосе. Ты ведь, кажется, вполне примирилась со своим детством.

Это был не гнев. И детство тут ни при чем.

— Что было, то было, Гарри. Я не могу этого изменить.

Это сейчас прозвучало очень по-буддистски. Он даже не догадывался, сколько лет ей потребовалось, чтобы достичь этой гармонии с самой собой.

— Ты бы хотела изменить его? Если бы могла?

— Личность каждого человека формируется в детстве, ты так не думаешь? Если бы мне преподносили все на блюде с золотой каемочкой, я могла бы вырасти безынициативной.

— Ты считаешь, что богатство автоматически делает человека именно таким? Людям с деньгами все равно приходится многого добиваться самим.

— Например?

Было видно, что этим вопросом она разочаровала Гарри, но тот постарался это скрыть.

— Счастья. Самореализации. Любви.

— Это важные вещи, — призналась она. — Но все равно роскошь по сравнению с едой и крышей над головой.

— Я считаю, что любовь — такая же основная потребность человека, как пища и тепло. — Гарри не отвел взгляда. — Похоже, в твоей жизни не было недостатка в любви.

Неприятное чувство вины навалилось на нее. Это правда. Она была центром мира своих

родителей.

— В прошлом.

Его красивое лицо нахмурилось.

— Мне жаль. Ты их потеряла?

Наступило молчание. Иззи рассматривала свою скомканную салфетку. Наконец она подняла глаза и посмотрела на Гарри. В его взгляде было просто любопытство.

— Это они потеряли меня. Я общаюсь с ними реже, чем хотела бы, — попыталась пояснить она.

— Почему?

Такой простой вопрос. Всего-то поднять трубку и набрать номер.

Так легко. На первый взгляд.

— Наши разговоры... — *Пустые. Ужасные. Тяжелые*, — не клеятся. Их огорчает, что я редко навещаю их. Это причиняет им боль. И поэтому я приезжаю еще реже.

Порочный круг.

Гарри смотрел на нее, не произнося ни слова.

В его взгляде читалась нерешительность, наконец он заговорил:

— Моя школа-интернат предлагала полный пансион для мальчиков из сельских районов Австралии и семей из Юго-Восточной Азии. Все они прилетали в начале учебного года, а на летние каникулы возвращались домой.

— Как далеко тебе приходилось летать?

— Мой дом был в соседнем районе города. Большую часть каникул я проводил в школьных лагерях.

Ох.

— Вообще не бывал дома?

— Пару дней на праздники.

— Когда же ты видел свою семью? — Она стеснялась даже спросить.

— Все мои сестры ходили в дневную школу для девочек по соседству, так что мы встречались во время обеда и перед тем, как они шли домой. Разговаривали через забор. Маму я видел в основном во время праздников. Отец тоже иногда бывал дома. Изредка кто-нибудь из них приходил в школу, чтобы провести меня.

Из соседнего района. Господи...

— Подожди. Твои сестры возвращались вечером домой, а ты нет?

— Отец думал, что это сформирует характер.

— Наверное, было тяжело. — Иззи была в этом уверена. Потому что Поппи рассказывала о своем детстве в подобном интернате и о ночах, проведенных в слезах под одеялом.

— Мы все справились. — Он пожал плечами. — Это была хорошая школа. И они уделяли большое внимание безопасности.

Какое странное замечание.

— Такой опыт сделал тебя очень независимым. — Достаточно самостоятельным, чтобы колесить по миру.

— Уверен, что в этом и был весь смысл. Я подозреваю, мой отец боялся, что из меня выйдет еще одна девчонка, если я останусь дома.

— Сколько, ты сказал, у тебя сестер?

На мгновение он отвел взгляд:

— Я не говорил. Несколько.

— Так много, что ты точно не помнишь? — с сарказмом спросила Иззи.

— Какая разница?

— Разницы никакой, Гарри. Это просто разговор.

Симпатичная официантка подошла к ним и с застенчивой улыбкой начала убирать пустую посуду.

— Послушай, Гарри, извини, если я тебя обидела. Я говорила о людях с деньгами в общем.

Напряжение не исчезло.

— Почему я должен обижаться?

— Дорогая школа-интернат. Работа в Лондоне. Я предполагаю, что ты не из семьи какого-нибудь мелкого лавочника.

На напряженном лице Гарри появилась натянутая улыбка.

— Это Австралия, Из. Страна тяжелого труда и возможностей. Лавочник может быть таким же богатым, как земельный магнат.

Она вздохнула:

— Значит, вот кто твой отец? Магнат?

Что-то неопределенное вспыхнуло в его глазах. Какое-то желание, которое Иззи не смогла распознать.

— А тебя, кажется, очень интересует моя чистая стоимость, — непринужденно сказал Гарри. — Сначала допрос в квартире, теперь это. В чем дело?

Допрос?

— Я не...

— Для человека, который якобы недолюбливает богатых, ты из кожи вон лезешь, чтобы подражать им.

Она сжала губы.

— Шикарная одежда, шампанское, престижный адрес...

— По нашему престижному адресу живут три человека без постоянной работы, а я сплю в кладовке, — напомнила она ему.

— Только с недавнего времени. Ты говорила, раньше это была башня?

Иззи увидела перед глазами осуждающие лица своих родителей. Но отмахнулась от этого образа.

— Разве правильно отказываться от хороших вещей, если я могу себе их позволить?

И потом продавать их в Интернете, если деньги закончились.

— Вовсе нет. Но, я думаю, тебе нужно занять какую-то одну позицию в вопросе сравнительных достоинств богатства и придерживаться ее.

Она подняла бровь:

— Хочешь сказать, я лицемерю?

— Я хочу сказать, что для человека, которого так устраивает его воспитание и который так ругает богатство, ты потратила немало времени на то, чтобы окружить себя атрибутами роскоши.

Иззи сделала глубокий вдох:

— Послушай... Я понимаю, что немного сорвалась с катушек с покупками. Но о богатстве я знаю только из телевизионных передач. Я решила, что все эти люди, которые говорят, что деньги не сделают меня счастливой, просто хотят, чтобы им досталось больше.

У каждого человека свои тараканы в голове, свои страхи и недостатки...

Где-то в глубине души она это знала.

Ее серьезное выражение подействовало на Гарри каким-то чудесным образом, и его тело расслабилось.

— Наверно, трудно устоять перед всеми этими вещами, которых у тебя никогда не было.

— Эти несколько лет были просто замечательными.

Его низкий смех отозвался где-то глубоко у нее внутри.

— А теперь?

— Теперь я начинаю видеть смысл в том что делаю, а не в том, сколько зарабатываю.

Примерно то же самое пытался внушить ей и отец. Только он говорил: «Важно, что ты за человек, а не чем ты зарабатываешь на жизнь». Потому что... ну, потому что сам он не мог особо зарабатывать.

Авария с участием его грузовика и девять штифтов в позвоночнике решили это раз и навсегда.

Гарри внимательно посмотрел на нее:

— И это важно для тебя?

— Уважать свою ежедневную работу так же важно, как и уважать свой образ жизни. Или свой выбор. Или свои отношения.

Он кивнул, как бы соглашаясь, но потом заметил:

— Самоуважение не вернет тебе башню.

Иzzi вздохнула:

— Она все равно уже занята.

— В самом деле?

— Там живет Айзек. Друг Алекса, с которым ты знаком. Но только на время, пока в его доме ремонт.

Мужчина. В ее комнате.

— Ты ведь знаешь, что можешь вернуться в «Бродмор» в любой момент? Мы найдем для тебя другое место. Другой отдел. Что-нибудь, что будет доставлять тебе удовольствие. И с повышением.

Она повернулась и посмотрела ему в глаза:

— Мое увольнение было связано больше со мной, чем с работой, Гарри. — Что бы она ни написала на стекле его кабинета. — Ты не можешь тут ничего исправить.

Правда, время, проведенное с ним, каким-то невероятным образом меняло ее. Слабые оборванные нити, свободно болтающиеся внутри ее, постепенно скручивались в крепкий надежный канат.

Гарри наполнил свой стакан из кувшина:

— Тогда за твоих новых клиентов. И независимость, которую они олицетворяют.

Иzzi подняла свой стакан:

— И за самоуважение.

Глядя друг другу в глаза, они чокнулись.

— За самоуважение.

Самоуважение.

Да, он знал все об этом. Или о желании его добиться. Разве не для того он приехал в Лондон? Чтобы заслужить, заработать свое будущее, а не получить его на блюдечке с

золотой каемочкой.

Квартира в «Воксхолле» была ценой, которую он заплатил за это. Как «хаммер» в свое время. Наследнику империи «Бродмор» был необходим надлежащий уровень безопасности, и эти шикарные апартаменты должны были оградить его от возможных мошенников. Его раздражало, что он не мог объяснить все это Иззи. Ей придется довольствоваться только частью правды.

Персональное водное такси к Кэнэри-Уорф и обратно стоило немалых денег, которых нормальный человек тратить бы не стал. Но ежедневные утомительные поездки в метро с пересадкой до работы и обратно... вот это была для него трата. Трата времени. Очень нерационально.

А эффективность и рациональность он ставил превыше всего.

Или он просто заблуждался? Может, это было такое же презрение, какое он испытывал к деньгам, занимавшим в его детстве место, предназначенное для любви? Они были бессмысленными, быстро расходуемыми.

В буквальном смысле.

Дома, в Австралии, деньги делали его популярным у женщин. Здесь привлекали клиентов.

Они придавали ему ценность.

Разве не так?

Жизнь в Лондоне это подтвердила. Без своей фамилии и финансовой поддержки отца он не сильно отличался от всех остальных сотрудников офиса. Оказалось, что без денег он был довольно заурядный. Не плохой, но ничего особенного. Основательный, но не выдающийся в работе, уверенный, но не впечатляющий в игре. Женщин, которые, как мотыльки, когда-то порхали вокруг Гаррисона Бродмора, почему-то не привлекал мир Гарри Митчелла. Профессиональная лесть тоже таинственным образом исчезла.

— Гарри.

Голос Иззи вернул его в реальность.

— Мне любопытно, почему мы ужинаем здесь, а не в шикарном ресторане в твоём доме.

— Вид там, может, и лучше, но еда здесь гораздо вкуснее. Ты разочарована?

— Нет. Я могу бесплатно насладиться видом и из твоей квартиры.

— Транжиры так не рассуждают.

— Ну, одно дело тратить, — она улыбнулась, — а другое — пускать деньги на ветер.

— Вращающийся ресторан, тоже деньги на ветер?

— Да, если там не готовят такой изумительный квай теов^[2].

— Мне нравится, что ты с таким аппетитом уплетаешь его.

— Ну... утренние пробежки придется увеличить, но я не собираюсь упускать возможность вкусно поесть.

— Я редко слышу такое от женщин за ужином.

Две морщинки, как скрещенные палочки для еды, появились у нее между бровями.

Она подцепила побольше лапши и сказала:

— Кристина обещала мне, что, когда я вырасту, у меня появятся формы. То же самое говорила школьная медсестра. И все мои подружки.

— Мы говорим о груди?

— Грудь, бедра, нормальный зад. Все детство я мучилась из-за своей костлявости, и соблазнительные женские формы должны были стать наградой.

— Я бы не назвал тебя костлявой. Как насчет «грациозная»?

Иzzi наклонила голову, словно пробуя это слово на вкус:

— Это меня устраивает.

— Многие просто мечтают о твоём теле.

— Это потому, что многие не знают, что мне приходится ушивать все вещи, чтобы они не висели на мне как на вешалке.

— Я уверен, что в ту ночь мне удалось найти бедра.

Иzzi мило покраснела:

— Тсс! С ума сошел? Мы не одни в ресторане.

Это заводило Гарри — ему даже не нужно было прикасаться к ней, а его тело уже реагировало на ее присутствие.

— К сожалению.

— Большое спасибо, но я не собиралась напрашиваться на комплименты. Так что побереги силы. Я вижу, ты уже закончил. Тогда тебе придется набраться терпения и ждать, пока я доем свою порцию.

— Хорошо. Я буду просто смотреть.

Он сцепил пальцы под подбородком и с улыбкой уставился на Иззи.

— Это грубо.

Он действует ей на нервы? Отлично. Какая сладкая месть.

— Это вежливо. Я не хочу тебя торопить.

Какое-то время она жевала овощи и плоскую лапшу, не обращая на Гарри никакого внимания, но потом заметила его пристальный взгляд, прикованный к ее губам, и поднесла ко рту салфетку, лишая Гарри удовольствия.

— Ладно, думаю, я готова.

— Иззи, ты же не доела.

— Я чувствую себя неловко.

— Почему? Потому что я смотрю на тебя?

— Как ты смотришь.

— Тебе не нравится внимание?

— Это какой-то... хищный взгляд.

— Ты говоришь так, словно это что-то плохое. Неужели только я помню, что было до ужина?

Иzzi, краснея, оглянулась по сторонам:

— Нет.

— И неужели только я с нетерпением жду того, что произойдет после ужина?

— Ничего не произойдет, потому что мой желудок просто набит тайской едой. Плохое планирование с твоей стороны.

— Да, но ночь длинная. И мы можем прогуляться.

Они рассчитались, дошли до набережной и повернули к Ламбетскому мосту. В противоположную сторону от его квартиры.

— Я хожу по этим мостам каждую неделю, — сказал Гарри. — Когда мне не спится.

Иzzi покосилась на него:

— И часто такое бывает?

Чаще, чем ему хотелось бы.

— Довольно часто.

— Кристине тоже. Она не может спать в городе.

— Значит, она не приезжает к тебе?

Даже при неярком свете фонарей на набережной было видно, что лицо Иззи помрачнело.

— Слишком много шума... и тому подобное.

Они залюбовались подсвеченным зданием в стиле ар-деко и потеряли нить разговора. Неожиданный шум, донесшийся из переулочка, напугал их.

— Ты уверен, что мы здесь в безопасности? — спросила Иззи.

— Ты шутишь? На одном берегу Темзы штаб-квартира МИ-6, на другом — МИ-5. Да эта набережная такая же безопасная, как любая другая в Лондоне. Кроме того, я рядом.

Наверное, Гарри должен был оскорбиться, когда она рассмеялась.

— Я думаю, ты мог бы забросать хулиганов ведомостями и отчетами. И связать их твоей неопровержимой логикой.

Господи, как его возбуждал ее сарказм.

— Или я мог бы сразить их наповал владением боевыми искусствами.

Иззи остановилась:

— В самом деле?

И вот снова момент, когда он мог рассказать ей правду. Гарри и так уже выболтал в ресторане больше, чем планировал, но Иззи так смело достала скелет из своего шкафа, что было невозможно не ответить взаимностью. Хотя бы чуть-чуть.

Может, это была хитрость? Маленькие разрозненные кусочки. Бессмысленные, пока не сложить весь пазл. Чего он ей никогда не позволит сделать.

— Джуи-джитсу. Черный пояс.

— Черный пояс?

— Расслабься, — сказал он, когда они пошли дальше. — Он сегодня у многих. Ничего особенного.

— Конечно, это что-то особенное, — возразила она. — Боевые искусства требуют строгой дисциплины.

— Ты считаешь, что мне не хватает дисциплины?

Да. Конечно, она так думала.

— Покажи мне какой-нибудь прием.

Он огляделся:

— На меня заявят в полицию, что я тебе угрожаю.

Она поднялась на каменное ограждение набережной и скрестила длинные ноги:

— Когда я выгляжу такой расслабленной?

Гарри потянул ее к себе вниз:

— Я покажу, только если ты мне поможешь.

Он повернулся к ней лицом, быстро поклонился, а затем посмотрел в глаза.

Иззи в недоумении подняла бровь:

— Что я должна делать?

— Иди на меня, как будто ты мне угрожаешь.

— Тогда в полицию сдадут меня.

— Давай, никакой халтуры, выложись на все сто.

Иззи посмотрела по сторонам, затем неуверенно повернулась к нему. Она открыла рот, как будто собиралась что-то сказать, и в ту же секунду подлетела к Гарри с угрожающим

видом и толкнула плечом. Но он был профессионалом. В тот момент, когда их тела коснулись друг друга, он изогнулся, сделал переворот и оказался у нее за спиной. Применяв технику захвата сзади, он прижал одну ее руку к груди, другую к талии и, ловко сделав подножку под обе ноги, опрокинул Иззи на землю.

— Ты так себе представляешь прелюдию? — прохрипела она, лежа рядом с ним на зеленой траве.

— Ты же сама хотела, чтобы я что-нибудь продемонстрировал.

— Тебе прямо не терпится уложить меня на спину?

— Просто экономия времени. — Гарри усмехнулся и поймал на себе ее пристальный взгляд.

— Ты слишком уверен, что я буду спать с тобой сегодня.

— Но ты же все еще со мной? — Он перекатился на бок и помог ей встать. — В следующий раз ты дважды подумаешь, прежде чем сомневаться в боевом мастерстве мужчины.

— Я впечатлена. И, наверное, должна быть благодарна, что отделалась одними синяками.

Гарри моментально подскочил к ней:

— Я сделал тебе больно?

Черт. Он же так нежно опустил ее на землю.

Его беспокойство еще больше смутило ее.

— Нет. Только уязвил мою гордость.

— Я не хотел.

Было так естественно взять Иззи за руку и не выпускать ее, даже когда оба уже стояли на земле. Гарри не мог вспомнить, когда в последний раз держал чью-то руку.

Они гуляли и болтали, как два самых обычных человека.

Держась за руки, Гарри и Иззи прошли весь путь до Ламбетского моста, и это было восхитительно. Гарри очень хотелось довериться ей, рассказать всю правду. Но он достаточно долго и упорно трудился над своей лондонской легендой, что не должен был даже помышлять о том, чтобы так легко отказаться от нее.

Необъяснимая печаль охватила его.

— Не хочешь дойти до колеса?

Иззи развернулась и направилась в противоположную от гигантского колеса сторону, которое сверкало множеством огней, как новогодняя елка.

— «Лондонскому глазу» вполне хватает внимания, так что мне не обязательно тешить его самолюбие.

— Уверен, ты думаешь так и обо мне.

— И я это признаю.

Она не уступала ему в находчивости. Ни на йоту. Их остроумная беседа напоминала Гарри шутливые перепалки с сестрами в детстве. Там не было излишней сентиментальности, какой-то недосказанности. Иззи заставила его работать на протяжении всего разговора.

Он почти уже забыл, как это.

Она была невероятно сексуальна. Во рту у Гарри пересохло от постоянной болтовни.

Был только один верный способ это исправить.

— Постой.

Он потянул ее к остановке перед художественной галереей и увлек за собой, к

гигантской каменной колонне слева от лестницы.

— Ты собираешься меня поцеловать? — выдохнула Иззи.

Его взгляд медленно скользил по ее телу.

— Конечно.

— Ну сколько еще ждать?

Гарри с радостью выполнил ее просьбу. Ее губы были как огонь, такие же обжигающие и опасные. Именно то, что надо. Это был чувственный искренний поцелуй. Гарри обхватил ее голову руками и притянул ближе к себе.

Это была женщина, в которую он мог влюбиться. По-настоящему.

Если бы был в состоянии себе это позволить.

Иззи стимулировала его интеллектуально, возбуждала физически и предлагала то, чего ему не хватало в жизни. Честность. Искренность.

Свою преданность, наконец.

Гарри нравилось, когда в глазах его женщины появлялось легкое поклонение.

Его женщины?

Две минуты назад он думал, что они перегорят через неделю. Когда он начал считать Иззи *своей*? Когда впервые глубоко вошел в нее? Когда она стояла перед оценочной комиссией и страстно отстаивала фонд любителей выдр? Или сегодня вечером, когда стонала от прикосновения его рук и губ?

Разве это имело значение?

Ее язык у него во рту мешал Гарри сохранять ясность мыслей. Он вспоминал, что вытворял с ней несколько часов назад. И рисовал в своем воображении продолжение.

Господи.

— Пойдем, — прохрипел Гарри, отрываясь от ее губ. Он хотел оказаться глубоко внутри Иззи — и немедленно, — но ступени известной художественной галереи, наверное, были не самым лучшим местом для этого. Он и раньше занимался сексом на улице, но еще никогда вблизи целой шеренги хорошо охраняемых зданий. — Давай закончим это дома.

Гарри закинул ногу на бедро Иззи и усмехнулся:

— Мне кажется, ты отработала всю съеденную лапшу.

Спринт до его квартиры плюс постельный марафон.

— Не сомневаюсь.

Гарри потянулся к ее губам, но Иззи увернулась:

— Не-а. Я должна вернуться домой. Завтра с утра у меня полно дел.

— Я думал, ты останешься.

Гарри напряженно ждал ответа.

— Это очень некосмополитично с твоей стороны, — пошутила Иззи, чтобы немного разрядить ситуацию.

— Но другого выхода нет. Метро уже закрыто.

Ах, ну конечно.

— Просто пытаюсь отплатить тебе той же монетой, — съязвила она. — Ты пулей вылетел из моей квартиры в то утро.

— Может, ты просто смотришь на то утро неопытным взглядом, — предположил он. — Только не сердись, — засуетился Гарри, когда она села на кровати. — Ты сказала, что это была твоя первая интрижка на одну ночь. Я не хотел торчать там и смущать тебя еще больше

своим присутствием.

Иззи вспыхнула от унижения.

— У тебя, видимо, большой опыт в этом вопросе, — вырвалось у нее.

— Достаточный, чтобы знать, что к чему.

— Тогда я должна быть особенно благодарна тебе за сегодня?

— У нас уже не интрижка на одну ночь.

— А что тогда?

Гарри неуверенно посмотрел на нее:

— Нам просто... комфортно и весело вместе.

Банальное слово «комфортно» — поцелуй смерти для любых отношений. Оно стоит в одном ряду с понятием «удобно». Только Гарри довольно спокойно относился к этой идее. И для убедительности добавил «весело».

Иззи повернулась к нему спиной:

— Сколько женщин у тебя было, Гарри?

Он почти вздрогнул от этого неожиданного вопроса.

— Не очень много, — честно ответил он.

— Какие они были?

Иззи спросила не из простого любопытства, а потому что ей было нужно знать.

Он откинулся на подушки и молча лежал так какое-то время.

— Я должен разделить их на две группы, — наконец сказал он. — Ранний опыт и поздний опыт. Мои первые женщины были удивительными. Но я был неопытен, и мне легко было доставить удовольствие. Но потом... — он нахмурился, — они стали приятной рутиной. — Гарри поднял глаза и задумчиво посмотрел на нее. — Но ты уникальная. Ты что-то новое для меня.

— Может быть, начало третьего этапа?

Волнительное напряжение нарастало, Иззи чувствовала, как внутренне сжимается от этого головокружительного ощущения. Но Гарри неожиданно сменил тему:

— Как ты доберешься домой?

Иззи разочарованно вздохнула:

— К сожалению, смена моего водителя уже закончилась. Значит, поеду на ночном автобусе.

Он проигнорировал ее сарказм:

— Нет. Возьми такси.

— Это будет стоить двадцать фунтов.

— Я оплачу.

— Ты уже оплатил мне ужин.

— Ты занималась со мной сексом. Я благодарен тебе.

— Да, потому что это была такая изнурительная работа.

Ее тело по-прежнему трепетало.

— Серьезно, Из, я хочу, чтобы ты была в безопасности. Или я оплачиваю такси, или ты остаешься до утра. Которое, учитывая время, наступит через пару часов.

Остаться...

Она ожидала, что он посадит ее в такси, как какую-то девку, которую подобрал в баре, но он попросил ее остаться.

— Я не возьму деньги, Гарри. И не останусь до утра, — добавила Иззи, когда он открыл

рот, чтобы попытаться в третий раз. Она еще не понимала почему, но чувствовала, что было важно сделать один шаг назад. Даже если ей этого и не хотелось.

— Тогда я пойду с тобой, — настаивал он. — И все равно потрачу эти двадцать фунтов на такси обратно, Так что или ты тратишь мое время и мои деньги, или только мои деньги. Решать тебе.

— Гарри!

— Я не смогу смотреть сестрам в глаза, зная, что посадил тебя на дурацкий ночной автобус.

Иzzi поджала губы и раздраженно согласилась:

— Хорошо. Я возьму проклятое такси.

— Спасибо.

Да. Самодовольная уверенность мужчины, привыкшего добиваться своего.

— Но я сама заплачу за него.

— Иззи, прекрати...

Этот момент торжества и удовлетворение от победы — пусть и маленькой — стоили двадцати фунтов и любого платья, которое ей придется продать в Интернете, чтобы выручить немного денег и покрыть непредвиденные расходы.

Уговаривать ее было бесполезно.

Иzzi лежала неподвижно.

— Я или заплачу сама, или поеду на ночном автобусе. Выбирай.

Он убрал с нее ногу и плюхнулся обратно на подушку:

— Ладно.

О-о-о... Он выглядел так мило, когда был расстроен.

Она прижалась к его губам:

— Спасибо за заботу.

Он проворчал что-то в ответ, и Иззи не смогла сдержать улыбку.

Если она не могла заслужить его доверие, то добьется его уважения.

— Удивительно, что ты еще можешь ходить, поздравляю, — сказала Тори, энергично откусывая от булочки.

— Тори!

— Ну, тебя же не было почти всю ночь. А ты собиралась просто передать ему бутылку шампанского.

— Я думаю, ты слишком много времени проводишь с Марком, это все его грязные фантазии. Мы в основном разговаривали, гуляли и ели тайскую еду.

Тихий голос вмешался в разговор:

— Ты разве забыла, что возбуждает его аппетит?

— Поппи!

— Зачем ты тогда рассказываешь, если не хочешь слушать наши комментарии?

— Потому что я нарушу кодекс лучших подруг, если не поделюсь с вами.

— Я, наверное, просто завидую, Из. Ты единственная женщина в квартире, у которой что-то происходит, — вздохнула Поппи.

— Уверена, что у девушек твоего брата в жизни происходит не меньше.

— Честно говоря, я стараюсь даже не думать о том, что творится в квартире. По крайней мере, у него хватает приличия хранить пикантные подробности при себе.

Иззи сникла:

— Вы не хотите об этом слышать?

Поппи смягчилась:

— Конечно, хотим. И во всех деталях. Не обращай на меня внимания, я просто раздражена.

— Почему? Ты сдаешь большую комнату Айзеку, который там редко бывает, у тебя есть работа и родители не достают тебя уже несколько недель. По идее ты должна наслаждаться жизнью.

— Моя жизнь похожа на бесплодную пустыню. Лучшие годы проходят мимо. — В голосе подруги слышалась боль. — Не хочешь как-нибудь одолжить мне Гарри? Один разок? Безвозмездно?

От одной этой мысли Иззи напряглась.

— Я не знала, что твой тип мужчины — офисный работник, — ответила она.

— Ты наверняка думала, что у меня вообще нет никакого типа.

— Я бы сказала, что это справедливо для вас обеих, — издевалась Тори.

— Иззи занималась с ним сексом уже три раза. Неплохо.

Было нехорошо гордиться этим.

— На самом деле четыре.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глаза Тори расширились, но не успела она ответить, как сверху послышался свист — все три сидящие на террасе кафе подруги подняли головы.

— Увидимся позже! — крикнул Алекс. — Я иду спать.

— Готова поспорить, что не один, — пробормотала Поппи.

— Улыбаемся и машем, Поппи. Улыбаемся и машем.

Они опустили руки, только когда Алекс исчез в окне квартиры.

— Он по-прежнему ведет ночной образ жизни?

— Где-то бродит ночами, потом весь день спит. Как летучая мышь.

— Пусть так, но мы все равно видим его чаще, чем тебя, Тори. Что с тобой происходит?

— Простите меня, — простонала она. — Я обещаю бывать у вас чаще. Тем более что у вашего нового соседа, кажется, наблюдается недостаток рубашек.

— Какой неожиданный плюс от соседа-мужчины. Кто бы мог подумать?

— Прекрати, Из, — предупредила Тори. — Ты уже несвободна.

— Я не стала бы себя так называть. Возможно, иногда занята.

— Он снова пригласил тебя на свидание сегодня вечером, — напомнила Поппи.

— Вряд ли это можно назвать свиданием.

— Но это не просто случайная встреча.

— Почему нет? С кем-то вроде меня?

— А в чем проблема? — спросила Тори. — Я бы занялась с тобой сексом, и уверена, что Марк с удовольствием бы на это посмотрел. — Она сделала большой глоток кофе и затем нервно взглянула на обеих: — Шучу.

— Я считаю, — продолжала Поппи, — что он красив, заботлив — даже заставил тебя вызвать такси, — явно к тебе неравнодушен, и он больше не твой босс. Неделю или год — это не имеет значения. Он перед тобой, здесь и сейчас. Наслаждайся этим, Из.

Почему она не могла выбросить это из головы? Она только что плотно позавтракала, ее ждет насыщенный день, а вечером очередное свидание с Гарри. После которого она почти наверняка сможет мысленно поставить галочки напротив нескольких выполненных позиций из своей потрепанной Камасутры, стоящей у нее на книжной полке.

Не заморачивайся...

— Хорошо. Может быть, ты и права. Кстати, насчет наслаждения... Как вы думаете, каковы мои шансы поймать взгляд официанта, чтобы заказать еще чашку чая?

— К черту чай, — улыбнулась Тори. — Я хочу услышать все о номере четыре!

Трудно себе представить, что когда-то Иззи переживала из-за того, что у них не было настоящего свидания. Они же каждый день были вместе — в той или иной форме. Ужин, завтрак, походы по магазинам, кино, театр, галереи. За несколько недель с ней Гарри узнал Лондон лучше, чем за пять лет своего здесь пребывания.

И с Иззи он проводил так много времени, как ни с одной другой женщиной в прошлом. Все это было очень на него не похоже.

— Что ты думаешь? — Она примеряла жилет, который, казалось, был расшит бриллиантами. Если бы не то обстоятельство, что они находились на уличном рынке.

— Я думаю, что у тебя изысканный вкус.

— Конечно. У меня вообще все высшего класса.

М-м-м.

— Тогда как ты объяснишь мое появление в твоей жизни?

Она разглядывала его несколько мгновений.

— Затрудняюсь с ответом.

Гарри словно подменили. Мало того что Иззи выжила после недели интенсивного секса, который Гарри мысленно прописал ей, так он еще и видел ее практически каждый вечер в течение последних трех недель. И не потому, что Иззи торопила события. Скорее она даже пытался их притормозить.

Слава богу, что хоть у кого-то из них хватало на это мужества.

Двадцать два свидания. До Иззи его личный рекорд — шесть свиданий с одной женщиной. И то не подряд.

А теперь они еще и шопингом вместе занимаются.

— О, смотри, это же Тоз!

Иззи подняла свою длинную элегантную руку, потом потянула его влево.

Он узнал эти сумасшедшие разноцветные волосы, которые не видел с самой вечеринки у Иззи.

— Иззи! — Женщина поцеловала свою подругу в обе щеки, а затем повернулась к нему. Интересно, узнает? Она была довольно пьяна в тот вечер.

— Тоз, ты помнишь Гарри? Это мой... э-э-э...

В глазах Иззи отразилась тревога, когда она с опозданием поняла, в какую ловушку угодила. Но Гарри неожиданно — для себя в том числе — пришел ей на помощь:

— Бойфренд.

От удивления Иззи шумно вдохнула воздух, но Тори отреагировала профессионально.

— Гарри, — восторженно затараторила она, — как приятно тебя видеть.

Что-то подсказывало ему, что представление было излишним и что он не раз становился предметом разговора подруг.

Или некоторые его части.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Иззи, немного придя в себя.

— Я пришла взглянуть на белье, которое продает Лара.

— Это новая соседка снизу? Как ты узнала, что у нее здесь палатка?

— Это называется «разговаривать с людьми», Из. Попробуй как-нибудь.

Из. Тоз. Понс.

Гарри перевел взгляд с одной на другую:

— Вы кого-нибудь называете настоящим именем?

— Алекса, — ответила Тори. — Кроме того, это большая честь — иметь прозвище.

Гарри уже несколько раз был у Иззи дома.

— Тогда я с нетерпением жду того дня, когда получу свое.

— У тебя уже есть, — выпалила Тори. Глаза Иззи дико округлились, и впервые ее подруга выглядела смущенной. — Ну... типа.

Но он смотрел на Иззи:

— У меня есть прозвище?

— Да так, глупость, — отпиралась она. — Ради смеха.

Он пристально смотрел на нее:

— Я хочу посмеяться.

— Это... — Иззи почти побледнела, и он вдруг подумал, что это прозвище, возможно, было не таким уж забавным. — Я уверена, что тебя и раньше так называли.

Теперь Гарри был искренне заинтригован.

— Скажи, и узнаем.

— Хм...

Он никогда еще не видел Иззи в такой растерянности. Обычно она легко парировала.

— Принц Гарри, — наконец выпалила Тори, положив конец их страданиям.

Внутри у него все напряглось, но он старался ничем этого не выдать.

— Потому что я рыжий и в веснушках?

Очевидно, что нет.

— Из-за огромного состояния, которое ты, похоже, спрятал... где-то, — закончила Тори.

Каждый мускул в его теле моментально напрягся, и стоявшая рядом Иззи застыла, почувствовав это.

Наступила неловкая тишина.

— Ну, эта наша встреча прошла так же хорошо, как и первая, Гарри, — живо сказала Тори, крепче сжимая в руках свои пакеты. — Интересно, что случится в следующий раз?

Краем глаза он увидел извиняющийся взгляд, который она бросила на Иззи, когда они прощались друг с другом.

— Пойду к Ларе.

Голос Иззи прозвучал уныло, как вчерашнее шампанское.

— Пока, Тоз.

— Давай прогуляемся, — предложил Гарри.

Это всего лишь слова. Просто случайно сказанные, неосторожные слова. Тори не могла знать, кто он и как идеально ему подходит это прозвище. Но напряженность все равно осталась.

— Принц Гарри?

— Не сердись... — начала было Иззи. — Просто у Тори такое чувство юмора.

— Угу. Значит, вы с подругами назвали меня в честь одного из самых беззаботных членов королевской семьи за всю историю?

— О, ради бога, — прошипела она, а затем повернулась к нему лицом. — В этом нет ничего страшного. Ты вовсю помыкал сотрудниками, но прозвище Господь Гарри показалось нам не очень. Вот и все.

Вот и все.

Ничего общего с состояниями — тайными или любыми другими, — только геморрой от необходимости работать с ним.

— О, Гарри, успокойся, это всего лишь прозвище.

И все.

— А ты никогда не задумывалась, что у меня, возможно, была причина для такого поведения, Из?

Как еще он должен был понять, кому можно доверять?

Или отличить настоящее от подделки?

Но если он скажет ей, что проверял людей, то это лишь приведет к более сложным вопросам, на которые он будет не в состоянии ответить.

— Разве бывает достойная причина для такого высокомерия? — бросила она.

Вот оно — доказательство того, что между ним и его женщиной происходит что-то совершенно неожиданное и новое. Он могла говорить с ним вот так, а он не возражал. Совсем. На самом деле он даже ценил ее откровенность и прямоту.

— Ты по-настоящему узнаешь человека по тому, как он ведет себя в стрессовой ситуации.

Вот и все.

Иззи стояла на своем:

— Ты знаешь, как негативно постоянное давление сказывается на человеке?

— Вообще-то да. — Спасибо дорогому папочке.

Иzzi сгорала от любопытства, но за последние три недели она научилась не озвучивать множество вопросов, которые были у нее к Гарри.

— И что же ты чувствуешь сейчас к этому человеку? Благодарность за развитие жизнестойкости или обиду за необходимость бороться каждый день?

И то, и другое, если быть честным. Но он не мог себе этого позволить. Даже с ней.

Гарри выдохнул:

— Это сложно.

Все тот же странный пристальный взгляд.

— Мне кажется, как и многое в твоей жизни.

«Хотя я об этом ничего не знаю».

Он мог поклясться, что именно это Иззи пробормотала себе под нос, повернувшись и направившись дальше. Сбитый с толку, Гарри покачал головой и последовал за ней, пробираясь сквозь рыночную толпу.

— Почему ты вообще со мной, Иззи, если я причинил тебе так много страданий?

Она чуть поморщилась:

— Потому что ты другой, когда не придираешься ко мне. Ты умный и проницательный, и с тобой легко. Ты нравишься мне вне работы.

— Ты не думаешь, что это ты сделала наши отношения другими?

Она повернулась к нему с удивленным выражением лица:

— Это не я изменилась.

— Ты так не думаешь?

— А ты?

— Ты теперь другая женщина. Расслабленная, спокойная. Почему бы это?

— Регулярный секс? — Она пожала плечами.

«Я стала свободнее. Счастливее?»

— Это вопрос или ответ?

— Мне нравится то, чем я теперь занимаюсь. Очевидные вещи: я сама распоряжаюсь своим временем, сама принимаю решения, выбираю клиентов. Впервые.

— Это все?

Наступила тишина, молча они прошли несколько шагов, и Гарри взял ее за руку и притянул к себе.

— Я расстроил тебя? — Он был уверен, что зашел слишком далеко.

Она чуть нахмурилась — знаменитое сконцентрированное лицо Иззи.

— Нет. Но ты заставил меня думать. Теперь я пытаюсь вспомнить, когда именно я перестала быть счастливой. И почему этого не заметила. Я была просто в восторге, когда училась в пансионе, а затем в университете. Наконец-то у меня началась жизнь, о которой я всегда мечтала.

— Может быть, твои детские цели не были достаточно высокими? Может, постоянная работа и набитый холодильник — не все, чего ты ждала от жизни?

Она повернулась и мрачно посмотрела на него:

— Но для меня это значило очень много. Я была на все готова ради этого.

На что? Он задавался этим вопросом, чувствуя огромное облегчение, что не у него одного были тайны.

Как много он мог ей рассказать? Вообще, она заслуживала того, чтобы знать все.

Просто повернуться к ней и сказать, прямо сейчас, пока они вели серьезный разговор.

«На самом деле, Иззи, ты должна кое-что знать...»

Он сделал глубокий вдох, готовясь сорвать маску, предвкушая свое облегчение.

— Я не знала, как представить тебя Тори, — выпалила Иззи.

Признание застыло на его губах.

— Я заметил.

— Ты назвал себя моим...

Гарри медлил, необъяснимо нервничая и не решаясь снова произнести вслух это слово.

— Я связался со службой безопасности моего дома и внес тебя в постоянный список посетителей, — уклонился он от прямого ответа.

Ее красивые глаза вспыхнули.

— Им, наверное, пришлось записывать на полях мелким почерком?

— Положа руку на сердце, Иззи, еще никто не мог так просто подняться ко мне в квартиру. — Сделав паузу, он договорил: — Все должны были сначала позвонить.

Несколько человек обернулись на звонкий смех Иззи.

— Спасибо, Гарри. Наверное.

— Но я не говорю, что это нельзя отменить. Если с тобой станет трудно справляться.

— Справляться?

— Когда ты начнешь требовать к себе слишком много внимания.

— Я польщена, что ты еще так не думаешь.

Он обнял ее одной рукой за плечи, и они пошли дальше.

— Ты действительно хочешь использовать слово «бойфренд»?

— На самом деле я не против быть твоим принцем. Это подчеркнет наше разное социальное положение.

Ее глаза соблазнительно блестели.

— Потому что ты почти топ-менеджер и все такое?

Он был близок к тому, чтобы открыться ей.

Но расскажи он все Иззи, как он мог быть уверен, что она заинтересована в нем, а не в его имени и всем, что это подразумевало? Он сам хотел быть причиной благодарного блеска в ее глазах или вздохов, когда его пальцы касались ее тела. Причиной интригующего, исполненного надежды взгляда, который Иззи не могла скрыть от него.

Именно он.

А не чертов Гаррисон Бродмор.

И ему было недостаточно просто знать, что она начала отношения с Гарри Митчеллом. Он хотел, чтобы они продолжались из-за него.

Этой женщине будет мало называться подружкой?

Иззи получила уже второе повышение за несколько минут. А сама только и делала, что оскорбляла его. Кто бы мог подумать, что ему понравится такое обращение?

Но каждая дерзость, которую Иззи позволяла в его адрес, заводила его. То есть он постоянно ходил с эрекцией.

Двадцати двух дней казалось невероятно мало, чтобы пойти на такой важный шаг, но Гарри знал эту женщину намного дольше. Он без колебаний решил провести с ней первую ночь, потому что мечтал об этом двенадцать месяцев.

И чуть было не испортил все своей спонтанной исповедью посередине рынка, где Иззи была совершенно не готова к таким признаниям. Но вопрос в том, когда наступит тот самый подходящий момент. Сколько ему нужно выждать? Пару месяцев? Год?

Они двинулись в сторону изысканно украшенного выхода, и Гарри наклонился, чтобы прошептать ей на ухо. Отчаянно пытаясь вернуть все в свое прежнее русло. Чтобы им вновь стало комфортно и весело.

Легко.

— Если я выряджусь сегодня как принц Гарри, что ты наденешь?

Иззи изо всех сил пыталась сдержать улыбку:

— Обычную одежду.

— Это скучно. Что-нибудь развратное?

— У меня грудь маловата, чтобы убедительно сыграть развратницу.

— Владычица озера? В таком просвечивающем мокром платье...

— Сексуальные фантазии, Гарри?

Разве может один-единственный звук повернуть время вспять? Облегчить боль прошлого и залечить старые шрамы? У нежного, как песня жаворонка, смеха Иззи был такой побочный эффект. Он помогал Гарри найти себя в настоящем, здесь и сейчас, и заставлял его смотреть вперед — чего он никогда не делал, разве только когда думал о карьере.

— Чтобы ты сорвал с меня это платье и испортил? — дразнила Иззи. — Не думаю.

— Я включил тебя в официальный список посетителей, — напомнил он ей.

А это было немало. Особенно в его мире.

— Знаешь что, — предложила она. — Если тебе действительно посчастливилось иметь какой-то королевский наряд дома, то я буду готова слегка упасть в обморок, чтобы ты отнес меня на диван.

А они оба знали, какие удивительные вещи происходили на этом диване.

— Я — за.

— Мне кажется, ты выдумываешь, Иззи.

— Это был он. Клянусь.

— Возможно, он страстный поклонник Королевского общества Шекспира. В Лондоне их полно.

— А в Лондоне много фанатов музыкальной группы «Портисхед», потому что я точно видела его на ностальгическом концерте? Мужчину из твоего дома.

Гарри изменился в лице:

— Совпадение.

— Это Лондон, — настаивала она. — Восемь миллионов человек. Здесь совпадений не бывает.

— Он уже ушел, так что ты можешь расслабиться.

Расслабиться. Конечно. Чем больше времени она проводила с Гарри, тем сильнее становилось ощущение, что вот-вот раскроется какая-то тайна.

— Как ты достал билеты на премьеру? — спросила Иззи, когда они вышли из театра в Вест-Энде. — Все было распродано сто лет назад.

— У меня друг в этом бизнесе.

Классический уклончивый ответ типа «Мужчина никогда не раскрывает своих секретов, которые касаются свиданий».

Иззи уже устала выпытывать правду у Гарри. Она никогда не встречала человека, которому удавалось не говорить о себе практически ничего. Во всяком случае, ничего значительного. Она знала только самые общие факты о его жизни, и каждый раз, когда он отваживался на какую-либо деталь, в воздухе ощущался отчетливый запах намерения.

Но несмотря на всю свою таинственность и скрытность, Гарри с жадностью пытался выжать все из их отношений. Как будто знал, что они не будут длиться долго.

И каждый раз, когда он делал шаг вперед, Иззи отступала на шаг назад.

Иззи не могла позволить себе влюбиться в него, это была недоступная роскошь. Как и большинство вещей в ее жизни на данный момент. Да, он был великолепен. Да, он был мужчиной, с которым она объективно могла общаться на равных, и да, секс был замечательным, но если Гарри ничем не мог поделиться с ней, то на это должна быть причина.

Связь с организованной преступностью?

Законная жена и дети в Австралии?

Программа защиты свидетелей?

Пока Иззи не выяснит, в чем дело, ее приоритетная задача — защитить себя. Поэтому если он избегал разговоров о прошлом, то она упорно отказывалась говорить о будущем.

В итоге почти все время они обсуждали настоящее.

Растущая неприязнь между Поппи и их новым соседом по квартире Айзеком. Непрерывные драматические события в жизни Тори и Марка. Последние выходы Алекса.

Иногда Гарри упоминал проблемы на работе или какого-нибудь друга, которого Иззи не знала, но никогда не говорил о семье, а на все вопросы давал преосторожные ответы. Как по сценарию.

Поэтому она решила оставить свои неудачные попытки.

— У меня? — спросил Гарри. — Или у тебя?

Что в действительности означало: «Секс или сегодня без секса?» Кровать Гарри была размером с полноценную комнату в какой-нибудь пожарной части. И удивительно удобной. К ней также прилагалась грелка в натуральную величину в виде пышущего страстью мужчины.

Иzzi обожала его отдельно за то, что ответ «Сегодня без секса» не вызывал возмущения. Конечно, они долго устраивались на ее узкой постели, прежде чем заснуть, но никогда Иззи не спала так крепко и сладко, как в жарких объятиях Гарри.

Но сегодня ей нужно было отвлечься, и изматывающий секс с Гарри подходил для этого несравнимо лучше, чем равномерное вздымание груди и ровное дыхание. Потому что никогда Иззи не чувствовала себя настолько желанной и уверенной, как в момент, когда Гарри заполнял собой каждый уголок ее тела.

— У тебя, — выдохнула она.

Секс — великий компенсатор.

— Ты мурлычешь? — спросил он по дороге к метро на Оксфорд-Серкус.

Иzzi прочистила горло и покачала головой:

— Напеваю...

Нет. Она мурлыкала от нетерпения. Она просто не собиралась делать это вслух.

Стоя в кольце его рук, Иззи крепко прижималась к Гарри все четыре остановки до Воксхолла. Его полуулыбка подсказывала ей, что он точно знал ее намерения, но, разумеется, не возражал.

Когда двери поезда открылись, Иззи и Гарри протиснулись через них и практически бросились к эскалатору, ведущему наверх. Небольшая пробежка по улице, пара минут ожидания на светофоре, вынужденная благопристойность в фойе дома, в котором жил Гарри, — и наконец они оказались одни.

Хотелось бы верить, что кабина лифта не была оборудована камерами видеонаблюдения.

Гарри практически упал на Иззи, как только двери за ними закрылись. К сожалению, восьми этажей вряд ли было достаточно для серьезного шоу, но он успел поцеловать ее и дать волю своим рукам, прежде чем двери снова открылись на уровне пентхауса.

— Ключи... — пробормотал он ей в губы, и она вытащила его ключи и телефон из сумочки.

И вот они снова оказались в его роскошной и уединенной квартире. Через пару минут их одежда была разбросана на плюшевом ковре.

Иzzi думала обо всем, что хотела обсудить с Гарри. Об эмоциональной близости, которую старалась развивать. Только с таким фундаментом она могла быть уверена в их отношениях... если между ними было действительно это. Она размышляла, какие вопросы не попадут в личный спам-фильтр Гарри, охраняющий его секреты.

«Я не ищу серьезных отношений», — предупредил он в первый раз, когда они были вместе.

Ерунда. Все в его поведении с тех пор просто кричало, что он жаждал отношений. Он нуждался в ком-то близком, чтобы довериться, поделиться с ним. И все указывало на то, что этот кто-то была она.

Все, кроме секретности.

«О нем ты мне не говоришь, Гарри?»

Его губы жадно целовали ее шею, и это не давало Иззи сосредоточиться. На кого ей досадовать — на него или на саму себя, что ее так легко можно отвлечь от цели?

Она откинула голову назад, чтобы Гарри мог дотронуться до особой чувствительной точки, прикосновение к которой разжигало в Иззи огонь страсти. Кто еще сможет так хорошо узнать ее тело? Чтобы играть на нем как на прекрасном инструменте.

Никто. Только Гарри.

Ее сердце екнуло. Даже два раза.

О, черт.

Несмотря на все старания держать Гарри на расстоянии вытянутой руки, Иззи начинала влюбляться в него. Все дни и все ночи, которые она провела с Гарри, были не ради того, чтобы узнать его. Или чтобы он познакомился с ней. Просто казалось неправильным знать Гарри и не быть с ним.

Словно найти часть себя, которой так долго недоставало, а потом снова бесцеремонно выбросить.

Но Иззи так просто не сломить. Если Гарри не мог собраться с духом и открыться ей, то она заставит его, прежде чем они зайдут слишком далеко.

С нее хватит.

— Гарри... — выдохнула она, слегка отстраняясь от него.

Но затем его губы нашли ее грудь, приникли к ней, нежно посасывая, и все мысли моментально вылетели у Иззи из головы.

— О боже, — прошептала она.

Завтра.

— Это была плохая идея...

Тори согнулась пополам, тяжело дыша и держась одной рукой за бок.

— Если бы ты выходила на пробежку чаще, чем раз в полгода, тебе сейчас не было бы так тяжело, — отметила Поппи.

— Если бы я сделала операцию по уменьшению груди, тогда мне не было бы так тяжело, — пошутила Тори. — Я просто загоню себя, если не буду осторожнее.

Иззи рассеянно опустила на скамейку рядом с ней.

— Иззи, прием!

Она повернула голову.

— Ты собираешь нас только по особым случаям. Так что выкладывай. Что случилось? — допытывалась Поппи.

— Со мной комфортно и весело, — сказала Иззи без всякого вступления.

— Это абстрактное утверждение, — Тори нахмурилась, — или мы говорим о Гарри?

— О Гарри.

Подруги переглянулись.

— Ну, весело — это хорошо, — кивнула Тори. — И комфортно... тоже ценное качество. Значит, с тобой можно расслабиться, когда веселье стихло.

Оптимистичная мысль.

— Нет, я имею в виду, почему он со мной? Такому мужчине доступно много женщин, с которыми «весело». — Иззи в задумчивости закусила щеку. — Он такой... скрытный.

Поппи мгновенно протрезвела:

— Он ведь не женат?

— Нет.

Тори наклонилась и, понизив голос, спросила:

— Он примерял твое нижнее белье?

— Что? Нет!

Тори тряхнула волосами:

— Хорошо. Марк тоже этого никогда не делал.

— Послушай, — Поппи вздохнула, — у него высокооплачиваемая работа, он красив, не гей, и он доводит тебя до оргазма. Мне кажется, он имеет право на пару секретов до тех пор, пока вы не узнаете друг друга получше.

— Только если это не нижнее белье, — пробормотала Тори.

— Или жена, — добавила Поппи.

— Он не в браке и не трансвестит, — нахмурилась Иззи. — Когда «секрет» становится ложью? — спросила она.

Иззи еще никогда не видела Тори такой серьезной.

— Когда начинает причинять тебе боль.

Взгляд Иззи упал на тропинку, она начала было говорить, а затем остановилась. Почему? Это ее самые близкие подруги. Если она не может быть честной с ними, то с кем тогда?

— Я не всегда чувствую себя уверенно с ним, — наконец призналась она.

Ни одна из женщин не нашлась что сказать.

— Почему, Из?

Она покачала головой:

— Это долго объяснять.

— Мы что, выглядим так, словно готовы продолжать пробежку?

— Он так много дает мне физически и так щедр со своим временем и деньгами...

— Но?..

— Но он ничего не рассказывает о себе. Я знаю о нем все как о человеке, но ничего конкретного. Я знаю, что он ходил в школу-интернат, но не знаю где и когда. Я знаю, что у него есть сестры, но понятия не имею сколько и кто они. Я знаю, что он из Австралии, но мне ничего неизвестно о его жизни там. Как будто он не хочет посвящать меня в это. Или словно это не имеет значения, потому что наши отношения все равно скоро закончатся. — Иззи вздохнула. — Я живу со смутным ощущением, что я не его уровень.

— Айседора Дин! — вскрикнула Поппи. — Ты достаточно хороша для любого мужчины.

— Я надеюсь, ты искала информацию о нем в Интернете? — напрямую спросила Тори.

Иззи подняла голову:

— Это мерзко.

— Ты шутишь? Обыкновенная осмотрительность. Я ведь не говорю следить за парнем, просто проверить. Это поможет тебе понять его.

— Просто у меня такое чувство, что это неправильно.

— Тогда спроси его прямо.

— А если я слишком боюсь ответа?

Поппи кусала губы.

— Я думала, он относится к тебе как к принцессе.

— Так и есть. В каком-то смысле. Он просто не открывается мне.

— Из, — начала Тори, — не каждый день тебе встречается такой симпатичный парень, который прижмет тебя к стене художественной галереи и поцелует. Ты должна дать ему шанс.

Шанс... То же самое говорила и ее рациональная сторона.

— Но если ты чувствуешь себя неуверенно уже сейчас, проведя с ним всего несколько недель, то что будет через пять лет?

Печаль захлестнула Иззи, когда Тори так точно и лаконично сформулировала суть ее трагедии.

— Я очень хочу, чтобы все получилось, — прошептала она.

Поппи обняла ее за плечи:

— Знаю, дорогая.

Тори поднялась и потянула за собой со скамьи Иззи:

— Вставай. Я думаю, нам поможет «Человек Голодный».

Лучшие торты в Ноттинг-Хилле. Иззи вытащила из спортивного бюстгальтера двадцать фунтов, припасенных на случай чрезвычайных обстоятельств.

— Нет, я угощаю, Из. — Тори повернулась к Поппи: — Шоколадный торт, доктор Спенсер. Немедленно! А ты знаешь, что отлично сочетается с шоколадным тортом? — добавила она, беря Иззи под руку. — Гугл.

Ему нужно было рассказать все Иззи, когда они бродили по рынку.

Довести все до конца.

Тогда бы он не мучился, что не может продолжать их отношения, пока не признается, кто он. Почему он лгал.

Что он лгал.

Сейчас казалось глупым, что он не открылся ей сразу, в первую неделю, пока признание не стало таким тяжелым. Ведь в какой-то момент несколько недель назад он решил, что Иззи задержится в его жизни дольше чем на неделю — две, три, — и его мозг должен был подтолкнуть его к признанию. Тогда это был еще маленький обман.

Теперь обман вырос. И преумножился. Сказать сейчас Иззи, что он лгал ей каждое из тридцати свиданий — тридцать жарких ночей и сладких пробуждений, — это будет жестоко.

И он заслужил каждое из обвинений, которые Иззи бросит ему. Гарри предполагал, что она взбесится. Как он, если бы его доверие предали.

Но это ведь не самая плохая новость? Особенно для того, кто является фанатом наличных денег.

«Эй, хорошие новости, Из. Я при деньгах!»

Она запрыгает от радости, как будто выиграла в лотерею. И они будут жить долго и счастливо. Конец.

Только если не влепит ему пощечину и не уйдет.

Что тоже вполне возможно.

Но Иззи реалистка. Он объяснит, что хотел подождать, убедиться в их отношениях, прежде чем рассказать ей, а потом пытался выбрать подходящий момент. Ведь месяц колебаний не такой и большой срок?

Конечно, раздражал его внутренний голос, если смотреть на календарь. А если учитывать количество свиданий, или разговоров, или интенсивность секса, то это почти

преступление. Многие люди и за год не переживают так много.

А некоторые и за всю жизнь.

Пройти с Иззи весь жизненный путь до конца — эта идея казалась ему такой... правильной.

Ведь Айседора Дин не была как его мать. И Гарри испытывал облегчение, что он категорически не похож на своего отца. У них с Иззи были совершенно здоровые, прекрасные, просто идеальные отношения.

Ну, не совсем идеальные, но он исправит это, как только она придет сегодня вечером.

Полностью откроется. Все объяснит.

А потом сюрприз.

Он похлопал себя по карману. Не совсем то, что он планировал сегодня, но когда держал это в руке, все в его мире встало на свои места. Даже лондонские огни засветили ярче.

Выйдя из лифта на своем этаже, Гарри заметил парня, живущего от него через две квартиры. Тот пристально смотрел на него.

— Привет, — неловко сказал Гарри, учитывая, как долго они уже были соседями. Но он даже имени его не знал.

Мужчина шагнул к нему, но в этот момент у Гарри зазвонил телефон, и незнакомец почтительно отступил. Гарри извинился перед ним, вытащил телефон из заднего кармана и поднес к уху, входя в квартиру.

— Алло? — рассеянно ответил он, закрыв за собой дверь.

На другом конце провода — очень далеко — плакала женщина. Он наклонил голову, пытаясь разобрать истеричные всхлипывания.

— Мэгс?..

Тут раздался звонок в дверь.

— Не может быть, чтобы он не существовал вовсе, Иззи, — увещевала Поппи, вырывая из кухни с подносом, на котором стояло все необходимое для чаепития.

— Его нет ни в социальных сетях, ни в профессиональных интернет-сообществах. Много других Гарри Митчеллов, но не он.

Не ее Гарри.

— Попробуй сайты с видео, — предложила Тори. — Наверняка он хоть раз засовывал себе морковные палочки в нос и снимал себя в таком виде. Это ведь не редкость.

Иззи плюхнулась обратно на диван. Господи, как же люди жили раньше без Интернета? Прямо средневековые какое-то. Но ей потребовалось немного времени, чтобы исключить и это...

— Вообще ничего. Я просто не могу найти его.

— Расширь свой поиск, — пробормотал Алекс, выходя из ванной в трусах, лицо было помято после сна.

Губы Тори расплылись в широкой улыбке при виде полуобнаженного крепкого тела.

Поппи только закатила глаза:

— Гениальная техническая поддержка, Алекс, спасибо.

Он помахал двумя пальцами:

— Тогда я возвращаюсь в постель. Спокойной ночи.

— На дворе день! — крикнула ему вдогонку Поппи.

Тори вытянула шею, провожая его взглядом.

Иззи установила курсор в строчку, где написала «*Гарри Митчелл*» и для верности добавила «*Бродмор НатАли*». Если она искала денежный след, а не человека, лучше начать с проверенных фактов. Имя и род занятий.

Гуглу было виднее.

«*Вы имели в виду Гаррисона Митчелла Бродмора?*» — спросил поисковик.

— Не совсем, — пробормотала она. Но тут ей пришло в голову: может быть, Гарри — коротая форма от имени Гаррисон?

Она нажала «Да». Почему бы и нет?

Десятки, сотни результатов выскочили по запросу «Гаррисон Митчелл» и «Бродмор». Фотографии, репортажи, сплетни.

Она просматривала изображения, пока не увидела знакомое морщинистое лицо. Уэстон Бродмор, основатель фирмы, которую она недавно послала к черту. Одна или две фотографии, где он запечатлен с «трофейной» женой. Молодая блондинка с небольшой грудью. Действительно, совсем молодая по сравнению с семидесятилетним Бродмором.

Но... они все еще были вместе, единственный брак. А это что-то значило. Должно быть, любовь.

Она перешла к следующей странице и увидела старый снимок — еще не поседевший Бродмор с группой подростков на стадионе. Все девочки, кроме одного.

«Выводок Бродморов», — гласил заголовок. Карла, Маргарет, Кэтрин и Гаррисон.

Хорошенькие девушки — или обязательно такими станут. И мальчик тоже симпатичный. Маленький. Не старше десяти. Их отец с утомленным выражением лица нетерпеливо подталкивал сына вперед. В свою очередь, ребенок смотрел на него, недовольно поджав губы.

Минуточку...

Иззи прищурилась и увеличила изображение. Почему эта язвительная гримаса показалась такой знакомой? Детской... но знакомой.

Она изменила критерий поиска, удалив слово «*Митчелл*», и результаты резко улучшились.

Гаррисон Бродмор, заснятый в Австралии десять лет назад. Одетый по-пляжному. Кепка натянута низко на глаза. Симпатичный щетинистый подбородок. Удивительно молодой торс. Ее тело тут же отозвалось — соски напряглись, — прежде чем Иззи успела подумать о неприемлемости такой реакции на фото подростка.

Она вновь сосредоточилась на поиске.

Ее рука замерла над клавиатурой, когда на экране ноутбука появился более профессиональный снимок наследника династии Бродмор. Гарри в костюме, как и его отец. Эта фотография была сделана недавно. Иззи дотронулась пальцем до экрана в том месте, где должно быть сердце Гаррисона Бродмора.

Пытаясь успокоить дикое биение собственного сердца.

Не Гаррисон Митчелл и Бродмор.

Гаррисон Бродмор.

Гарри.

Бродмор до мозга костей, но сто процентов ее Гарри.

Внутри у Иззи все сжалось. Значит, вот что он тщательно скрывал от нее! Причина таинственности и недосказанности и его отвращения к вниманию средств массовой

информации. Он работал в разных отделах дочерней компании «Бродмор», пытаясь пройти весь путь наверх, до совета директоров. Съемка скрытой камерой для телевизионного проекта «*Босс под прикрытием*»? Или он сильно напортачил в прошлом, и его семья даже не знала где он, как сообщали некоторые вебсайты? Или это был веселый эксперимент инкогнито, какие нравились богачам?

Десятки вопросов крутились у Иззи в голове, но одно было ясно.

Гарри Митчелл и Гаррисон Бродмор — это один человек.

И они оба лгали.

Каждый раз, когда он не говорил ей правду. Каждый раз, когда она вопросительно смотрела на него, а он отвлекал ее поцелуем.

Он был лжец. И богач.

И он лгал ей об этом.

Доводя ее почти до бессознательного состояния в постели.

Почему? Он хотел, чтобы его сексуальная жизнь оставалась конфиденциальной? Гарри уже водил ее в лучшие рестораны и на шикарные вечеринки — он боялся, что она будет требовать больше? Неужели он думал, что Иззи захочет стать частью его звездного мира, если узнает правду?

Она яростно принялась искать дальше — разумеется, Интернет был забит его фотографиями со знаменитостями и мультимиллионерами.

И женщины... Так много женщин...

Иззи сглотнула комок в горле и заставила себя смотреть дальше.

Очень мало снимков последних лет и пара статей на тему «Что же случилось с Гарри?» в попытках выяснить его местонахождение. Значит, его ложь была чисто английской затеей?

Никакой жены, прошептал внутренний голос. Никаких связей с организованной преступностью. Уже хорошо.

Он просто был богат.

Эти пять букв и несколько минут за ноутбуком — и Гарри вдруг стал «лучше» ее. Эксклюзивные уединенные места, в которые он водил ее ужинать, вызывали у Иззи подозрение, а не заставляли чувствовать себя особенной. Захватывающая прелюдия у стен галереи Тейт и в вагоне метро внезапно потеряла прелесть. Потому что они больше не были равными людьми, которые с наслаждением изучали и познавали друг друга. Они были случайными партнерами в неожиданной интрижке.

Гарри — наследник одного из крупнейших в мире состояний.

А она — никто, девушка из Чорлтона, которая спала в чулане.

— Ты нашла его, Из?

Голос Поппи прозвучал где-то далеко, казался расплывчатым пятном на фоне ее дико крутящихся мыслей. Все страхи, которые Иззи когда-либо испытывала, боролись с ее врожденным чувством справедливости. Она ведь не могла осудить человека, не дав ему хотя бы полшанса? Возможно, у Гарри действительно были веские причины, чтобы не говорить ей, кто он на самом деле.

Например...

Она сидела, уставившись в экран ноутбука, размышляя. Но не могла придумать ни одного оправдания. Ничего, кроме программы защиты свидетелей.

Был только один способ выяснить — сумасшедшая, принципиально новая мысль.

Спросить его... Как взрослого человека. Именно так поступила бы храбрая Иззи.

Смелая идеалистичная Иззи.

Или, рассуждала логичная невозмутимая Иззи, дать ему шанс рассказать его собственную версию. Будь открыта. Будь готова выслушать его. Будь спокойной, зрелой и современной.

Посмотрим, расскажет ли он вообще что-то, нашептывала циничная Иззи.

— Расскажет, — вслух произнесла она.

И скоро.

— Кто что расскажет? — нахмурилась Тори.

Иззи обновила страницу и открыла новости, одно сообщение была опубликовано около часа назад.

Гарри!..

Поппи вскрикнула, когда Иззи вскочила на ноги и почти швырнула свой ноутбук подруге на колени.

— Мне нужно уйти...

Она схватила телефон со стола, засунула его в карман спортивных штанов и бросилась к двери. Тори потянулась к ноутбуку, когда Поппи открыла от удивления рот:

— Что за...

— Мне нужно уйти!

— Пожалуйста, вы не могли бы ехать быстрее?

— Это Лондон, дорогуша, а не Монако, — прокомментировал таксист. — Все зависит от уличного движения.

Иzzi сжала ладонь над щекой и принялась грызть ноготь.

— Я выскочу прямо здесь, спасибо, — сказала она, зная, что быстрее будет добежать до набережной по велодорожкам и частным лужайкам, чем сидеть в такси, наблюдая за тонкостями правил дорожного движения в час пик.

Она отдала водителю двадцать фунтов и, не дожидаясь сдачи, захлопнула за собой дверь. Длинные ноги несли ее вниз по улице вдоль бесконечных жилых домов, через парки и пробки на дорогах к Воксхоллскому мосту. Последние пятьсот метров по набережной и — задышавшись, она остановилась у гламурного входа в жилой комплекс Гарри.

Господи, спасибо за официальный список. Ей достаточно было только назвать свое имя сотрудникам охраны, которые лишь удивленно приподняли брови, увидев ее в повседневной одежде и с покрасневшимся лицом. И спасибо, Господи, за зеркальные стенки лифта — Иззи смогла хотя бы поправить растрепавшиеся волосы.

Лифт открылся на верхнем этаже всего в нескольких метрах от квартиры Гарри, и Иззи оперлась о дверь, сильно нажимая на кнопку звонка.

Гарри почти сразу открыл ей — он был непривычно бледен, с темными кругами под прекрасными глазами. Лицо Гарри просияло, когда Иззи упала в его объятия. Он крепко обнял ее, как будто Иззи придавала ему сил.

— Ты пришла, — выдохнул он ей в шею.

— Твой отец! — выдохнула она, все еще дыша с трудом. — Мне очень жаль. Что я могу сделать?

Все его тело напряглось, и, побледнев еще сильнее, он отстранился от Иззи:

— Что?

— Я прочитала о его сердечном приступе в Интернете. Ты полетишь домой? Как я могу тебе помочь?

Удивление медленно превратилось в нечто иное. Что-то резкое и незнакомое.

— Мой отец?

— Уэстон Бродмор, — объяснила она на случай, если он был в шоке от известия.

Наконец она поняла, что это был вовсе не шок. Это был гнев.

Страшный гнев.

Из второго лифта вышел мужчина. Тот самый, который был на концерте группы «Портисхед». И в Шекспировском театре. Гарри поймал его взгляд и коротко кивнул.

— Ты действительно хочешь поговорить об этом здесь? — спросила Иззи.

Гарри отошел в сторону, и она практически упала внутрь квартиры.

Он повернулся к ней:

— Ты в курсе?

Иzzi подошла к нему ближе и обхватила пальцами его руку:

— Что я могу сделать, Гарри?

Он не отдернул руку, но и не пошевелился, что было даже хуже.

— Ничего.

— Так ты поедешь домой?

— Конечно.

Его ледяной тон еще больше сбил ее с толку.

— Да, извини. Глупый вопрос. — Она снова сжала его руку. — Как твой отец?

— Умирает.

Она сделала шаг назад и посмотрела на него:

— Все в порядке?

— Как сказать, мой отец в критическом состоянии...

— Я имею в виду себя. Ты, кажется, сердисься.

— Чем я себя выдал?

Сарказм всегда был его самым жестоким инструментом. Эта несправедливость глубоко ранила Иззи.

— Я бежала к тебе через весь Лондон.

— Если бы ты замешкалась, то уже не застала бы меня.

Ее взгляд упал на дорожную сумку на полу. И на мужчину, вежливо ожидающего в холле.

Сейчас? Он уезжает прямо сейчас? Иззи охватила паника.

— Я поеду с тобой в Австралию. — Ведь именно для этого и существуют кредитные карты. Незапланированные трансконтинентальные рейсы. — Нам просто нужно заскочить в...

— Ты ведь не надеешься, что я возьму на себя эти расходы?

Его резкий тон заставил Иззи сделать шаг назад. Еще никогда Гарри не был таким гнусным. Или язвительным по поводу ее финансовой ситуации. Хотя тоненький голосок напомнил ей, что на самом деле она не знает, кто такой Гаррисон Бродмор.

— Нет, я... — Она прижала дрожащие пальцы к груди.

Его лицо исказилось на долю секунды, он резко вдохнул:

— Когда ты узнала, кто я?

Она поспешила успокоить его:

— Я не расстроилась. Я решила, что ты скажешь мне, когда будешь готов.

— Ты не расстроилась? О как хорошо.

— Гарри, ты действительно хочешь поговорить об этом сейчас?

— Ты лгала мне, Иззи!

Приговор был вынесен. Виновна, пока не доказано обратное.

Это не ее отец лежит в больнице при смерти, а теперь, когда она все знает, Гарри придется столкнуться с новым давлением. Сестры. Мать. Глобальная корпорация. Ответственность, которую она вряд ли может осознать.

Иззи сделала глубокий вдох:

— Давай обсудим это, когда ты вернешься.

Не для того, чтобы у каждого было время подумать над обидными обвинениями, брошенными за последние минуты, просто Гарри был сейчас не в состоянии мыслить ясно. А ее собственный адреналин так зашкаливал, что она могла сказать то, о чем впоследствии пожалеет.

— Я вряд ли вернусь, — ответил он. Тихим, глухим, безразличным голосом.

Колени у Иззи задрожали.

— Что?

— Когда-то я все равно должен был вернуться домой. Сердечный приступ отца просто ускорил это.

— Ты никогда не вернешься? Совсем? — прошептала она. А потом ей пришло в голову. — Ты собирался сказать это мне?

Или это была еще одна вещь, которую он решил ей не сообщать?

— Я звонил тебе. Когда будешь прослушивать голосовую почту, не воспринимай мое сообщение всерьез. Ни одного слова.

— Значит... это все? Между нами все кончено?

— Ты разочарована, Иззи?

Как он мог такое спрашивать?

— Да. Конечно.

Разочарована. Сбита с толку. Растеряна.

— Все усилия впустую.

— О чем ты говоришь? Какие усилия?

— Ты заслужила очки за свой подход. Появляешься у меня на пороге с шампанским. А полчаса спустя моя голова уже у тебя между бедер.

— Гарри! — Она в отчаянии посмотрела на открытую дверь. Мужчина в холле уставился в какую-то точку на дальней стене и делал вид, что не слышит.

— Правда очень некрасива с такого ракурса. — Гарри направился в глубь комнаты.

Боже мой...

— Я приехала сюда, думая, что ты подавлен из-за отца. Я решила, что тебе нужна моя поддержка. Что с тобой?

Он развернулся:

— Ты думала, что твой корабль вот-вот отчалит, и не хотела опоздать на него.

Боже... миллиарды Бродморов. Об этом речь?

— Меня не интересуют твои деньги, Гарри.

— Я знаю, как это работает, Иззи! — прогремел он. — Я наблюдал подобное всю жизнь. Красивая женщина занимается сексом с мужчиной, чтобы получить желаемое. Ну, в том, что план сорвался, ты можешь винить слабое сердце моего отца и его неводержанность во всем. Иначе неизвестно, как бы это закончилось. — Его лицо еще больше помрачнело, он что-то яростно теребил в кармане. — Респект, Иззи. Ты отлично поработала, почти заставила меня поверить, что ты часть моей жизни. Ты чуть было не одурачила меня.

Из холла послышался сдержанный кашель.

— Нам пора, мистер Бродмор.

Настоящее имя Гарри смутило ее. Особенно из уст другого жильца.

Гарри потянулся за сумкой:

— Я должен идти.

— Ты скорее поедешь на лифте с незнакомцем, чем со мной?

Он был настолько рассержен?

— Он мой личный телохранитель. Он организовал самолет, чтобы отправить меня домой.

Внутри Иззи все похолодело. Телохранители. Частные самолеты. Чрезмерная подозрительность. Он действительно из такого мира? Словно с другой планеты.

Это было ужасно.

Она дотронулась до его руки:

— Ты способен на это? Легко отмахнуться от всего, что у нас было?

Гарри помедлил несколько секунд, но наконец повернулся к ней лицом:

— Что у нас было, Иззи?

— Нечто особенное. Уникальное.

Но как только она произнесла эти слова, то поняла, как нелепо и наивно они звучали. Гарри был просто богатый ребенок-переросток, отправленный на несколько лет в Лондон, где он работал в папочкиной компании и развлекался с местной девушкой. Другими словами, хорошо проводил время. Он ничего ей не обещал, практически ничего о себе не рассказывал, даже предупредил ее — несколько раз, — что между ними только физическое влечение, некая «химия».

— Не было ничего особого или уникального, Иззи... Я вырос с этим. И пообещал себе что никогда не допущу, чтобы подобное произошло со мной.

Брак его родителей был настолько сложным, что даже Интернет знал об этом. Модель, по которой Гарри мерил все отношения.

Слова сорвались с губ Иззи — единственные, какие она могла сказать. Совершенно бесполезные.

— Я люблю тебя, Гарри.

Она много раз представляла себе, как признается ему в чувствах, — лежа в эротичной позе на кровати, усыпанной лепестками цветов, или стоя на вершине Эйфелевой башни, — но только не так, в дверях, за мгновения до их вечной разлуки.

В глубине души Иззи хотела быть настолько сильной, чтобы промолчать.

Гарри, собиравшийся поднять сумку, замер на полпути. Его голос прозвучал хрипло и сдержанно:

— Просто забудь об этом, Из. Ты попыталась. А сейчас уйди достойно.

— Пожалуйста, не бросай все так, — умоляла она.

Он пришел в себя, взял сумку и обернулся:

— Меня ждет самолет.

— Это правда! — Она схватила его за руку. — Клянусь.

Гарри высвободился. Когда он поднял глаза, его лицо и голос не выражали... ничего.

— Впервые между нами нет никаких секретов, никакой лжи, и вряд ли это лучший момент, не так ли?

Он вышел в холл и передал сумку ожидающему там мужчине в темном костюме. Настоящий генеральный директор-практикант. Двери лифта тут же открылись перед ним.

Иззи запаниковала.

Если Гарри улетит в таком настроении, то она никогда и ничего о нем больше не услышит. Он найдет много причин и оправданий, чтобы навсегда стереть ее из памяти и сознания.

Если кто-то и знал, как просто отказаться от любимого человека, то это была Иззи.

Поэтому хотя она ненавидела просить, некоторые вещи были важнее, чем гордость.

Она сделала несколько шагов вперед:

— Пожалуйста, Гарри...

Он бросил взгляд на телохранителя, который аккуратно оттеснил ее от входа в кабину лифта.

— Захлопни дверь, когда будешь уходить, — сказал Гарри мрачно и холодно. А потом, не сдержавшись, добавил: — И смотри ничего не стащи.

Двери лифта закрылись.

Иzzi без сил прислонилась к стене.

Что, черт возьми, только что произошло?

Как он мог так злиться на нее, когда сам лгал ей несколько недель? Месяцев! Она же узнала его тайну не более часа назад.

Почему она не заставила его рассказать все раньше? Может, единственная правдивая вещь, которую она слышала от него, — что он не ищет отношений. Но Иззи умышленно закрывала на это глаза, потому что наконец-то нашла место, куда вписывалась. Где ей было хорошо.

В руках Гарри Митчелла.

Иzzi вытерла футболкой влажный лоб и опустилась на плюшевый ковер.

Она никогда больше не будет ходить по нему босиком. Не насладится великолепным видом из окна Гарри и не будет лежать на его большой удобной кровати. Никогда не будет сидеть с ним в кино на плохом фильме или смеяться над его неудачными шутками.

Она никогда больше не поцелует его, не почувствует внутри себя и не услышит его сексуальный голос.

И никогда не узнает, почему он лгал всему миру. И ей.

Из путавшихся мыслей сознание выхватило два слова.

Его голос...

Иzzi изогнулась, вытащила из кармана мобильный телефон и включила голосовую почту.

«Из, это я... Мне немедленно нужно вылететь в Австралию. По семейным обстоятельствам». Она старалась не обращать внимание на тревогу в его напряженном голосе. «Я не знаю, когда вернусь. Мой самолет в четыре. Позвони мне, если вовремя получишь это сообщение».

Вот и все.

Он не сказал: «У моего отца был сердечный приступ, Из».

Или: «Я не смогу без тебя, Из».

Или: «Я буду скучать по тебе, Из».

Она еще раз прослушала сообщение. А потом еще. Текст не менялся. Но на четвертый раз автоматически включилось второе сообщение голосовой почты.

«Прости меня ради бога...» Ей было больно даже слышать его акцент. «У меня голова кругом идет. Я хотел встретиться с тобой, но должен вернуться к девочкам. Они вне себя. Мама довольно бесполезна в такой ситуации, и они... — Он тяжело и скорбно вздохнул. — Они нуждаются в брате. Я вернусь к тебе, как только смогу. Я должен что-то сказать тебе. И у меня кое-что есть для тебя. Думай обо мне, Иззи. Я люблю тебя. И буду скучать по тебе».

Гудок.

Иzzi почувствовала, как в груди у нее все стянуло, до боли. Его слова были простыми, но такими искренними. В них было так много разочарования, и печали, и надежды. И любви.

Гарри Митчелл любил ее.

По крайней мере час назад.

«Когда будешь прослушивать голосовую почту, не воспринимай мое сообщение всерьез... Ни одного слова».

Вспышка паники, когда он вспомнил свое послание, а потом пустой взгляд, когда он

произнес эти ужасные слова...

Что же изменилось? Она пришла к нему. Она прибежала к нему. Несмотря на все опасения по поводу его мотивов, она была рядом, когда он нуждался в ней.

Иззи еще раз прослушала сообщение.

Ей по-прежнему было больно.

Но лучше боль, чем огромная одинокая пустота, которой она опасалась.

Иззи снова подняла телефон и, собравшись с духом, набрала номер.

Глаза щипало от подступавших слез. Когда на другом конце провода ответили, Иззи закрыла глаза.

— Мама? — прошептала она. — Ты мне нужна...

Даже лучшая палата в лучшей австралийской больнице была «так себе» для Уэстона Бродмора. Когда отца перевели из реанимации, он вернулся домой, привезя с собой свиту медсестер и других специалистов и штат телохранителей. И теперь все верхнее крыло дома особняка напоминало военный госпиталь.

Отец был в порядке, но средства массовой информации никак не могли успокоиться: финансовый барон неизлечимо болен, молодой наследник выходит из тени, чтобы взять в свои руки бразды правления. Никто не сказал этого вслух, но весь мир знал, что, хотя семидесятидевятилетний Уэстон Бродмор и выжил, он больше не будет лично управлять своей компанией.

— Ты выглядишь довольно жалким для человека, который только что унаследовал империю стоимостью миллиард долларов, — произнес мягкий голос у него за спиной. В следующий момент Гарри ощутил прикосновение теплых губ к щеке.

— Карла. — Его старшая сестра. Самая любимая.

Его образец для подражания. Женщина, которая преодолела женоненавистническое шовинистическое невежество отца и его неверие, сделала успешную карьеру и занимала высокую должность в семейной компании.

— Я не так себе это представлял, — пробормотал Гарри, глядя на импровизированную палату, где люди в голубых халатах тихо жужжали вокруг его отца, как пчелы вокруг пчеломатки.

Карла сжала его плечо:

— Твое восхождение на трон? А как ты себе это представлял?

— Я думал, что буду старше. — Гораздо старше. С женой и детьми. — Что будет больше тепла и сердечности.

— Тепла и сердечности? — Карла фыркнула, и одна из медсестер бросила на них неодобрительный взгляд. — Ты разве не в этой семье рос?

— Эта семья больше не вертится вокруг одного-единственного человека. Как и компания. Наше поколение Бродморов может быть теплым и сердечным.

Он. Его сестры. У них достаточно любви и нежности, хотя такие качества никогда не поощрялись.

— Я думаю, ты забыл, кто наш отец. И мать.

О нет. Только особая твердость могла связать ее с таким человеком, как Уэстон Бродмор, навсегда. Гарри помнил, как всю жизнь чувствовал себя словно в ловушке из-за больших ожиданий, связанных с ним как с наследником. И он пристально наблюдал за матерью, с тех пор как вернулся. Пытаясь увидеть облегчение. Амбиции. Но заметил лишь легкое беспокойство в глазах. За мужа или за свое будущее?

— Только Господь Бог знает, чего стоит жить в браке без любви, где за каждым твоим шагом пристально следят.

Даже если ты срежиссировал это самостоятельно.

Карла уставился на него:

— Что ты делал в Лондоне? Ты очень изменился.

— Я наблюдал. И я впитывал. Учился.

— У кого? Далай-ламы?

Гарри невольно подумал об Иззи, и внутри у него все сжалось.

— Ты говоришь как он. — Гарри кивнул в сторону персоны в центре внимания медсестер.

Карла поморщилась:

— Не дай бог.

Он повернулся и поймал ее взгляд:

— Слушай...

— Не надо. Я знаю, что ты собираешься сказать.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я сказала бы то же самое, будь я на твоём месте. Если бы меня выдернули из свободной жизни и поставили за штурвал. Что тебе жаль, что наш отец такой неандерталец. Что он обошел девочек в семье и завещал все единственному сыну.

— Мне действительно жаль, Карла.

— Я знаю. Потому что ты хороший человек. И потому что не твоя вина, что маме наконец удалось заполучить Y-хромосому.

Гарри закрыл глаза.

— Мы гордимся тобой, ты это знаешь? Я и Кэти и Мэгс. Папа не мог этого понять, но я знала, что ты там делал. Мы знали. И радовались каждый раз, когда ты получал повышение по службе. Самостоятельно. Что бы ни случилось, ты всегда будешь знать, что заслужил это честно и справедливо.

По крайней мере, кое-что в его жизни удалось.

— А папа никогда этого не поймет, — продолжала Карла. — Он отправится в могилу, втайне удивляясь тому, с каким успехом ты руководишь корпорацией, но будет считать все это своей заслугой. Однако ты стал таким не благодаря, а вопреки ему. Всегда помни об этом.

Из-за комка в горле Гарри не смог ничего произнести, но взял сестру за руку, переплел их пальцы и крепко сжал их.

— В любом случае, — Карла глубоко вздохнула, — я поднялась сюда не просто так, Гарри. Тебя ждут в кабинете.

Он выругался:

— Еще один журналист? Пусть подождет.

Карла покосилась на него:

— Из лондонского офиса. По поводу передачи дел.

Тот лондонский офис, которому Гарри лгал в течение пяти лет? Который трясется от страха, что, заняв высокую должность, он накажет их всех за малейшие ошибки и провинности в прошлом? Лондонский офис, который неделю бьется без руководителя финансового отдела?

— Наверное, это мой долг.

Он последовал за сестрой вниз по изысканной деревянной лестнице, шагая с ней в ногу по дорогим полированным полам. По тем же полам, по которым они скользили на подушках, когда подушки были больше их самих. И когда обоих родителей не было дома.

Карла остановилась перед кабинетом, поцеловала его в щеку и тихо извинилась:

— Увидимся на обеде.

Казалось, все в этом доме говорили только шепотом. Повсюду.

Словно скорбели в предвкушении.

Гарри громко откашлялся и открыл дверь кабинета. Может, ему удастся уладить все за час...

И застыл от неожиданности.

Это был словно мираж — Иззи стояла в кабинете его отца, разглядывая роскошный интерьер, как будто это была только что обнаруженная ею инопланетная цивилизация.

Каждый мускул в его теле напрягся, сработал механизм «Бей или беги».

Кроме сердца: оно увеличилось вдвое при виде Иззи. Прежде чем его ум вспомнил, как с ним обошлись.

— Спасибо, что принял меня, Гарри.

Знай он, что это Иззи, то не пришел бы.

— Что ты здесь делаешь?

— Я тебе нужна. — Она сцепила перед собой миниатюрные руки.

Его пульс бешено стучал.

— Нет. Я в порядке.

Если «в порядке» означает часами лежать без сна, а потом в изнеможении впасть в кому. И бродить по дому как привидение, в то время как все вокруг живут словно в параллельной реальности.

— Я не имею в виду — сейчас. Я имею в виду жизнь. — Она сделала шаг вперед. — Я нужна тебе в твоей жизни.

Его огромное сердце грозило раздавить грудную клетку.

— Что же в тебе такого особенного? — огрызнулся он. Ненавидя себя, но еще сильнее ненавидя жизнь, которая была у его родителей. Больше всего боясь повторения этого ужаса. Ему все еще было противно, что он допустил, чтобы такое произошло и с ним.

Иззи немного колебалась, но затем собралась:

— На прошлой неделе я бы не смогла ответить на этот вопрос, но у меня было тридцать часов и десять тысяч миль, чтобы подумать.

— И что же? Каков твой вердикт?

— Я умная. И нравственная. И добрая. И лояльная. Но я далека от совершенства.

Он крепче скрестил руки на груди, пытаясь скрыть дрожь в пальцах.

Иззи задумчиво посмотрела в окно, на шикарные сады его матери.

— Я разбила сердце отца, — начала она. — В тот день, когда он высадил меня в Трентоне. Я никогда не видела, чтобы он плакал, — как бы тяжело нам ни приходилось в финансовом отношении, он всегда оставался сильным. Но он плакал в тот день, а я думала, что это из-за расставания, но... это было не так. — Она тяжело вздохнула. — Я думаю, что разбила ему сердце. — Она повернулась и медленно прошла по кабинету, обхватив себя за плечи. — Он стоял перед нашей старой разбитой машиной и махал мне, провожая в яркое новое будущее, которому я так радовалась. На мне была безупречная форма — первая новая вещь в моей жизни. Как можно быстрее я взбежала по каменным ступеням, потому что не хотела, чтобы кто-то увидел отца или автомобиль.

Ее грусть окутала Гарри как лондонский туман.

— Ты была ребенком... — Он начал оправдывать ее, прежде чем вспомнил, что не должен этого делать.

— Я отвергала жизнь, которую они пытались предложить мне. Как будто она была недостаточно хороша. И каждый раз, когда я звонила домой, чтобы поделиться событиями из школьной жизни, я только усугубляла боль. И я слышала это в их голосах. Поэтому... я

просто... перестала звонить. Я начала писать электронные письма. Иногда СМС. Потом вообще ничего. — Иззи с отсутствующим видом провела пальцем вдоль крышки отцовского письменного стола.

— Я обменяла свою жизнь на новую, — продолжала она с горечью в голосе, — и никогда не оглядывалась назад. Потому что слишком больно было осознавать, как я поступила с собственными родителями. С людьми, которых любила. Слышать это в их голосах, знать, что они позволили мне практически исчезнуть из их жизни, потому что хотели, чтобы я была счастлива. И потому что мне удалось заставить и их стыдиться нашей жизни.

Она сделала глубокий вдох.

Гарри чувствовал ее боль, как бы Иззи ни пыталась ее скрыть, замаскировать. Его ноги начали двигаться сами собой, прежде чем он успел понять, что происходит. Гарри заставил себя остановиться на противоположной стороне стола, ухватившись за край, словно его жизнь зависела от этого.

— Ты прилетела на другой конец земного шара, чтобы исповедаться в этом?

Иззи смотрела ему в глаза:

— Я позволила нашим отношениям с родителями завянуть и умереть. Только чтобы не признаваться, как мне стыдно, что я отказалась от них — их любви, нашей жизни — ради лучшего предложения. Я приспособилась, по возможности заполнила пустоту и старалась отвлекаться от этих мыслей. И жизнь продолжалась. Только это была жизнь без руки или без ноги. Это возможно.

— Я не понимаю.

Она обошла стол, и у Гарри пересохло в горле, пока он наблюдал за ней.

— Я знаю, что могу поступить с тобой так же. Просто... отпустить тебя. Я действительно это умею. Будет нелегко, но я найду замену, приспособлюсь. И жизнь снова пойдет своим чередом.

Ее серьезная речь заразила его, и смысл слов спиралью закручивался у него в голове.

— Однако ты здесь.

— Потому что я не хочу отпускать тебя. Я здесь, чтобы бороться за то, что у нас было.

— Иззи, этого больше не существует, — проговорил Гарри, пытаясь убедить в этом скорее себя.

Ее грудь вздымалась в легком, безумно женственном платье.

— А если я не согласна?

— Отношения редко распадаются по обоюдному согласию. Кто-то уходит. И все заканчивается. Вот как это работает.

В его случае улетает. Первым классом. Но никакого комфорта он не заметил.

Улыбка дрожала в уголках ее губ. И сердце Гарри сдавило — в этот раз до боли. Потому что он просто с ума сходил от этой улыбки.

— Однако я здесь, — сказала она.

Гарри сделал глубокий вдох. Он не хотел, чтобы им манипулировали.

— Я сожалею, что ты потратила время и деньги. Но с момента нашего последнего разговора ничего не изменилось.

Он повернулся и вышел из комнаты, чувствуя, как сердце его разрывается от боли.

— Один час.

После недели разговоров шепотом Гарри показалось, что свежий британский голос

Иzzi просто прогремел на весь большой старый дом. Гарри замер. Обернулся. Потому что он хотел, чтобы это была правда. Хотя знал, что это больше не имеет никакого значения. Он уже выбрал курс.

— Один час, — повторила она с чувством собственного достоинства. — Именно столько я знала твою тайну, прежде чем ты уехал. Всего один час. И большую часть этого времени я провела в такси, пытаюсь добраться до тебя.

У Гарри перехватило дыхание. Но он умел контролировать свой голос — спасибо совещаниям руководства.

— Я должен тебе поверить?

— Назови хоть один раз, когда я солгала тебе.

— Откуда мне знать?

— Думаю, ты и не смог бы. Я в этом так же хороша, как и ты. — Ее ноздри дрогнули. — А свидетельские показания помогут?

— Зависит от свидетелей.

— Поппи и Тори.

— Да эти девушки готовы умереть за тебя. Уверен, что они солгут не моргнув глазом.

— Ты не очень-то веришь людям, верно?

Нет. Нисколько.

Видимо, не без причины.

Иzzi окинула взглядом кабинет, посмотрела на дорогие картины на стенах. Затем подошла к одной и рассматривала ее целую вечность.

— Я понимаю, почему это завораживает и ослепляет людей. Друзей. Подруг. — Она внимательно посмотрела на него. — И как это может привести к... неприятным ситуациям для тебя.

На таком близком расстоянии он видел, что стресс последней недели сказался на ней — темные круги под глазами, бледные губы. Гарри боролся с ощущением триумфа — что ей было так же плохо, как и ему.

— Тебя же оставляет совершенно равнодушной, — язвительно предположил он.

Она еще раз оглядела кабинет.

— Это не совсем в моем вкусе, — призналась она.

— Не думаю, что это дело вкуса, Иззи. Это констатация величия.

— Констатация того, сколько это все стоило?

Гарри громко фыркнул:

— *StOuit*, в настоящем времени. Управление поместьем каждый год обходится в миллионы.

— Тогда тебе повезло, что у тебя несколько миллиардов.

Живой ум Иззи по-прежнему добавлял ей сексуальности, как когда они впервые встретились. И Гарри начал вспоминать, почему влюбился в нее. Именно их разговоры стали прелюдией к отношениям.

— Когда ты ушел, у меня было много времени, чтобы подумать. Сидя на полу у лифта.

Гарри вспомнил, как она стояла у двери, протягивая к нему руки, и как он позволил телохранителю оттолкнуть ее от лифта.

Не самый красивый момент в его прошлом.

Гордились бы им сейчас его сестры?

Он взял ее за руку и повел к двери, и самообладание Иззи наконец дрогнуло.словно

одного его прикосновения было достаточно.

— Куда мы идем? — выдохнула она.

Он знал, где собирался продолжить разговор с Иззи.

— В более укромное место.

Иззи позволила вытащить себя на яркое весеннее солнце и отвести в небольшой садик за домом с ивами и идеально расставленными изысканными скамейками. Очень красивыми. Очень старыми.

Теперь ее будет легко прогнать с частной собственности.

Гарри отпустил ее и встал, скрестив руки на груди, как римский центурион.

Ощущение его пальцев на коже почти выбило ее из колеи. Для Иззи это была нестерпимая мука, но Гарри сохранял ледяное спокойствие.

Иззи отчаянно пыталась справиться с паникой или, по крайней мере, не показывать, что ей страшно.

— После твоего ухода я позвонила маме, — начала она снова. — Я просто ненавидела себя за то, что позвонила ей не просто так. Но она была мне очень нужна. Ее мудрость. Ее самообладание. Мне нужен был человек, который не очарован твоей улыбкой и не видел, насколько я без ума от тебя. Мне была нужна ее объективность. — Она обняла себя за плечи. — Мама предположила, что это к лучшему, каким бы неприятным ни было наше расставание. Что я заслуживаю честные отношения. Мне не нужен мужчина, который готов поверить в мою подлость, хотя я не сделала ничего, чтобы вызвать это подозрение. Который настолько разочарован в людях.

На его шее судорожно билась жилка. Иззи стоило немалых усилий сдержаться, не протянуть руку и не дотронуться до этого места.

— Я уверен, ты еще не закончила.

— Мама была права, — выдавила из себя Иззи. — Но я не могла забыть ее слова о разочарованности. И не могла избавиться от подозрения, что все это... через что мы прошли... было вовсе не из-за меня.

Она обвела взглядом великолепный сад, роскошную старую усадьбу.

— Ты наверняка встречаешь много людей, которых все это очень привлекает. Которые охотятся за деньгами. В таком контексте моя догадка подтверждается лишь сильнее.

— И что же это за догадка?

— Кто-то жестоко и безнадежно разочаровал тебя. Поэтому ты больше никому не доверяешь.

Его ноздри раздувались.

— Думаешь, я настолько забывчив? Или неосторожен? Особенно с моим сердцем. В этой семье лучше быть настороже.

Иззи осенило.

— Ты никого и никогда не впускал в свою душу? Ты вообще никогда не любил?

«Ты никогда не любил *меня*».

— Бесполезная инвестиция, — просто сказал он. — У меня и без того хватает в жизни неопределенности. Любовь — это роскошь, которую я не могу себе позволить. Я дал слабину. Забыл, почему у людей как мы не бывает обычной жизни.

О, Гарри...

— И поэтому ты так легко поверил в то, что я лгала тебе?

— Посмотри на это с моей точки зрения, Иззи. *Ты преследовала меня.* Добилась финансирования фонда от «Бродмор», пришла ко мне домой, так легко проскользнула в мою жизнь. А потом я обнаруживаю, что ты знала, кто я...

— Только один час, Гарри.

— Час. Неделю. Месяц. В тот момент я чувствовал себя...

— Преданным? — Да, она знала, что это такое. Как острый нож между ребер.

— Я чувствовал, что меня дурачат.

— Но я не знала.

Он пожал плечами:

— Может, это был звонок, которого я ждал. Я убивал время в Лондоне, набираясь опыта, чтобы в будущем управлять корпорацией «Бродмор». Я приехал туда не для того, чтобы влюбиться или построить новую жизнь. Я потерял из виду свою цель.

— Значит, ты просто... отказался от меня?

Его глаза блестели.

— Почему бы и нет? Ты ведь так же поступила с родителями.

Ледяная скорбь сжала ее грудь. Значит, вот так они чувствовали себя, когда она позволила им исчезнуть из ее жизни? Они тоже ощущали эту ужасную... пустоту?

— Моя жизнь в любом случае должна была измениться, — отметил он. — Я просто предвосхитил события. Эмоциональные переживания и проблемы на другом конце света — это не то, что мне нужно в данный момент.

Внезапная боль стиснула ее горло.

Все верно.

Иззи сделала глубокий неровный вдох. Она пролетела десять тысяч миль в надежде переубедить его, когда он немного успокоился, а состояние отца стало стабильным. После того как он услышит ее историю.

— Я боялась, что так случится, — пробормотала она. — Что ты все обоснуешь и выкинешь из головы, как интрижку, произошедшая у тебя когда-то с женщиной, которую ты знал несколько недель. Что ты забудешь, как хорошо нам было вместе. Как идеально мы друг другу подходили.

— Мы встречались несколько недель, Иззи. — Он пожал плечами, в глазах была пустота. — Вот и все.

— Я любила тебя за каждый день, который мы провели вместе, — заговорила она, не обращая внимания на комок в горле. — Гарри Митчелл, мужчина, который тратил свои с трудом заработанные деньги на такси, позволял мне таскать оливки с его пиццы и обещал защищать меня, когда мы гуляли ночью. — Слезы подступали к ее горлу. — А я искала любой знак взаимности и питала глупую, бессмысленную надежду, что ты мог любить кого-то вроде меня.

Гарри судорожно сглотнул:

— Сколько бы ты продержалась в этом мире?

Если бы он дал ей хоть полшанса? Может быть, навсегда.

Но они уже никогда этого не узнают.

— Потому что твой мир такой особенный, Гарри? Что-то не вижу. — Она повернулась и сделала несколько шагов, затем остановилась и обернулась. — Между прочим. Это ты преследовал меня. Пришел в мой дом, соблазнил меня в моей постели, потом еще раз в своей, пригласил меня на ужин и в свой мир. Я хотела тебе доверять, несмотря на все тайны

и скрытность — твоя загадочная семья, таинственное прошлое, неопределенное будущее. Но ты заставил меня сомневаться в том малом, что рассказывал о себе, и, что еще хуже, ты заставил меня сомневаться в себе самой. В том, что я чего-то стою. Ты скрывал все от меня, как будто я была никто. Но ты занимался со мной любовью как с принцессой. И ты смотрел на меня так, словно я была центром твоего мира.

— И я верила твоим глазам. — Иззи задрожала. — Хотя внутренний голос предупреждал меня не делать этого. Потому что я не хотела, чтобы страх помешал мне любить тебя. Моя неспособность поверить, что на бедную Айседору вдруг свалилось такое богатство в эмоциональном плане. Я хотела быть смелее.

Прекрасные губы прижались к его щеке.

Голос Гарри прозвучал натянуто:

— Не беспокойся обо мне, Иззи. Я не долго буду один. Весь мир у моих ног, мне нужно только взять.

Иззи до боли сжала зубы:

— У тебя уже была возможность получить нечто бесценное, Гарри. Все, что тебе было нужно сделать, — это верить в меня.

Ее голос дрогнул на последних словах.

Он прочистил горло, но остался неумолим.

— Тебе нужны деньги на такси?

Боль пронзила ее. Неужели он думал, что парой банкнотов может откупиться от нее, стереть из своей жизни? И из совести.

— Мне не нужны твои деньги, — сказала она, отступая от него. — Но спасибо за напоминание, что они у тебя есть.

— Иногда чай не помогает, — пробормотала Иззи в сторону медленно открывающейся двери, через которую в кладовку пробился луч света. Она очень хорошо понимала, почему раненные животные уползают в какую-нибудь нору, чтобы умереть там в одиночестве. Уединенность давала необъяснимое чувство комфорта.

Как кокон.

Как могила.

— Ерунда, — ответила Поппи, заглядывая в комнату. — Никогда в это не поверю.

Иззи спустила ноги с постели и медленно села, осторожно принимая из рук подруги чашку горячего чая. Мягкая улыбка Поппи почти выбила ее из колеи.

— Спасибо.

— Как ты себя чувствуешь?

— Раздавленной.

— Ну, это уже лучше. Ты хотя бы не рыдаешь.

— Ну, слез с меня на сегодня достаточно. Как и истерик.

Все это было бесполезно. Гарри принял решение.

— Почему бы тебе не выйти наконец из комнаты и не сесть за стол? — Поппи умоляюще посмотрела на нее.

Бедная Поппи. У нее хватало своих проблем, а тут еще приходилось присматривать за истеричной соседкой. Она, Тори и Алекс даже по очереди брали на работе выходные, чтобы Иззи не оставалась дома одна до следующей недели, пока не уедет в Манчестер и не окажется в нежных объятиях родителей.

— Хорошо, — вздохнула она, и Поппи не смогла скрыть своего облегчения. — Да, хорошо.

Вечерело, но на улице было еще светло, и Иззи зажмурилась от яркого света, проникавшего в комнату через окна.

На кухне Алекс помешивал что-то в большой кастрюле — от этой картины у Иззи заурчало в желудке, — а Тори накрывала на стол в гостиной. Все как обычно. Разве что присутствие Тори отдавало вмешательством.

Она подняла голову:

— Привет, незнакомка!

Боже, как унижительно. Когда к тебе испытывают столько жалости и сострадания. Но только один человек был в состоянии это изменить.

— Я могу что-нибудь сделать? — предложила Иззи слишком энергично.

Поппи посмотрела на Алекса, который улыбнулся и на ходу придумал для нее задание:

— Э-э-э... Я не откажусь, если ты поможешь нарезать овощи для жарки.

Хорошо. Значит, жареные овощи. Она подошла к Алексу и встала рядом перед корзинкой овощей с рынка.

— Просто тонко нарезать?

— Да, ничего особенного.

Иззи взяла нож и начала с грибов. Боковым зрением она видела, как Алекс внимательно наблюдает за ней.

Очень внимательно.

— Я не собираюсь ничего выкидывать, — успокоила она.

— Я больше волнуюсь за себя. Мужчина в комнате. Ты можешь представить все как несчастный случай.

Оказалось, что ее губы еще могли улыбаться.

— Приятно видеть твою улыбку, Из, — пробормотал он.

Вздых.

— Почему мужчин так трудно понять, Алекс?

Если Алекс уже и пожалел, что придумал ей задание, то хорошо это скрывал. Или принял этот удар судьбы как настоящий воин.

— Для нас вы такие же непостижимые.

Иззи вернулась к овощам, а он к помешиванию. Не поднимая головы, она чувствовала, что задача Поппи и Тори заключалась в том, чтобы просто находиться поблизости.

Алекс отошел в сторону, чтобы Иззи могла выложить грибы в кастрюлю с соусом для пасты. Поколебавшись, он повернулся к ней и произнес низким голосом:

— Из, дело не в тебе. Если бы он захотел, то нашел другой предлог, почему ты ему не подходишь. Что бы ты ни делала.

Если друзья немногословны, то вы, как правило, очень внимательно слушаете, что они говорят.

«Дело не в тебе». Разве не к тому же выводу она пришла после долгих разговоров с мамой?

Иззи кивнула — один раз — и подняла глаза на своих лучших друзей, продолжая выполнять бессмысленные действия: перекладывать салфетки, поправлять и без того идеально лежавшие столовые приборы. Она обвела взглядом все эти знакомые прекрасные лица. Друзья уставились на нее с выражением беспокойства.

— Я люблю вас, — пробормотала Иззи. — И со мной все будет в порядке. Завтра утром я снова примусь за работу и свяжусь со всеми клиентами.

Жизнь не может останавливаться так надолго.

— Завтра суббота, Из, — мягко напомнила ей Тори.

Ах... верно. Тогда в понедельник.

— Иззи, не... — Поппи кусала губы.

— Что «не»?

Поппи наклонилась вперед.

— Не позволяй себе разочароваться в любви. Я имею в виду, навсегда. Гарри был хорошим парнем с неплохими качествами, но он всего лишь человек. Ты встретишь кого-то славного, кто будет открытым и искренним и увидит тебя такой, какая ты есть на самом деле. Я обещаю. Пожалуйста, только не закрывайся эмоционально.

Кого-то славного. Это звучало так сладко, надежно и... блекло.

Кто-то славный вряд ли заставит ее пережить те же эмоции, стонать от одного прикосновения или громко смеяться на публике.

Но, по правде говоря, сейчас небольшой эмоциональный покой ей не повредит. Последние две недели были просто адом.

Она натянуто улыбнулась удивительной проницательности Поппи, у которой не было отношений уже лет... сто.

— Надеюсь, что ты права.

— Конечно.

Но на лицах всех друзей было написано, что они тоже чувствовали лживость слов Поппи. Алекс извинился и пошел на кухню, чтобы подавать на стол.

— Тук-тук!

Иzzi подняла глаза и увидела знакомое лицо, заглядывавшее в дверь. Лара, соседка снизу.

— Мне очень не хочется прерывать вас, — сказала она, — но внизу на улице стоит мужчина, он пытался дозвониться до вас по домофону, но тщетно. Поэтому сейчас трезвонит всем подряд. Я сказала, что поднимусь и узнаю, дома ли вы.

— Мы отключили звук домофона, — объяснила Поппи, — чтобы поужинать.

Лара покраснела:

— Тогда мне отправить его обратно?

— Кто это?

— Гарри Митчелл. Он приехал к Иззи.

Поппи и Тори синхронно вздохнули.

— Гарри? — прохрипела Иззи, с трудом дыша.

— Ты не обязана, Из... — напомнила Тори.

Иzzi обвела изумленным взглядом своих друзей, потом спросила слабым голосом:

— Почему он вернулся, Тоз?

Тори пожала узкими изящными плечами.

Лара смущенно прочистила горло:

— Что мне передать ему?

Бедная девочка. Какое представление. Иззи заставила себя собраться.

— Если тебе не сложно,пусти его в здание. Спасибо! — крикнула она вдогонку Ларе, когда та исчезла, спустившись вниз по лестнице в свою маленькую жилую комнату прямо под ними.

— Что происходит? — спросил Алекс, выходя из кухни с двумя дымящимися мисками с пастой.

Поппи и Тори развернулись к нему, но Иззи не могла оторвать глаз от двери — немного задыхаясь от ходьбы по лестнице, в проеме показался Гарри.

— Да ты совсем обнаглел... — Алекс направился напрямик к входной двери.

Четыре женские руки успели схватить его, прежде чем он успел дойти до Гарри — тот резко остановился за дверью.

— Иззи... — произнес он.

— Зачем ты пришел?

— Я хотел поговорить с тобой.

— Мы как раз ужинаем. — Смешно. Но ее мозг не очень-то соображал. — Тебе следовало позвонить.

— Я пытался дозвониться. Со вчерашнего дня твой телефон сразу переключается на голосовую почту.

Ох.

— Аккумулятор разрядился. — В какой-то момент ее добровольной изоляции. Возможно, это было связано с прослушиванием того сообщения, где он говорил «Я люблю тебя». Беспреданно.

До тошноты.

— Когда ты его снова зарядишь, увидишь кучу пропущенных звонков от меня. С самого

аэропорта в Мельбурне.

Наступившую тишину нарушали только дыхание и сопение трех человек у нее за спиной.

Разве это не было мило?

— Как твой отец? — спросила она, сглотнув комок в горле.

— На пути туда... — Гарри посмотрел через плечо, а затем обратно на Иззи. — Я могу... Мы можем поговорить с глазу на глаз?

— Это и их дом тоже. — И она точно не собиралась разговаривать с ним в своей каморке. В ней и так было тяжело спать без его соблазнительного аромата.

— Тогда прогуляемся?

— Дай мне пару секунд.

— Хорошо.

Иззи прошла к себе в комнату, затем в ванную, где натянула свитер, причесалась и тщательно почистила зубы.

Если Гарри зашел к ней в рамках некоего прощального тура, то она не хотела остаться в его памяти убитой горем идиоткой. Пусть думает, что она легко отделалась.

Когда она вернулась, напряженность в квартире достигла предела. Гарри деловито игнорировал три пары глаз, бросавшие на него убийственные взгляды, и пристально смотрел на дверь, за которой скрылась Иззи.

— Ты не обязана этого делать, Из, — проскрежетал Алекс. — Я могу выставить его в два счета.

— Все в порядке. Я скоро вернусь. Немного свежего воздуха будет мне даже полезно.

Тревога бежала впереди них и путалась под ногами, когда Иззи последовала за Гарри вниз по лестнице. Они спустились в полной тишине и не произнесли ни слова, пока не оказались на улице.

Три пары глаз в окне верхнего этажа вперились Иззи в затылок.

— Я не ожидала увидеть тебя в Лондоне.

— Я должен был закончить кое-что в «Бродмор НатАли» и передать дела своему преемнику.

Как нелепо, именно это она наврала, чтобы попасть в его дом в Австралии. Она повела его за угол на детскую площадку на соседней улице.

— Я думала, у тебя для этого есть специально обученные люди, тем более сейчас, когда ты стал большой шишкой. Ну или там скайп или что-то в этом роде.

— Некоторые вещи необходимо делать самому.

Войдя в парк, она остановилась и повернулась к нему лицом — чтобы посмотреть в эти прекрасные глаза. Просто посмотреть. Это он пришел к ней. Следующий шаг за ним.

Гарри собрался с духом и заговорил. Официально, как будто тренировался в самолете. В его глазах было смятение, которое переросло в своего рода уверенность.

И Иззи знала, что наконец-то он будет честен с ней.

— Пять лет назад мой отец заплатил кому-то целое состояние, чтобы перенести старые семейные документы в систему управления контентом «Бродмор», и письмо обо мне по ошибке попало ко мне. Из него было ясно, что я получил звание капитана школы в обмен на новейшее оборудование для научной лаборатории, которое проспонсировал мой отец. А я наивно верил, что заслужил эту честь. Чем глубже я копал, тем больше таких «случайных» жертвований обнаруживал. Мои академические успехи. Награды в соревнованиях по

джиу-джитсу...

Пять лет. Примерно тогда он изменил имя и уехал из Австралии в Великобританию.

— Всех моих подружек интересовал лишь образ жизни, который мог обеспечить им богатый мальчик. Я выбирал девушек, которые общались с моими сестрами, потому что предполагал, что они были не так ослеплены деньгами. Но, оказывается, родители многих поощряли их дружить с сестрами, как способ стать ближе к будущему генеральному директору корпорации «Бродмор». Но когда они в конце концов уходили — а они так всегда делали, — это ранило меня и ту сестру, которую они использовали, чтобы подобраться ко мне. И я понял, что причиняю боль своим сестрам. Поэтому я изменил подход, как только поступил в университет. Я держался такого женского общества, где мы оба знали, что к чему. Никаких предательств, никакой наигранной невинности. Я тратился на них щедро и открыто. Они не скрывали, что их интересует только вознаграждение... впрочем, как и меня.

— Наверное, это были циничные, одинокие годы, — пробормотала Иззи, заочно ненавидя всех, кто прикасался к Гарри до нее.

Он пожал плечами:

— Так было безопаснее, и семья не вмешивалась. А если я чувствовал, что начинаю привязываться к женщине, то было достаточно лишь ослабить денежный поток, и я сразу вспоминал, почему они были со мной.

— И ни одна и из них не любила тебя? Совсем?

Что случилось с австралийскими женщинами? Как можно было его не любить?

— Все они были в восторге от связи с молодым здоровым парнем. Он они были со мной не поэтому. И их нельзя винить. Я сам установил правила. Но этого было недостаточно. Мне нужно было знать, кто я... и чего стою.

— Поэтому ты стал Гарри Митчеллом.

— И устроился на позицию начального уровня в компании отца без его ведома, а затем сделал карьеру. В конце концов отец узнал и согласился с моим решением. Сначала ему было интересно наблюдать за моим прогрессом, а потом он увидел, как я обосновался здесь, и начал закручивать гайки, напоминая мне о моих обязанностях. И мое пребывание в Лондоне стало возможным только как внутреннее обучение. Я получил новое повышение и начал всерьез задаваться вопросом, не его рук это дело, как обычно. Поэтому я начал проверять людей. Пытаясь выяснить, как много мне сойдет с рук. Кто готов терпеть любые выходки с моей стороны.

— И кто же?

— Пара человек. Но не строптивая блондинка, возглавлявшая финансовый отдел, который перешел в мое подчинение чуть больше года назад. Она мне спуску не давала.

— Тогда это объясняет твой подход к управлению и людям...

— Иззи, всем, чего я достиг в прошлом, я обязан моей фамилии, семье, балансу банковского счета, который в один прекрасный день должен был стать моим, — начал он. — Я хотел посмотреть, чего я смогу добиться без всего этого. — Гарри встал так, чтобы смотреть ей в лицо. — И я добился тебя, Из. Необычную, эксцентричную, требующую к себе много внимания. Великолепную женщину, которую я жаждал целый год и которая заинтересовалась язвительным финансовым менеджером, единственное достоинство которого — это цирковые навыки в постели. И я был счастлив. Потому что ты выбрала *Гарри Митчелла*. Благодаря его собственным заслугам, а не из-за имени.

— Но потом ты решил, что ошибся.

— Я не хотел знать, как долго тебе была известна моя тайна, потому что боялся услышать ответ. Но я должен был верить тебе. Надеяться. Все что угодно, только не кричать на тебя перед отъездом из страны, даже не дав тебе возможность сказать что-либо в свое оправдание. Просто все воспоминания и образы выглядели совсем по-другому через призму моего прошлого опыта.

— Это было тяжелое время...

— Меня воспитали, чтобы справляться с тяжелыми временами. И я знал, что мой старик слишком контролировал ситуацию, чтобы вот так просто умереть. — Он покачал головой. — Мне нет оправдания за то, что я сделал такие опрометчивые выводы. По крайней мере, я не считал их такими. Но потом в моем доме появилась ты.

— Мы встретились лицом к лицу на моей территории, и ты стояла вся такая прекрасная, свежая и честная. После твоего ухода это впечатление никак не оставляло меня. Воспоминания и образы казались ослепительно яркими, живыми.

Он взял ее за руку:

— Они стали совсем другими, Из. Подлинными. Непорочными. Такими, как в первый раз. Тогда я понял, что заиклился на том, что тебе все известно, а не на том, что ты одна из двух людей на этом свете, кому я мог бы довериться. Должен был довериться.

— Почему ты этого не сделал?

Гарри плюхнулся на детские качели, Иззи встала напротив.

— Моей маме не было еще двадцати, когда она начала работать в мельбурнском офисе «Бродмор» и встретила моего отца. Я не удивлюсь, если она искала там работу не только с целью познакомиться с ним. Она была довольно мотивирована. Я не знаю, как ей удалось его загипнотизировать, или же реалии брака оказались слишком обыденными и прозаичными, но в момент, когда на их брачном контракте высохли чернила, все очарование бесследно исчезло. И все, что осталось у обоих, — это не очень глубокие, не очень долгие, не очень хорошие отношения.

Иззи нахмурилась:

— Но у них родилось четверо детей.

— Часть соглашения. Отец хотел наследника.

— О, Гарри...

— Детям тяжело расти в такой семье, Из, — выдохнул он. — У моих сестер не менее исковерканные жизни, только по-своему. А я видел завуалированные взгляды, слышал язвительные комментарии, телефонные разговоры с друзьями и любовниками, когда родители думали, что я не слышу или не понимаю, о чем речь. Я смотрел, как отец — человек, которого я хотел любить и уважать, — пожизненно расплачивается за свою слабость к этой женщине, и я наблюдал, как она наслаждается отношениями с другими мужчинами, увлекается, влюбляется, а потом, устав от них, бросает и находит кого-то нового. Но, взрослея, я понял, что ее любовь к ним была практически неотличима от ее любви ко *мне*, — сказал он. — Она рассказывала миру, что любит отца, но на самом деле с трудом могла его терпеть. Так как же наша с тобой любовь могла быть настоящей?

Боль в груди, которая преследовала ее после возвращения из Австралии и уже было ослабла, вернулась с новой силой. Так вот почему он защищал свое сердце!

— И так я вырос с убеждением, что любовь — это такое эффектное слово, показуха, как пафосная прихожая в нашем доме. Где выставляют скульптуры, вешивают дорогие картины или сделанные на заказ портьеры. Это был успех напоказ. И он не должен быть

реальным. Но до нашей ссоры перед моим отъездом я не понимал, что это сделало со мной. В кого превратило. — Он наклонился вперед и поймал ее взгляд. — Я здесь по двум причинам: во-первых, я хочу попросить у тебя прощения, Иззи, за то, как разговаривал с тобой. Здесь и в Австралии.

— Ты веришь, что я тебя не обманывала?

— Абсолютно.

— Ты мне доверяешь?

— Да.

— Ты помедлил с ответом.

Он провел пальцами по волосам:

— Доверие не приходит само собой, Иззи. Для этого нужно будет немного поработать.

Оттого, что Гарри сказал в будущем времени, у нее перехватило дыхание.

— Почему ты не мог рассказать мне твои секреты?

— Я был сражен тобой. Сбит с толку и опьянен. Мы незаметно проскочили момент, когда признаться тебе во всем было бы естественно. Я начал тянуть и откладывать, и с каждым днем это становилось все труднее.

Как с ее родителями.

— Но ты была такой спокойной, терпеливой, нетребовательный, и я ценил это после всех женщин, которые были в моей жизни.

— Я стойчески ждала, пока ты расскажешь мне, — пробормотала она.

Он взъерошил пальцами волосы:

— Теперь я понимаю это.

— Тебе пришлось далеко лететь, чтобы извиниться.

— Ты помнишь голосовое сообщение, которое я оставил в день, когда у отца случился сердечный приступ? Я сказал, что мне нужно поговорить с тобой. Я собирался рассказать тебе все. Тогда.

— Но в тот раз ты сказал кое-что еще.

— Да. — Он медленно встал с качелей. — И меня убивало, что я впервые сказал их тебе именно так — в голосовой почте. Я представлял себе это по-другому.

Иззи попыталась улыбнуться, но у нее не очень получилось.

— Я тоже.

— Еще я сказал, что у меня есть кое-что для тебя. Он был со мной в тот день. И я ношу это с собой с тех пор, как мы видели друг друга в последний раз.

Он порылся в кармане своего длинного пальто и протянул ей маленькую мягкую игрушку.

Она посмотрела на нее:

— Утконос?

— Я нашел его в аэропорту Мельбурна. Единственное животное, которое более-менее похоже на выдру. Пришлось бороться за него с каким-то четырехлетним ребенком.

Она моргнула.

— Переверни его, Иззи.

Она послушалась, и Гарри многозначительно посмотрел на мешочек, закрепленный на пушистом животе утконоса.

Внутри что-то блеснуло.

Иззи, затаив дыхание, подняла глаза на Гарри и почти прошептала:

— Что?

— То, что я давно должен был сделать, еще когда купил его.

Давно?..

— И когда это было? — спросила она осторожно.

— В тот день, когда у отца случился приступ. С утра.

Слезы душили ее — из-за потери, если это было правдой. Из-за жестокости слов, если они были ложью. Иззи высвободила кольцо и осторожно повернула его пальцами, ее сердце бешено колотилось.

Белое золото. Просто и без изысков.

— И ты думаешь, дорогой прощальный подарок все исправит?

— Это не прощальный подарок. — Его губы скривились. — И не такой уж дорогой.

Она проигнорировала первую часть сказанного только из соображений самозащиты.

— Ты не спросишь, почему я купил тебе кольцо, Иззи?

Нет, потому что ее раненое сердце было больше не в состоянии это терпеть. Она едва заметно покачала головой.

— Я хотел как-то отпраздновать наше тридцатое свидание, нашу сумасшедшую связь и тот факт, что каждую ночь на протяжении четырех недель мы провели вместе. — Его глаза увлажнились. — Я купил его для тебя, Иззи.

— Тридцать свиданий?

— То, что я сказал себе, когда вошел в магазин.

— А когда вышел?

— Посмотри — не очень похоже на дружеское кольцо.

Иззи крепче вцепилась в кольцо, чтобы скрыть сильную дрожь в руках.

— Я собирался сделать тебе предложение, Иззи.

Вот оно. Последняя линия обороны разрушена — боль пронзила ее сердце насквозь.

— Почему ты говоришь мне все это сейчас?

Он шагнул к ней и накрыл ладонями ее руки:

— Потому что я погорячился, Из. Моя извращенная идея о любви превратилась в опухоль, и я поставил ее превыше всего. Когда я вернулся домой с этим кольцом для тебя, мне позвонила сестра, и я провел весь день на телефоне с необщительными врачами клиники. Но вместо того чтобы беспокоиться о семье, я чувствовал себя раздавленным. — Он подошел ближе. — Потому что должен был лететь домой и оставить тебя. И в тот же самый момент я осознал, что то, что было между нами, уже стало моей жизнью. Уверен, что ты слышала это в моем голосе.

Правда? Она слышала лишь голос человека, мечтавшего поскорее положить трубку. Но, может, она ошибалась.

Иззи внимательно рассматривала его лицо.

— Ты не можешь иметь все сразу.

— Могу. И буду.

— А что случится тогда с компанией?

— Я собираюсь возглавить ее.

— Очень серьезное обязательство.

— К счастью для меня, я не такой динозавр, как мой отец, — сказал он. — У меня есть чрезвычайно талантливая старшая сестра, которая за двадцать лет вполне проявила себя. Карла была бы просто счастлива возглавить наш бизнес в Австралии.

Затаив дыхание, Иззи спросила:

— А как же ты?

— Я займусь Европой и Северной Америкой.

— А где будет твое постоянное место работы?

— В нашем лондонском офисе, — улыбнулся Гарри.

Она сделала три длинных, глубоких вдоха:

— Значит, ты останешься, пока...

— Пока ты не скажешь мне уйти.

Иззи хотелось кружиться от счастья. Пусть даже она еще не имела на это право.

— А это кольцо?..

— Кольцо твое, если ты примешь его.

Она сжала маленького утконоса в одной руке, а кольцо в другой. Затем вернула его Гарри.

— Мне опять кажется, что я едва знаю тебя.

Его лицо вытянулось.

— Ты не хочешь кольцо?

— Будет неправильно принять его. После всего, через что мы прошли. Не сейчас.

В его голубых глазах читалось отчаяние.

— Я все разрушил, Из?

Неужели? Формально он не сделал ей предложение, но собирался, до того как все пошло не так. А она сказала бы «да»? Может быть. Но сейчас — после всего, что она узнала о Гарри, после всего, что увидела в Австралии, — стало ясно, насколько разными были их миры.

— Меня не интересуют твои деньги, Гарри.

Он был в замешательстве:

— Я знаю. Тогда мы создадим наш собственный мир с другими правилами.

— Я не очень подхожу на роль жены генерального директора. — Старые сомнения не отпускали ее.

— Тогда не выходи замуж за Гаррисона Бродмора. Выйди за Гарри Митчелла.

Он взял ее за руки, и Иззи поняла, как отчаянно хотела прикоснуться к нему. Она переплела пальцы с его.

— Как насчет... — Его взгляд упал на выдру-утконоса. — Давай повторим первые тридцать свиданий. Тридцать встреч, основанных на полном доверии и открытости. А на это время кольцо останется в выдре.

Гарри взял кольцо и аккуратно спрятал его внутри игрушки, а затем положил ее руки поверх и чуть сжал их.

— А на тридцатом свидании мы сядем в нашей гостиной с видом на Лондон, и я снова преподнесу тебе это кольцо. Как положено, опустившись на одно колено и все такое, и только тогда я приму твое «нет», Айседора Дин. — Он подошел ближе и обхватил руками ее лицо. — Ты была права, Иззи. Ты нужна мне, безумно. Кто еще будет критиковать меня, когда все остальные только льстят и подхалимничают? Я не хочу никого, кроме тебя — ни в постели, ни в сердце, ни в мыслях. Я люблю тебя, Айседора Дин. И тридцать свиданий ничто по сравнению с жизнью, которую я хочу провести с тобой.

Возможно, в ее бедном сердце еще теплилась какая-то жизнь. Оно встрепенулось и забилось, с каждым ударом все увереннее. Иззи поднялась на цыпочки и прижалась к

знакомым губам Гарри, он был все таким же — на запах, на вкус.

Когда его слова наконец дошли до ее затуманенного сознания, Иззи оторвалась от его рта:

— В нашей гостиной?

— Ты ведь не думаешь, что я потрачу хоть одно драгоценное мгновение наших тридцати свиданий на поездки в общественном транспорте? Я хочу, чтобы ты постоянно была рядом со мной, двадцать четыре часа в сутки. Я хочу засыпать и просыпаться в твоих объятиях.

Шрамы на ее сердце медленно рассасывались.

— У нас даже не было свидания. Возможно, я не такая непринужденная и уступчивая.

— Если я не ошибаюсь, ты переспала со мной еще до нашего другого первого свидания.

К вопросу о сговорчивости.

— Я была нетерпелива. И, возможно, немного пьяна.

— Обещаю, что позабочусь, чтобы ты всегда была в таком состоянии. Ты переедешь ко мне, Из? Сразу.

— Я обещала навестить родителей на следующей неделе. Я не могу их подвести. Они были так великодушны и снисходительны ко мне.

— Я поеду с тобой. Полагаю, что я в таком же долгу перед ними, как и ты. За то, что объяснили, что к чему.

— А девочки... Они обе хотят тебя убить.

— Я все снесу как мужчина. Даже от Алекса.

Его страстные губы снова нашли ее.

— А что, если через тридцать дней я скажу «нет»? — выдохнула она. — У меня уже не будет комнаты, куда я смогу вернуться.

— Ты не скажешь «нет». Нам судьбой предрешено быть вместе. Но если ты откажешься от кольца, я съеду, и останешься в квартире в Воксхолле, пока не подыщешь что-то другое. Даю тебе слово.

Она фыркнула сквозь слезы:

— У тебя слишком много денег, Гарри Митчелл Бродмор.

— И я с наслаждением буду наблюдать за тем, как ты изо всех сил будешь стараться не тратить их, Айседора Бродмор. — Он снова потряс перед ней игрушечной выдрой. — Так что ты скажешь? Хочешь попробовать?

Иззи взяла игрушку и достала кольцо, осторожно поддев его мизинцем.

— Не думаю, что выдре стоит доверять такую важную вещь, — пробормотала она, глядя на простое изящное украшение. Отчаянно желая примерить его.

— Ничего страшного, если оно проведет еще несколько недель у меня в кармане.

Иззи уклонилась от его руки, не выпуская кольцо из пальцев.

— Или... я могла бы носить его. Чтобы понять, нравится это мне или нет.

— Не думаешь, что обручальное кольцо будет привлекать лишнее внимание?

— Я буду носить его на правой руке и лишь изредка надевать на левую — никто даже не заметит его среди других моих украшений.

Разве что она никогда не носила колец. Поппи и Тори абсолютно точно заметят его.

— Позволь мне. — Гарри взял правую руку Иззи и ловко надел ей кольцо на безымянный палец. — Айседора Дин, — серьезно сказал он, посмотрев на нее красивыми голубыми глазами, — будешь ли ты рассматривать мое предложение руки и сердца в течение тридцати дней?

Она улыбнулась:

— Я подумаю.

— Этого вполне достаточно.

Иззи была благодарна, что в маленьком парке было так тихо и безлюдно, потому что Гарри поцеловал ее так страстно, словно они были одни в своей огромной кровати.

— Тогда мне нужно вернуться домой и начать собирать вещи, — выдохнула она, подняв наконец голову.

Гарри поморщился.

— Твои подруги не очень обрадуются, когда я украду тебя, — сказал он.

— Поппи и Тори будут подружками невесты. И простят все.

В одном она была уверена наверняка: друзья поддержат любой ее выбор, любое решение на сто процентов. Что бы ни случилось.

— Особенно когда я приглашу их в Австралию на нашу вторую церемонию.

Она удивленно подняла брови:

— У нас будет две свадьбы?

— Одна скромная, здесь, для Иззи, а другая шикарная, как и подобает наследнику, в Австралии. Там ты сможешь познакомиться с моими сестрами.

— С большим удовольствием, — пробормотала она, переплетя пальцы их рук.

Взгляд Гарри упал на ее руку.

— Ну как ощущения? Ты себе это так представляла?

— Абсолютно. Кольцо просто идеально подходит.

Они не спеша направились назад к пожарной станции, вспоминая, как это — вновь прикасаться друг к другу.

— Один последний вопрос, Гарри.

— Что, красавица?

— Я, вероятно, привезу с собой пару вещей, — сказала она задумчиво. — У тебя большая кладовка?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Примечания

«Лондонский глаз» — колесо обозрения в лондонском районе Ламбет.

Квай теов — блюдо малайской и сингапурской кухни из лапши.